

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№169/9-10 (5040)

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 2025

На русском
и английском языках

Журнал основан

в 1880 году

www.RussianMind.com

*Мир – бездна бездн.
И каждый атом в нем
Проникнут Богом –
дружбы, красоты*

А. Бунин

UK	£4.00
Germany, Austria, Italy, Luxembourg, Portugal, Estonia ...	€5.50
Belgium, Greece	€5.50
France, Spain	€5.60
Switzerland	5.60 CHF
Hungary	2290 HUF
Poland	26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ОСЕННИЙ ЗВЕЗДОПАД

«Осень в надрывах // Скрипок тоскливых // Плачет навзрыд...» Едва наступает эта пора, мне сразу вспоминаются «Осенние скрипки» Поля Верлена. Издревле осень создавала у русских людей, куда бы судьба ни закидывала их по Северному полушарию, ощущение грусти. Так мне кажется... Впрочем, не исключаю, что это лишь игра моего ума, «дань индивидуальным эмоциям», как бы сказал психолог.

Осень традиционно радует нас литературными шедеврами. Для творческих людей – особенно для поэтов – это самое плодотворное время года. Однажды я даже встретил в одном литературном издании такое выражение: «Осенний звездопад» – применительно к шедеврам, рожденным писателями в осенние дни.

Новый выпуск «Русской мысли» – об осеннем звездопаде несколько иного свойства: о русских писателях, в биографиях которых

круглые даты приходятся на начало и середину осени. Поэтому материалы посвящены 155-летию со дня рождения Ивана Бунина и Александра Куприна, 145-летию Андрея Белого, 130-летию Сергея Есенина...

Вспомним мы и о пионере цветной фотографии в России Сергее Прокудине-Горском, создателе в начале прошлого столетия уникальной фотографической «Коллекции достопримечательностей Российской империи». Поговорим и с Никитой Лобановым-Ростовским, который расскажет о своем многолетнем опыте взаимодействия с мировыми аукционными домами. Как всегда, предложим нашим читателям материал доктора богословия Августина Соколовски, а также публикации под рубрикой «История»: очерк Андрея Буровского о падении Римской империи и материал Людмилы Третьяковой «Три дня Бородина» – к 30-летию учреждения Дня Бородинского сражения. Традиционно публикуем – только у нас! – литературные произведения: стихи и рассказ. А те, кто любит французскую песню, смогут испытать себя, подпевая героям очерка об истории настоящего *chanson*. Мы печатаем первую часть этого цикла.

«Заплаканная осень, как вдова // В одеждах черных, все сердца туманит...» Как тут не вспомнить Анну Ахматову!

Увы, осень для нашей редакции – пора потерь. Не стало многолетнего члена редакционного совета журнала «Русская мысль» князя Александра Трубецкого. Ему посвящена рубрика «Память». Мир его праху!

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№169/9–10(5040)
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адаминин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
И ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Улица Юрия Гагарина 231, 11073,
Белград, Сербия

ОБЛОЖКА:
Иван Алексеевич Бунин в 1901 году

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

bunin-lit.ru, wikireading.ru, ru.wikipedia.org, foma.ru,
vokrugsveta.ru; *foto*: [wikimedia.org/wikipedia/](http://wikimedia.org/wikipedia/commons)
commons.wikimedia.org, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ВЫЗОВ
ИВАНА БУНИНА

Несмотря ни на какие испытания, придуманные для него временем и историей, Бунин всегда оставался самим собой.

ЛИТЕРАТУРА

11 ИВАН БУНИН
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

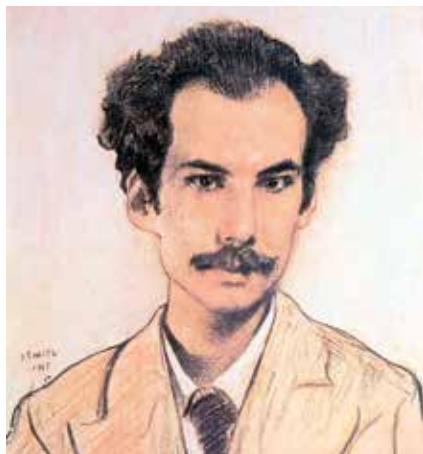
И. С. Шмелев: «Через Россией рожденного Бунина признается миром сама Россия, запечатленная в письменах».

20 БОГА ЛЕГКОЕ
ДЫХАНИЕ

О религиозной поэзии Ивана Бунина и о его делах милосердия.

24 ПИСАТЕЛЬ
БАЛАКЛАВСКИХ
РЫБАКОВ

К 155-летию со дня рождения Александра Куприна.

27 СРЕДИ ВСПЛЕСКОВ
ТОСКИ

14 (26 октября) 1880 года родился Андрей Белый, один из главных идеологов русского символизма.

30 ДРАГОЦЕННЫЕ
ГИРЛЯНДЫ СТРОК

К 130-летию со дня рождения Сергея Есенина.

34 ПУТЕВОДНУЮ ВИДЕТЬ
ЗВЕЗДУ

Стихи писателя, поэта, переводчика, лауреата литературной премии И. А. Бунина (2007) Александра Сенкевича.

38 ТЕКУТ СТОЛЕТЬЯ
ЦЕПЬЮ КАРАВАНА

Стихи поэта, переводчика и литературоведа Михаила Синельникова.

42 ЖАР ТЛЕЮЩЕГО
В ПЕПЛЕ УГОЛЬКА

Представляем вниманию читателей подборку стихов Андрея Козырева.

КУЛЬТУРА

46 АУКЦИОНЫ В ЖИЗНИ
КОЛЛЕКЦИОНЕРА

О своем опыте взаимодействия с аукционными домами рассказывает Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский.

52 «КАКАЯ ЖЕ ЭТО
ОПЕРА?...»

Петр Чайковский о творчестве Рихарда Вагнера.

58 «И СЕЙЧАС ЖЕ
В ОТВЕТ ЧТО-ТО
ГРЯНУЛИ СТРУНЫ...»

К 100-летию со дня рождения В. А. Берлинского, выдающегося русского музыканта-виолончелиста, основателя квартета Бородина.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ62 ПИОНЕР ЦВЕТНОЙ
ФОТОГРАФИИ
В РОССИИ

Судьба наследия русского фотохудожника С. М. Прокудина-Горского.

ИСТОРИЯ

68 ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Квинт Энний: «Рим и мощь его держатся старинными нравами».

76 ТРИ ДНЯ
БОРОДИНА

30 лет назад был учрежден День Бородинского сражения.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК84 ЛЕТО
ГОСПОДНЕ

Отец Августин Соколовски делится своими размышлениями о святых, чья память празднуется в начале осени.

ОЧЕРК

90 В НАЧАЛЕ БЫЛ
CHANSON...

«Русская мысль» начинает публикацию очерков об истории французской песни.

ОБЩЕСТВО

98 «ВОЗВРАЩЕНИЕ
В САРАТОВ – ЭТО
ВОЗВРАЩЕНИЕ
К СЕБЕ»

28 сентября в Саратовском музее им. А. Н. Радищева прошла презентация сборника Марии Копьевой о Саратове и его выдающихся жителях.

ТОЛЬКО У НАС

100 ПРИВЕТ,
ИсИн!

Новый рассказ Владимира Малышева, любезно предоставившего «Русской мысли» право первой публикации.

ПЕРСОНА

104 «РУССКИЕ ДЕРЖАТ
ДВЕРИ ОТКРЫТЫМИ»

Писатель Доминик Фернандес о Сергее Прокофьеве, Льве Толстом и российской границе с Богом.

В МИРЕ КИНО

107 СЛУЖИТЬ ИСКУС-
СТВУ БЕЗ ОСТАТКА

К 100-летию со дня рождения выдающегося актера Кирилла Лаврова.

ПАМЯТЬ

108 ЧЕЛОВЕК
ИСТОРИИ

Памяти члена редакционного совета журнала «Русская мысль» князя Александра Трубецкого.

СОБЫТИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ110 В ЭТИ ОСЕННИЕ
ДНИ

О Всемирном дне архитектуры, празднике Покрова дня и проблемах сохранения окружающей среды.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ВЫЗОВ ИВАНА БУНИНА

Несмотря ни на какие испытания, придуманные для него временем и историей, Бунин всегда оставался самим собой

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Поколения людские скреплены между собой в такую жесткую цепочку, что расстояние между звеньями порой очень трудно определить. Впрочем, связь времен обычно осознается нами подспудно, даже рефлекторно. Когда же лично приходится прикоснуться к этой эстафетной палочке, отшлифованной ладонями многих и многих людей, живших, трудившихся и любивших до тебя на Земле, кружится голова от ощущения вечности и преемственности Истории.

В этом номере «Русской мысли» мы будем отмечать 155-летие Ивана Алексеевича Бунина – поэта, прозаика, мыслителя. В 1933 году он первым из русских писателей стал лауреатом Нобелевской премии по литературе за «строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». И еще этот выпуск посвящен тем выдающимся людям, которые ознаменовали собой в XX столетии отечественную культуру, а значит – и нашу жизнь. Прежде всего – современникам Бунина как в эмиграции, так и непосредственно в России. Ведь, казалось бы, разрозненный волею безжалостного времени поток российской культуры на самом деле един и неделим, он не имеет ограничений и границ – как между государствами, так и между поколениями.

...Мой отец вспоминал о своих встречах с Маршаком, поэтом и прекрасным переводчиком поэзии. Как-то Самуил Яковлевич – старинный ученик и стипендиат Владимира Стасова, одного из самых влиятельных людей

в художественной жизни пореформенной России, – рассказывал о том, как в конце восьмидесятых годов прошлого столетия Стасов жил в Париже. Однажды он сидел в русском кафе на Пасси, когда в зал вошел седой статный старик.

– Здравствуйте, – сказал старик.

Никто из сидящих в кафе не ответил ему, даже не шелохнулся, голову в его сторону не повернул. Старик обвел взглядом людей, только что таких шумных, а теперь настороженных, замерших, резко повернулся на каблуках и вышел, хлопнув дверью.

– Кто это был? – спросил у товарища Стасов.

Ответ был хлестким, как удар бичом:

– Дантес!

«Вот тогда-то я почувствовал связь времен. Пушкин и я: фантастика какая-то!.. Образно говоря: нас разделяли лишь два-три рукопожатия», – завершил свой рассказ Маршак.

Схожее состояние нереальности, зазеркальности происходящего было у меня в доме у писательницы Умм-эль-Банин, жившей в Париже. В руках моих оказалась фотография: Иван Алексеевич Бунин в мягкой шляпе, несколько надвинутой на глаза, выражение лица мечтательное и надменное, усталое и ироничное. Внизу написано вечным бунинским пером: «Что перед этим ваш немецкий писатель?» (Своеобразный знак верности по отношению к Эрнсту Юнгеру, большому другу Умм-эль-Банин). А на обороте: «Позвольте, Джаным, сказать

словами Карла Ивановича из “Детства” Толстого:

*Помните близко,
Помните далеко,
Помните еще и навсегда,
Как верен и любить умею!*

Ив. Б.

18 авг. 1946 г.

Париж».

Бунин и... я! Разве не фантастика? Но я держу в руках эту фотографию. А передо мной – та, кому она была подарена. Умм-эль-Банин – стройная, легкая, улыбчивая. Она смеется, глядя на то, как я с дрожью в руках держу этот снимок, словно хрупкую новгородскую грамоту: «Не бойтесь, открытка не развалится. Как и кресло, в котором вы сидите. Когда Бунин приходил сюда и опускался в него, оно стояло на этом же месте...»

Бунин Парижа. Париж Бунина. Бульвары, по которым он ходил, кафе, где встречался с друзьями, залы, где читал свои повести и рассказы, а реже – стихи. Мюэт, площадь Терн, Елисейские Поля... Помню, один поэт утверждал, будто взгляды людей могут отшлифовать любой камень. В таком случае на брусчатке Парижа осталось немало бунинских автографов.

«Самое трудное для российского человека в эмиграции – это остаться самим собой. К сожалению, бывает так, что писатель, бежавший из своего дома от необходимости кривить совестью, идти на сомнительные компромиссы, вынужден опять умерщвлять дух, чтобы выжить, но уже за рубежом. Одно

ярмо заметно или нет сменяется другим... Меня, к счастью, чаша сия миновала».

Слова эти, сказанные в Париже Андреем Синявским, относятся, моему, и к Ивану Бунину. Несмотря ни на какие испытания, придуманные для него временем и историей, Бунин всегда оставался самим собой. Каким? Вот что пишет об этом Умм-эль-Банин в своей книге «Последний поединок Ивана Бунина»: «Маленький зал Дебюсси с трудом вместил всех многочисленных поклонников Бунина. Страфонтеры (откидные кресла – К. П.) брали с бою: пришлось поставить стулья даже на эстраде...»

Теснота в зале меня не касалась, поскольку я пользовалась благосклонностью Бунина, то мне было предоставлено кресло в первом ряду, как раз напротив чтеца. Прямой, как свеча, внушительный, как король, он величественно появился в зале и был встречен громом аплодисментов. Снежная белизна волос, изысканная элегантность сообщали ему неотразимое обаяние. Когда он начал читать, я еще больше пришла в восторг: голос, чересчур громкий в моей маленькой комнате, здесь был в самый раз. Он достигал всех уголков зала, гудел, как труба, увлекал и нас, и его самого. Под взглядами обожателей Бунин возвышался и царил...

Бунин не злоупотреблял восхищением слушателей и не затянул чтения, как на его месте сделали бы другие. К тому же он читал безукоризненно: не слишком быстро, не слишком медленно, у него была отличная дикция, он никогда не впадал в напыщенность: читал так же сдержанно, как писал. Вечер кончился триумфом и овациями. Монарх, отвечающий с балкона на приветствия подданных, не мог бы кивать толпе с более царственным величием, чем Бунин».

Барин, самовлюбленный и постоянно рефлексирующий, – таким

Иван Алексеевич Бунин. Около 1900

предстает Бунин во многих мемуарах. Причем в позе Бунина не было ничего от записной знаменитости, какой, казалось бы, он мог чувствовать себя после присуждения ему Нобелевской премии. Все было совершенно естественно, ибо не могло обстоять иначе.

«И до эмиграции, и после отъезда из России, и до Нобелевской премии, и после ее присуждения Бунин, в сущности, оставался одним и тем же, – рассказывала мне в Париже прекрасная писательница,

тоже эмигрантка, Нина Николаевна Берберова. – Милейшим представителем старой России. Он напоминал моего дедушку, даже не родителей. Их я видела в контексте революций – сначала Февральской, потом большевистской. Бунина же представить не могла. Он был не стар, но старомоден...»

Да, Иван Алексеевич и сам больше причислял себя к поколению Ивана Тургенева и Льва Толстого, нежели к поколению Максима Горького и Викентия Вересаева. Может,

На церемонии вручения Нобелевской премии, Стокгольм, 1933.
Слева направо: Г.Н. Кузнецова, И. Троцкий, В.Н. Бунина, Андрей Седых,
И. А. Бунин

именно в этой «старомодности» и заключался секрет избранничества Бунина, который мы с особой силой начинаем постигать сейчас? Сейчас, когда – наверное, без преувеличения – и недели не проходит без цитирования в разного рода российских СМИ «Окаянных дней». В том числе и избранничества Бунина как поэта. (Мне кажется, что эту сторону гения Бунина мы еще недостаточно оценили: не потому ли, что как поэт он больше принадлежит к поколению Федора Тютчева, нежели к своим современникам?). Поэта-лирика, философа, пророка:

*Ходили в мире лже-Мессии, –
Я не прельстился, угадал,
Что блуд и срам – их литургии,
Их речь – бряцающий кимвал.*

Задолго до «окаянных дней» – до «раскулачивания», до «чисток», до Гулага – написал он эти строки. Увы, во многом вещие.

В отличие от Горького, Куприна, А. Н. Толстого, Бунин не вернулся

на родину, несмотря на шарм и увещевания московских гонцов, настоятельно и хлебосольно уговаривавших его (достаточно назвать хотя бы Константина Симонова и его жену актрису Валентину Серову). Не вернулся никогда, даже визитером-туристом. В этой непримиримости – тоже вызов Ивана Бунина, написавшего в октябре 1952 года, незадолго до смерти, в предисловии к своей книге «Роза Иерихона», вышедшей в Чеховском издательстве: «Я был не из тех, кто был ею (революцией – К.П.) застигнут врасплох, для кого ее размеры и зверства были неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания: во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было сплошным ужасом для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия...»

И еще из «Окаянных дней»: «Русь классическая страна буяна. Был и святой человек, был и строитель высокой, хотя и жестокой

крепости. Но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с буяном, разрушителем, со всякой крамолой, сварой, кровавой «неурядицей и нелепицей»...»

Бунин был откровенно брезглив к любой форме насилия, к грубости, к унижению. В короткой, но такой проникновенной статье «О Бунине», напечатанной в парижском эмигрантском журнале «Возрождение» к десятилетию кончины писателя, Зинаида Алексеевна Шаховская, известный литератор и общественный деятель русского зарубежья, вспоминала о том, как Иван Алексеевич, «заслуженно расшвыряв на гитлеровских таможенников, раздевших его догола на границе», попросил Шаховскую, еще не бывшую тогда главным редактором «Русской мысли» (она стала им в конце шестидесятых), «обнародовать это бесчинство в прессе». Позднее, после выхода «Темных аллеи», он подарит писательнице один из первых экземпляров этой книги, сопроводив его надписью: «*“Декамерон” написан во время чумы. “Темные аллеи” в годы Гитлера и Сталина – когда они старались пожирать один другого*».

Впрочем, сталинские власти платили Бунину взаимной «любовью». После неоднократных попыток убедить первого российского нобелевского лауреата по литературе вернуться домой на волне послевоенного патриотизма, закончившихся ничем, во втором издании Большой советской энциклопедии, первые тома которой вышли в начале пятидесятых, о писателе заявили, что он одержим «совершенно бешеной ненавистью к Советской России».

И все-таки не в силах сталинских церберов было отлучить писателя от России. Единственно, как им удалось отомстить Бунину, болезненно переживавшему запоздалую славу, которая пришла к нему на чужбине, – это лишить его права быть похороненным

на родной земле. Но есть в этом по-смертному наказании совершенно не подвластная диктаторам логика. Бунин спит вечным сном в окружении если не близких ему людей (гений всегда одинок), то тех, кто причастен к нему и своей судьбой, и своим талантом: Ремизова, Шмелева, Зайцева, Тэффи, Георгия Иванова, Алданова, Саши Черного... Список можно долго продолжать. Если не зарастает народная тропа к маленькому припарижскому городку Сент-Женевьев-де-Буа, то это прежде всего потому, что на его муниципальном кладбище похоронен Иван Бунин. Далекое и прекрасное созвездие светил русской литературы и из другого мира продолжает дарить россиянам свое тепло, и главная планета в этой невероятной галактике – он, Иван Алексеевич Бунин. Не потому ли утверждают, что на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа неповторимая атмосфера, особое биополе, что ли?

... Мы выбрали каждый по приглянувшемуся горшку (живые цветы класть на могилы в Сент-Женевьев-де-Буа запрещается). Виктор Петрович Астафьев, приехавший из Москвы, – с хризантемами, я – с верониками. Так и пошли на позолоченный осенью погост. Русское кладбище стояло в туманной октябрьской неге. Суббота: церковь с утра закрыта, людей почти не видно... Мы шли по аллейке, и чем дальше уходили вглубь, тем тревожнее и напряженнее становился старый писатель. Я чувствовал эту напряженность, но сперва отнес ее за счет возраста. Подумал: Астафьев как человек, стоящий по годам гораздо ближе к последнему берегу жизненной реки, чем к первому, невольно настраивается на кладбище на скорбно-философский лад. Но показала могила Бунина, Виктор Петрович бросился к ней, как жаждущий к роднику, и я понял, что ошибался.

Памятник И. А. Бунину в городе Грасс. Франция

Могила Ивана Бунина и его жены Веры Муромцевой-Буниной на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Франция

– Вот ты где спишь, Иван Алексеевич... Вот оно как получается... – Астафьев застыл у маленькой серой могилки. Замолчал. Мне показалось, что ему хочется остаться одному, и я отошел в сторону. – Да-да, иди! – Благодарно кивнул писатель. – А я здесь останусь.

На углу аллеи я обернулся и увидел, как Астафьев стоял, крепко сцепившись руками в гранитное ребро креста, и словно пребывал в оцепенении. Первым стремлением было броситься на помощь.

Словно четырехконечный, с мальтийским разлапистым силуэтом крест на могиле Бунина мог, будто статуя Командора, затащить в царство теней. Но потом до меня дошло: напротив – Астафьев черпал силу в шероховатом камне, теплом от осеннего солнца. Всю свою жизнь он шел на встречу с Буниным, и вот она состоялась.

Белесые, желтые, красные листья падали на присыпанные кирпичом дорожки, на тесные ряды надгробных плит. Просеменил мимо отец

Силуан – ангельская душа, кладбищенский священник-эмигрант, с трудом толкая свой неизменный мопед. Прошумела стайка мальчишек-французов, собирающих грибы, которые обильно растут на русских могилах...

Когда я вернулся, Астафьев стоял все в той же позе, прикрыв глаза. Лишь шевелились губы. Молитву читал? Или бунинские стихи?

*... Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль.
То, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.*

Астафьев услышал мои шаги и очнулся:

– Нет ли случайно бумажки? Клочка какого-нибудь?

У меня оказался в кармане блокнотный листок. Писатель взял его и начал перерисовывать могилу Бунина. Шариковая ручка дрожала, рисунок получался весьма приблизительный, но основные контуры выходили верными.

– Эх, позор какой! Надо было мне, старому дураку, прихватить с собой из дома хоть горсть земли, хоть бы веточку какую-нибудь, чтобы на могиле оставить... Дома будут спрашивать, как там Иван Алексеевич. – Астафьев надвинул колпачок на ученическую ручку и опять погрузился в молчание.

Мы постояли в тишине, изредка прерываемой клаксонами недалеких автомобилей, и Виктор Петрович Астафьев принялся прощаться:

– Спи спокойно, Иван Алексеевич! Прощай, русская душа.

Он перекрестился, преклонил колено здоровой, не перебитой на фронте ноги и бережно прикоснулся губами к камням гранитной окантовки:

– Прощай, дорогой наш человек!.. Прости, Христа ради, – за свои грехи и за наши.

ИВАН БУНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

И. С. Шмелев: «Через Россией рожденного Бунина признается миром сама Россия, запечатленная в письменах»

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Иван Алексеевич Бунин в 1901 году

Писатели, публицисты, историки и политологи с самого начала своей профессиональной карьеры познают непреложную истину: одним из путей духовного обогащения

и профессионального развития является постоянное общение с коллегами и вообще с творческими людьми. В беседах с ними кристаллизуется уже собственное мнение, в споре рождается

истина, в обсуждении формируется позиция.

Начинающий литератор Иван Алексеевич Бунин понял это с молодых лет. Более того, он, будучи образованным, интеллигентным и вежливым человеком, также легко овладел искусством общения с творческими людьми.

В январе 1895 года Иван Алексеевич, оставив службу в Полтаве, впервые приехал в Санкт-Петербург. Известно, что он провел в столице 12 дней. И за этот относительно короткий период времени сумел встретиться с целым рядом полезных для себя и важных для осознания собственного творчества известных людей. Он познакомился с литературным критиком, публицистом и блестящим переводчиком Николаем Михайловским, общался с публицистом Сергеем Кривенко, который был в ту пору теоретиком народничества, за что уже побывал в тюрьме и ссылке в Сибирь. Но важнейшая встреча была у Бунина с поэтом Константином Бальмонтом, ставшим со временем звездой Серебряного века русской поэзии.

Бунин, сам начинавший с поэтических сборников, считал его «поэтом души и сердца», мастером изящной и утонченной поэзии. Восхищался он и переводами Бальмонта.

В 1906 году Бальмонт эмигрировал за границу и стал публиковать свои стихи во Франции, так как в России их не пропускала цензура.

Усадьба Германовской в Воронеже, где родился Бунин

Заметим, что в 1923 году Бальмонт был номинирован на Нобелевскую премию по литературе наряду с Максимом Горьким.

Общался Бунин и с Дмитрием Григоровичем, «певцом деревни». Он встретил его в книжном магазине и сразу же с ним разговорился. Как писал позже Бунин, 72-летний писатель поразил его живостью взгляда и енотовой шубой до пят.

Григорович родился в захолустном селе Черемшан в Симбирской губернии. Он автор многих романов, повестей и рассказов на крестьянскую тему, среди которых особенно выделяется повесть «Антон-Горемыка», изданная в 1847 году.

Встречи с авторами и критиками Бунин продолжал и в других городах России. Побывал он и у Льва Толстого в его усадьбе в Хамовниках (ныне Государственный

Музей-усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках). Заметим, что именно здесь великий мастер создал около ста произведений, в том числе роман «Воскресение», повести «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Отец Сергей».

В конце декабря 1903 года в Москве состоялась встреча Бунина с А. П. Чеховым, который удивил его своей простотой и приветливостью. Иван Алексеевич так описал эту встречу: «Я, тогда еще юноша, не привыкший к такому тону при первых встречах, принял эту простоту за холодность...»

Оба собирались в дорогу: Бунин готовился к поездке в Ниццу; для Чехова, жившего в Ялте, то была предпоследняя поездка в Москву. В следующий раз он приедет сюда совсем ненадолго, прежде чем отправится в Баденвайлер, где и встретит свою смерть. Сам Бунин писал

много лет спустя: «И не думал я в те дни, что они – наше последнее свидание».

С поэтом Валерием Брюсовым отношения у Бунина не сложились с первого дня знакомства. Бунин изначально не принял символизм, считая, что он слишком далек от лирической поэзии и даже опасен для нее. Но во время первой встречи речь шла не о поэзии; Брюсов обрушился на Ивана Алексеевича классический

лозунг символистов: «Да здравствует только новое и долой все ветхое и отжившее!» Бунин воспринял сказанное как то, что его произведения, как поэтические, так и прозу, собираются выбрасывать на помойку. С этой минуты Брюсов перестал для него существовать.

Зато у него появилось много талантливых и деятельных друзей, когда он вступил в литературный кружок «Среда», члены которого собирались в доме Николая Телешова. Это были Максим Горький, его друг писатель и журналист Степан Скиталец, Федор Шаляпин, прозаик и драматург Евгений Чириков, а также сам хозяин дома Николай Телешов.

Искренне любящий искусство и литературу, Телешов помогал писателям и сам был не чужд литературного творчества. Между тем он был потомственным почетным

гражданином, совладельцем торгового дома «Телешов Дмитрий Егорович», учрежденного в 1877 году его отцом, членом правления торгово-промышленного товарищества «Ярославской Большой мануфактуры», гильдейским старостой купеческой управы Московского купеческого общества (1894–1898).

Но еще удивительнее то, что Телешов принимал участие в Октябрьской революции, стал одним из первых советских писателей и со временем получил в 1938 году звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

К Бунину он относился как к лучшему другу и даже оплатил его свадебное путешествие за границу – в страны Востока.

Что же касается собраний кружка, то они больше напоминали встречи молодежного литературного клуба, нежели заседания опытных мастеров слова, обсуждающих вопросы текущей издательской политики. Авторы представляли свои новые произведения и даже читали отрывки из них, но обычно речь шла об увлекательных или забавных сюжетах, а не о литературных достоинствах произведения: их оставляли на совести редакторов. Любое обсуждение шло в неформальной обстановке, а чтобы сделать его еще более легким и дружеским, каждый из кружковцев имел прозвище,

Интерьер Дома-музея Ивана Бунина в Воронеже

связанное с названиями московских улиц. К примеру, Максим Горький, любивший рассказывать о жизни босяков, был наречен Хитровкой; Леонид Андреев за приверженность к теме смерти именовался Ваганьковым; Бунину за удобу и ироничность досталась Живодерка.

Были в кружке и другие «характеристики». Николай Телешов называл Бунина «непоседой»: тот не умел долго задерживаться на одном месте, и письма от Ивана Алексеевича приходили то из Орла, то из Ялты. Горького называли еще и «башмачником», потому что в детстве он был учеником сапожника. Никто на прозвища не обижался.

Интересные отношения складывались у Бунина с Горьким. Их принципы литературного творчества были несказанно различны. Но тогда они питали друг к другу

искреннюю симпатию. При первой же встрече Горький сказал Бунину: «Вы же последний писатель от дворянства, той культуры, которая дала миру Пушкина и Толстого». Через несколько дней Иван Алексеевич отправил Горькому свою книгу «Под открытым небом». Началась переписка, которая продолжалась почти два десятилетия. Начиная с 1902 года в газетных новостях имена Горького и Бунина нередко стояли рядом: писатели считались представителями одной и той же литературной группы. Известно, что Иван Алексеевич посещал почти все премьеры спектаклей, поставленных по пьесам Горького. Что же касается последнего, то его отклики на произведения Бунина в предшествующий период были, как правило, позитивными. К примеру, прочитав рассказ «Антоновские яблоки», Горький

И. А. Бунин и В. Н. Муромцева-Бунина. 1910-е годы

написал: «Это – хорошо. Тут Иван Бунин, как молодой бог, спел». Бунин в ответ посвятил ему свою поэму «Листопад».

Но чем больше чувствовалось приближение революционных событий, тем больше становилась пропасть между двумя мастерами слова. Последняя встреча Бунина и Горького состоялась в апреле 1917 года в Петрограде. Как вспоминал Бунин, как раз в тот день, когда он должен был покинуть Петроград, Горький организовал большое собрание в Михайловском театре, на котором представлял особых гостей – Бунина и Шалапина.

Публика в зале показалась Ивану Алексеевичу сомнительной, а речь Горького, начавшаяся обращением «Товарищи!» к собравшейся аудитории, и вовсе не понравилась Бунину. Расстались они, в общем,

по-дружески. Это дало основание Горькому, когда он прибыл в Москву в первые послереволюционные дни, сообщить Бунину, что он желает с ним встретиться. Но тот в ответ передал через Екатерину Пешкову, что считает «отношения с ним навсегда конченными».

Стало ясно, что их пути окончательно разошлись. Если говорить о публицистике начала 1920-х годов, то в ней Бунин и Горький стали оппонентами. Иван Алексеевич упоминал о Горьком главным образом как о «пропагандисте советской власти». Горький же высказывал в отношении прежнего друга еще более резкие суждения. В письме своему секретарю Петру Крючкову он заявил, что «Бунин дико озверел». Позже, когда во Франции образовалась довольно солидная группа из известных

писателей-эмигрантов, не принявших революцию, Горький так высказался о них в своем письме Константину Федину: «Б. Зайцев бездарно пишет жития святых. Шмелев – нечто невыносимо-истерическое. Куприн не пишет – пьет. Бунин переписывает “Крейцерову сонату” под титулом “Митин”». После этого никакая корреспонденция между ними была уже невозможна.

Бунин не был пацифистом в полном смысле этого слова, но он был гуманистом и патриотом. Первая мировая война и ее ужасы произвели на него глубокое впечатление. Когда в 1914 году пришло сообщение об обстреле немцами Реймского собора, Бунин составил обращение «По поводу войны. От писателей, художников и артистов» с осуждением «германцев», которых называл единственными виновниками войны, уничтожавшими ценности «ради несбыточной надежды владычествовать в мире насильем»; жестокости «германцев» противопоставлялись «мир и освобождение» со стороны Антанты, руководимой «лишь священными чувствами». Помимо самого Бунина, среди подписавших были Федор Шалапин, Константин Станиславский, Евгений Вахтангов, Иван Шмелев, Петр Струве, Мария Ермолова и Александр Серафимович. Через несколько дней к ним присоединился Максим Горький.

Обращение Бунина, несомненно, было услышано в России многими деятелями культуры, число его поклонников возросло. Среди них был молодой Валентин Катаев, который считал себя учеником Бунина.

Семнадцатилетний Катаев, впервые услышавший о стихах Ивана Алексеевича от поэта Александра Федорова, в 1914 году сам пришел к Бунину, находившемуся в ту пору в Одессе. Впоследствии, рассказывая о знакомстве с писателем в книге «Трава забвения», Валентин Петрович упомянул, что перед ним

предстал «сорокалетний господин, сухой, желчный, щеголеватый», облаченный в брюки, сшитые у хорошего портного, и английские желтые полуботинки. Юноша вручил Бунину тетрадку со стихами и прямо сказал: «Пишу... подражаю вам». Аудиенция была короткой, но, когда через две недели Катаев пришел к Ивану Алексеевичу за ответом, в его жизни произошло «первое чудо»: Бунин предложил ему найти время для новой беседы. С этого момента началось их общение, продолжавшееся с перерывами до 1920 года. Когда в 1918 году Бунин и Вера Николаевна Муромцева (вторая жена Бунина) вместе с другими беженцами добрались до Одессы, встречи стали практически ежедневными: Катаев приносил писателю новые стихи, и тот много работал над его рукописями, делал пометки, вносил правки, давал советы. «Посвящение в ученики», по словам Валентина Петровича, произошло лишь после того, как он услышал от Бунина первую похвалу.

Катаев стал участником одесского литературного кружка, на заседаниях которого неизменно присутствовал Иван Алексеевич. Разговоры там велись весьма вольные, и Бунин фиксировал их в дневнике. Позже он сознательно изъяс из своих записей некоторые весьма острые катаевские реплики, не желая подставлять своего литературного крестника, оставшегося в Советской России.

Находясь уже во Франции, Муромцева-Бунина посвящала все свое свободное время разбору архивов Бунина, включая переписку с известными литераторами, и тщательно изучала его дневники, стремясь отсеять все, что могло бросить тень на Ивана Алексеевича. Среди многочисленных писем она обнаружила и письмо от Катаева «с белого фронта», датированное октябрём 1919 года. Оно начиналось

Участники московского литературного кружка «Среда». Верхний ряд слева направо: Степан Скиталец, Федор Шалапин, Евгений Чириков; нижний ряд слева направо: Максим Горький, Леонид Андреев, Иван Бунин, Николай Телешов

словами: «Дорогой учитель Иван Алексеевич...»

Валентин Катаев стал со временем одним из самых популярных авторов в СССР. В своей книге «Трава забвения» он очень подробно и с легким юмором описал, как общался с Буниным в Одессе.

Думается, самой увлекательной сагой в жизни Ивана Алексеевича является история его взаимоотношений с писателем Александром Куприным. Они родились в один год – в 1870-м – и познакомились под Одессой спустя 19 лет. Практически с первых месяцев знакомства Бунин, насколько мог, поддерживал нового товарища. Куприн только начинал свои литературные опыты, и Бунин дал ему несколько дельных советов. И дружба, и литературное творчество обоих молодых авторов приносили плоды.

Но со временем Куприна настолько огорчили неудачи с публикацией его рассказов, что он начал разочаровываться в собственном творчестве и даже не решался отнести

свое произведение в издательство, зная, что начинающих авторов публиковать не любят. И тогда Бунин самолично отнес рассказ Куприна в редакцию одного журнала.

«Он ждал меня на улице, и, когда я выскочил к нему из редакции с двадцатипятирублевой, глазам своим не поверил от счастья, потом побежал покупать себе “штиблеты”, потом на лихаче помчал меня в приморский ресторан “Аркадий” угощать жареной скумбрией и белым бессарабским вином. Сколько раз, сколько лет и какой бешеной скороговоркой кричал он мне во хмелю впоследствии:

– Никогда не прощу тебе, как ты смел меня благодетельствовать, обувать меня, нищего, босого!» – записал в дневнике Бунин.

При этом и стили, и характеры, и отношения со знакомыми у них были очень разные. Иван Алексеевич был человеком гордым, а иногда даже резким, а Александр Иванович всегда оставался мягким и добродушным. По воспоминаниям Марии

Копия грамоты о присуждении И. А. Бунину Нобелевской премии. Музей И. А. Бунина в г. Елец, Россия

Карловны Куприной, однажды во время обеда в их доме Бунин, гордившийся своей родословной, назвал ее мужа «дворянином по матушке». В ответ Куприн сочинил пародию на рассказ Бунина «Антоновские яблоки», озаглавив ее «Пироги с груздями». Эта сатирическая миниатюра не была обидной, и они продолжали дружить.

Творчество Куприна развивалось, он становился все популярнее. К концу первого десятилетия XX века оба писателя были уже широко известны, входили, как считали критики, в первую пятерку литераторов России. Они по-прежнему дружили, но, по сути, были главными соперниками на литературном горизонте страны. Неудивительно, что они оказались конкурентами, когда в 1909 году решалась судьба престижной Пушкинской премии.

Уже в начале мая Куприн, получивший сведения о предварительных итогах конкурса, сообщил Бунину, что им обоим присуждена «половинная» Пушкинская премия. В письме он в шутку заметил: «Я на тебя не сержусь за то, что ты свистнул у меня полтысячи».

Бунин же ответил серьезно: «Радуюсь тому, что судьба связала мое имя с твоим».

В октябре было официально объявлено, что Пушкинская премия за 1909 год поделена между Буниным и Куприным; каждый из них получил по 500 рублей. А менее чем через две недели из Императорской академии наук поступило новое известие – об избрании Бунина почетным академиком по ряду изящной словесности.

Комментируя итоги Пушкинской премии, Куприн в одной из своих книг не преминул отметить символичность того, что на торжественном вечере в доме Бунина среди гостей была внучка Пушкина.

Оказавшись в эмиграции, Бунин не забыл друзей и коллег. Он прилагал немало усилий, чтобы помочь многим русским литераторам, творчество которых он ценил, перебраться во Францию. Куприн, конечно же, был в их числе.

Прибыв в Париж в 1920 году, Куприн поселился в том же доме, где жил Бунин, и даже на одном этаже с ним. Возможно, это соседство иногда тяготило Ивана

Алексеевича, привыкшего четко планировать рабочий день и вынужденного порой мириться с бесконечным потоком визитеров, посещавших Куприна. Отношений между старыми друзьями это во все не улучшало; супруга Бунина даже заметила: чтобы понять, что происходит в их душах, понадобился бы сам Достоевский.

Тем не менее, получив в 1933 году Нобелевскую премию, Бунин принес Александру Ивановичу 5000 франков. По словам дочери Куприна Ксении Александровны, эти деньги очень помогли их семье, финансовое положение которой было сложным. Одной из причин такого состояния было, кстати говоря, пристрастие Куприна к алкоголю. Оказавшись за границей и тоскуя по родине, он нередко находил утешение в бутылке, что вредило его здоровью.

Хотя Бунин и считал, что задача русской эмиграции – противостоять большевизму, и даже заявил об этом, выступив с докладом на собрании литераторов-эмигрантов, он не стал осуждать Куприна, когда тот решил вернуться в 1937 году в СССР. В эмигрантской среде мнения по этому поводу разделились: большинство Куприна осуждало, но, вероятно, это большинство не знало того, что знал Бунин. Куприн был серьезно болен и считал, что должен быть похоронен на родной земле.

Весьма непростыми были взаимоотношения между Буниным и Набоковым.

Прежде всего отметим, что существует несколько групп литературоведов, историков литературы и критиков, позиции которых относительно связей между этими двумя талантливыми писателями не только различны, но порой и диаметрально противоположны. Одни отмечают в этих отношениях «проблему соперничества», стремление добиться морального

превосходства и неоспоримости своих постулатов; другие, наоборот, видят у них сходство в манере изложения, в трепетности подаваемого материала, в глубине психологического подхода к раскрытию характеров своих героев. Возможно, все это было в произведениях и одного, и другого автора, спорить не будем. Но, оценивая период развития отношений между Буниным и Набоковым, трудно не признать, что Бунин всегда поступал намного честнее и благороднее, чем Набоков.

Начало контактов Ивана Алексеевича с семьей Набоковых было положено в конце 1920-х годов Владимиром Дмитриевичем Набоковым, отцом писателя. Это был известный юрист, один из лидеров партии кадетов. Выходец из дворянского рода Набоковых, он был женат на дочери золотопромышленника Рукавишникова. Дед писателя по линии отца был министром юстиции в правительствах Александра II и Александра III.

Про таких, как Владимир Владимирович Набоков, в Англии говорят: «Он родился с серебряной ложкой во рту». В этой семье было правилом всегда добиваться поставленной цели, чего бы это ни стоило.

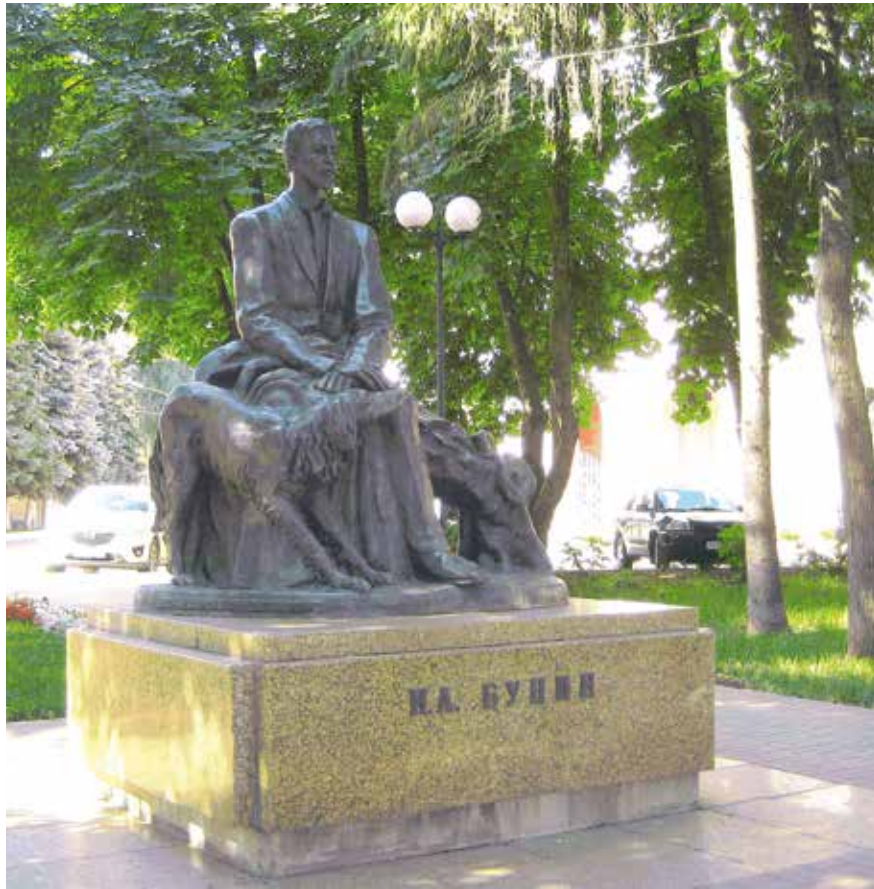
Так вот, Набоков-старший попросил Ивана Алексеевича дать оценку стихотворению сына, напечатанному в берлинской газете «Руль». Бунин в ответ отправил Набоковым не только теплое, ободряющее письмо, но и свою книгу «Господин из Сан-Франциско». Завязалась переписка, в которую весной 1921 года включился двадцатидвухлетний Владимир Набоков, публиковавшийся под псевдонимом «Владимир Сириус». В своем первом письме начинающий поэт назвал Бунина «единственным писателем, который в наш кошунственный век спокойно служит прекрасному».

Обложка первого отдельного издания произведения И. Бунина «Окаянные дни». 1935

В 1926 году вышел первый роман Набокова «Машенька», являющийся, по мнению исследователей, «самым бунинским» произведением Владимира Владимировича. На подаренном Бунину экземпляре автор написал: «Не судите меня слишком строго, прошу вас. Всей душой Ваш. В. Набоков». Через три года

Набоков, выпустивший сборник «Возвращение Чорба», отправил Бунину книгу с дарственной надписью: «Великому мастеру от прилежного ученика». Ивану Алексеевичу был посвящен набоковский рассказ «Обида» (1931). Весьма позитивно Владимир Владимирович отреагировал и на присуждение

Памятник И. А. Бунину на ул. Плехановская в Воронеже

Бунину Нобелевской премии. В телеграмме, присланной в Грасс, было написано: «Я так счастлив, что вы ее получили!»

Затем начался период, когда Владимир Набоков решил, что ему не так уж нужны похвалы Бунина. Из его писем исчезли прежние восторженные нотки. Выпустив роман «Приглашение на казнь» (1936), он на отправленном Бунину томике написал: «Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину с лучшим приветом от автора». Наконец, наступил момент, когда Набокову показалось, что он уже достиг того уровня в своем творчестве, когда он не только сравнялся с Буниным, но уже превосходит его. Это, видимо, произошло, когда Набоков ближе познакомился с современной американской литературой, которая в корне изменила формы

и типологию как романа, так и новеллы. Сюжеты стали более прямолинейными и более интригующими, в них появилось больше юмора, любовных приключений, и главное – неожиданных поворотов сюжета.

Нельзя упускать из виду и то, что Набоковы обладали огромными финансовыми ресурсами и в полной мере пользовались ими, чтобы пресса, особенно эмигрантская, вела пропагандистскую кампанию, как в Европе, так и в США, создавая образ «молодого литературного гения», русского аристократа, который обходит в популярности даже русского Нобелевского лауреата. На этом фоне начались шумные публичные попытки эмигрантского сообщества определить, кому из писателей принадлежит сейчас лидирующее место на литературном Олимпе. И вот результат:

во второй половине 1930-х годов Марк Алданов начал призывать Бунина к тому, чтобы тот признал, что первенство в русской литературе перешло к Набокову.

Первая встреча двух писателей состоялась в конце 1933 года. Бунин прибыл в Берлин на мероприятие, устроенное в его честь публицистом Иосифом Гессеном, и во время торжеств познакомился с Набоковым лично. Бунин был предельно дружелюбен и внимателен к молодому писателю. Ничто не говорило о том, что их отношения перешли в фазу некоего противостояния.

Но тут Бунину был нанесен предательский удар. Набоков опубликовал статью, в которой писал о встрече с Буниным в ресторане, которая ему была противна. Водка, цыгане, жуткая обстановка... Сам Бунин в своем дневнике отметил, что никакой «встречи в ресторане» никогда не было. Вот что он писал в дневнике 14 июня 1951 года: «В. В. Набоков-Сирий написал по-английски и издал книгу, на обложке которой, над его фамилией, почему-то напечатана царская корона... Есть страничка и обо мне – дикая и глупая ложь, будто я как-то затащил [его] в какой-то дорогой русский ресторан (с цыганами), чтобы посидеть, попить и поговорить с ним, Набоковым, “по душам”, как любят это все русские, а он терпеть не может. Очень на меня похоже! И никогда я не был с ним ни в одном ресторане».

Опровергнуть ложь Набокова относительно легко. Николай Телешов незадолго до смерти написал в СССР воспоминания о встречах с Буниным. Вот что там, в частности, говорилось: «Иван Алексеевич часто приглашал меня домой: на блины, на пироги. Но сам ел мало, угощал гостей. В пивных и в кабачках никогда не бывал – брезговал. В ресторанах бывал, но в шумные, купеческие рестораны

не ходил никогда. Пару раз мы бывали с ним в тихих, элегантных ресторанах – кажется, английских. Ресторанную музыку терпеть не мог! Ему хотелось поговорить спокойно, а не перекидывать певич. И не любил он бывать в местах, куда закатывались нижегородские купцы с девицами из “Яра”. Не так он был воспитан».

Сторонники Набокова и подкупленная пресса продолжала нападки на Бунина. Когда вышла его книга «Темные аллеи», ее назвали попыткой Бунина «уравнять счет с Набоковым». Между тем сам Бунин писал с горечью: «Не будь меня, не было бы и Сирина». Примерно в тот же период Набоков, которого в письменном интервью попросили рассказать о влиянии Бунина на его творчество, заявил, что не входит в число последователей Ивана Алексеевича.

В 1951 году в Нью-Йорке состоялось мероприятие, посвященное восьмидесятилетию Бунина. Марк Алданов предложил Набокову прочитать на этом вечере какое-нибудь произведение юбилея. Набоков ответил письменным отказом. Это поставило последнюю точку в их отношениях.

В 1906 году Бунин познакомился с поэтом Владиславом Ходасевичем, однако вплоть до переезда во Францию оно было, что называется, шапочным. Их сближение произошло в эмиграции. Иван Алексеевич приглашал Владислава Фелициановича в Грасс, помогал ему деньгами, они встречались на литературных мероприятиях, обменивались книгами, переписывались.

По рекомендации Бунина в 1923 году в Париж переехал также Борис Зайцев – прозаик, в московском доме которого Иван Алексеевич некогда познакомился со своей будущей женой Верой Муромцевой. На протяжении долгого времени Зайцев и Бунин общались очень плотно, считались

В 1993 году в Париже, на доме № 1 по ул. Жака Оффенбаха, где в 1920–1953 гг. жил И. А. Бунин, была установлена мемориальная доска

литературными единомышленниками, вместе участвовали в деятельности французского Союза писателей.

Когда из Стокгольма пришло известие о присуждении Ивану Алексеевичу Нобелевской премии, Зайцев одним из первых оповестил об этом общественность, передав срочную новость под заголовком «Бунин увенчан» в газету «Возрождение».

Шмелев, которого также обрадовало это известие, в своей речи на чествовании Бунина скажет: «Через Россией рожденного Бунина признается миром сама Россия, запечатленная в письменах».

Серьезная размолвка между Буниным и Зайцевым произошла в 1947 году, когда Иван Алексеевич вышел из Союза писателей в знак протеста против исключения из него тех, кто в послевоенный период решил принять советское гражданство.

Вместе с ними союз покинули Леонид Зуров, Александр Бахрах, Георгий Адамович, Вадим Андреев.

Отметим, что Вадим Андреев, сын замечательного русского писателя Леонида Андреева, вернувшись в СССР, стал журналистом и автором чудесных книг.

Борис Зайцев как председатель этой организации не одобрял поступка Бунина. Он пытался объяснить с ним письменно, однако это привело к окончательному разрыву.

В 1946 году эмигрантское сообщество крайне негативно отнеслось и к согласию Бунина встретиться с советским послом Александром Богомолотовым. В среде литераторов-эмигрантов контакты с советскими людьми и тем более репатриация писателей вызывали настоящую ярость.

Когда речь идет о попытках унижить или очернить великих мастеров, в какой бы сфере они ни работали, невольно вспоминается, как отреагировал сын Александра Дюма на подобные попытки очернить его отца. Он выразился так: «Мой отец – океан. Вам не загрязнить его своими нечистотами...»

БОГА ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

О религиозной поэзии Ивана Бунина и о его делах милосердия

БОРИС ЛЮБИМОВ,

кандидат искусствоведения, ректор Высшего театрального училища имени М. С. Щепкина

Портрет Ивана Бунина кисти Леонарда Туржанского. 1905

Каким был Иван Бунин на самом деле? Как звучали религиозные мотивы в поэзии знаменитого писателя? И можно ли говорить о своеобразном богословии лауреата Нобелевской премии по литературе? Как мне представляется, его религиозное мироощущение, мирозерцание, его религиозная

интуиция осмыслены еще далеко не полностью и не введены в контекст истории русской литературы и даже истории русского православного сознания XX века.

Бунин – одноклассник такого замечательного философа-интуитивиста, как Николай Лосский и незаурядного мыслителя Петра Струве,

годом моложе – отец Сергей Булгаков, чуть помоложе Николай Бердяев. О религиозных интуициях его старших и более молодых поэтов-современников – Вячеслава Иванова, Дмитрия Мережковского или Зинаиды Гиппиус – написано немало. Бунин в этом смысле стоит особняком. Может быть, единственный из русских религиозных мыслителей, который попытался осмыслить творчество Бунина, отдавая, впрочем, предпочтение другому Ивану – Ивану Шмелеву, – это выдающийся мыслитель Иван Ильин. Но пропустить эту сторону бунинского таланта ни в коем случае нельзя. И я попытаюсь это показать. Причем попытаюсь отчасти и объяснить, почему это произошло. Почему, может быть, не заметили такую важную сторону бунинского мироощущения.

Очень часто и в эмиграции, и не только в эмиграции, и тем более в советский период писали о бунинском дурном характере, о бунинской вспычивости, резкости в суждениях, о его категорических высказываниях. И даже те эмигранты или потомки эмигрантов, которые знали Бунина в последний период его жизни, часто говорили о его непричастности к тому общему течению, к тому фарватеру русской религиозной мысли, как она сложилась перед революцией и после революции. Тому причиной мне представляются два обстоятельства.

Прежде всего, Бунин был несомненно одинокий волк, он не вписывался ни в одну группировку русских писателей, ни до революции,

ни после революции, он не пел в стае, он не пел хором. И второе – Бунин-прозаик заслонил Бунина-поэта. То, что Бунин выдающийся, а на мой взгляд, и гениальный прозаик, это признано, что называется, всем миром. Бунина-поэта заслонили, может быть, более известные, более яркие, но отнюдь не более глубокие поэты, такие как Александр Блок и Андрей Белый.

Второе обстоятельство – это как раз то, что Бунин в лирике своей, в своей поэзии передавал многие глубокие и душевные религиозные интуиции, обходя их стороной в прозе. Есть такая строчка у Шиллера, которую цитировал герой Достоевского: «Насекомым – сладострастие, ангел – Богу предстоит». Можно сказать, что сладострастие Бунин передавал и в предреволюционные и послереволюционные годы, и в цикле его «Темных аллей» в прозе, а в поэзии его жил ангел, который предстоял Богу. И может быть, неслучайно в его поэзии как будто разворачивается постепенно, начиная с юношеских лет, некое сложившееся в детстве, в юности, религиозное мирозерцание, которое отнюдь не было утрачено и в последние годы. Любопытно, что, как явствует из его переписки с таким незаурядным деятелем русского зарубежного православия, как архимандрит Киприан Керн, Бунин обращается к нему почти как деревенская старушка к своему батюшке. Он пишет: «Батюшка, перекрестите меня, чтобы мне было легче жить». Звучит почти трогательно, это пишет лауреат Нобелевской премии. И тут дело не только в том, что отец Киприан моложе писателя почти на 30 лет, а еще и в том, что отец Киприан со свойственной ему иногда суровостью достаточно жестко и требовательно отчитал Бунина за его книгу «Освобождение Толстого». Тут они не сошлись. Бунин,

каким мы его знаем по его воспоминаниям и по воспоминаниям о нем, любому другому из своих современников, разве что кроме Льва Толстого и Антона Чехова, не простил бы такой тональности. К Киприану же он обращается именно так: «Батюшка, перекрестите меня».

Вот эта несвойственная Бунину интонация в письме говорит о том, что мы еще очень мало знаем, что творилось в бунинской душе и в дореволюционное время, и в страшные годы революции, которые он назвал «окаянными днями», и в трудные годы эмиграции 20–30-х годов, даже в период его расцвета, связанного с Нобелевской премией, и в тяжелейшие годы фашистской оккупации, и наконец – в самые последние годы жизни, когда подступили старость, тяжелая болезнь и почти нищета.

Он прожил, может, не самую трагичную жизнь среди многих русских писателей. «Темен жребий русского поэта: // Неисповедимый рок ведет. // Пушкина под дуло пистолета, // Достоевского на эшафот», – писал Максимилиан Волошин. Конечно же, в жизни Бунина не было ни дуэли, ни эшафота, ни каторги, но найти какой-то легкий период в его жизни очень трудно. Нищета в отрочестве, в юности... Как-то в одном из писем он пишет: «Я живу в нищете».

Можно говорить о благополучном периоде его жизни между двух революций. Это наиболее благополучный период и в истории русской культуры, когда она давала возможность достойно существовать и поэтам, и деятелям театра, музыки, живописи... А потом – ни одного периода счастливой жизни. Несчастливая любовь, неудачный первый брак, смерть ребенка... Жизнь была то более, то менее тяжелой, но крестной она была всегда. И эта крестность жизни, свойственная ему и осмыслявшаяся им

в его прозе и трагически, и драматически, в поэзии была на редкость светлой и чистой. Я бы сказал, перефразируя заглавие цикла его прозы «Темные аллеи», что его поэзия – это светлые аллеи. Впрочем, в основном вся его поэзия и уложилась в предреволюционный период, потому что после революции (могли быть еще и другие причины) он стихов писал мало. Поэтому Бунин-поэт – это по преимуществу поэт 1880–1910-х и, может быть, чуть 1920-х годов. Хотя перед самой смертью (я к этому еще вернусь) он написал два стихотворения. Но это, скорее, исключение из правил.

Бунина прежде всего отличает удивительная интуиция Бога: «А Бог был ясен, радостен и прост: // Он в ветре был, в моей душе бездомной...»

Присутствие Бога в природе, в Божьем мире не покидало Бунина в нелегкой и шальной юности. А у кого юность бывает легкая и не шальная? В непростой дореволюционной жизни – и это довольно редкий случай – Бога Бунин не терял никогда. И любовь к Нему он высказывал чаще всего не в прозе, а именно в поэзии, воспринимая Бога именно так – ясно и просто. Есть некоторые опорные точки в его поэзии, это, может быть, первая...

Бунина тянуло к Богу, и приходил он к Нему через разные циклы. Перед революцией Бунин много путешествовал по Ближнему Востоку, отсюда и мусульманский цикл, где есть и переводы, и вольные переложения. Можно говорить и о его ветхозаветном цикле. Как многие русские поэты, он обращался к персонажам Ветхого Завета и к разным произведениям, которые входят в состав Ветхого Завета. Можно говорить о его обращении к русским поверьям, к русскому фольклору – и это тоже было.

Однако основное бунинское восприятие Бога – это не только Бог,

но и церковная жизнь, что очень важно. Сказать: «А Бог был ясен, радостен и прост» может и не христианин, и не православный, а просто верующий человек. Бунин прежде всего обретает Бога через храм, через иконы.

Если составить словарь бунинской церковной лексики в поэзии 1900–1920-х годов, то мы увидим, что он воспринимает этот мир не только религиозно, но и церковно. Не только через ощущение присутствия бытия Божьего в мире. Это не просто бытие Бога в мире, это христианское восприятие Бога. Церковное восприятие Бога. И запах ладана, и горящие свечи, и иконы... В более поздний период, совсем центрально, перед самой революцией 1917 года, это возникающие в его поэзии образы Христа Спасителя и особенно Богоматери. Образ Назарета возникает в самых разных его стихах.

Бунин очень рано почувствовал то страшное, что надвигается не просто на Россию, но на весь мир. В июле 1914 года никто не чувствовал, что наступает Первая мировая война, что происходит то, что через несколько лет Шпенглер назовет «закатом Европы». 1914-й был годом благополучия – и экономического, и культурного: расцвет живописи, музыки, Дягилевские сезоны, материальное благополучие у большинства крупных писателей... Этот оптимизм передался и Бунину. Есть стихотворение, к которому можно относиться иронически, а можно даже с некоторой долей трогательности. Когда началась война, он в июле 1914 года написал стихотворение с названием «Последняя война». Мы, живущие сто с лишним лет спустя, понимаем, каким наивным оптимизмом XIX века веет от этих строк. Конечно, благостное мироощущение Бунина 1914 года очень быстро изменилось. И, заметьте, в одном из стихотворений

(причем написано оно было в сентябре 1917 года – не тогда, когда наступили окаянные дни, то есть когда Февральская революция уже произошла, но Октябрьская еще не наступила, когда очень многим образованным людям бунинского поколения казалось, что это временные трудности, сейчас наступит расцвет, когда царя не будет) Бунин пишет: «Презренного, дикого века // Свидетелем быть мне дано...» Так что очень рано у него было ощущение конца... Апокалиптическое восприятие мира и собственного конца. «В мире круга земного, // Настоящего дня, // Молодого, былого // Нет давно и меня!» – писал он в 1916 году. И не случайно стихотворения того времени носят названия: «Последний шмель», «Последняя весна», «Последняя осень»... Это ведь он пишет не после 1917 года.

Когда в рассказе «Конец» (1921) он описывает чудовищное бегство из Крыма, из России, надолго, навсегда, как никто тогда не предполагал, это понятно. Но ему трудно отказать в прозорливости: он предчувствовал это в 1916 году, в преддверии окаянных дней.

Бунин отдавал все свои религиозные интуиции поэзии, но все-таки он обращался к этому восприятию – и церковному, и религиозному – и в своей прозе. Я бы выделил прежде всего его рассказ «Чистый понедельник». Своим названием он обращает нас к одному из важнейших дней лета Господня. Героиня приводит влюбленного в нее героя не куда-нибудь, а в Марфо-Мариинскую обитель. Герой рассказа никак не ожидает от этой светской женщины такого идеального знания церковного обряда, канона, устава... Вскоре они расстаются, и уже в 1914 году герой снова приезжает в Марфо-Мариинскую обитель и в одной из монахинь узнает – или ему кажется – свою бывшую возлюбленную.

Бунин написал этот рассказ 12 мая 1944 года. Он запишет потом в дневнике: «Благодарю Бога, что он дал мне написать этот рассказ». Очень редко, когда в прозе, я уж не говорю о поэзии, человек находит в себе силы снова подняться на тот уровень литературы, выше которого, может быть, он никогда и не поднимался. В этих темных аллеях есть и луч света, который пронизывает не только поэзию, но и прозу Бунина.

Есть еще один рассказ, который у нас, к сожалению, мало известен и о котором стоило бы сказать, потому что он тоже относится к шедеврам бунинской прозы, как мне представляется. Это его рассказ «Богиня Разума». Если он свое религиозное мироощущение с некоторым целомудрием отдавал поэзии, то публицистический гнев свой, правый гнев, священный гнев отдавал прозе крайне редко. У него есть рассказ «Под церковным молотом». Я, когда открыл его, думал, сейчас он там про советскую власть напишет все, что думает. Нет, это вполне сдержанный рассказ, и ничего страшнее того, что, кстати говоря, писалось и в советской прозе в 1920-е годы, там нет.

Свое отношение к революции Бунин высказывал в публицистике, а отнюдь не в художественных произведениях. Но в «Богине Разума» он пошел другим ходом. Высказал свое отношение к революции, к бунту, к черни, к тому, что его современник, философ называл восстанием масс. Он рассказывал это на материале Французской революции, причем сделал это очень своеобразно. Лирический герой этого рассказа решает найти на кладбище могилу французской актрисы, которая во время Французской революции, когда революционная чернь и ее вожди решили изгнать религию, заменить ее, должна была в Соборе Парижской Богоматери сыграть

Богиню Разума. Бога нет, нет Богоматери, а есть Богиня Разума. Герой Бунина едет на одно из парижских кладбищ. Сразу не может найти могилу. Никто не знает, где эта Тереза Анжелика Обри, которая – когда-то самая красивая, прелестная и очаровательная актриса Франции – играла в процессии, предназначенной заменить крестный ход. И даже человек, который служит на этом кладбище, не знает, где актриса похоронена. Она умерла в начале XIX века. И уже безнадежно бродя по кладбищу, герой рассказа находит заброшенную могилу этой женщины.

После Французской революции были и Наполеон, и династия Бурбонов, и другой Наполеон... Деятели Французской революции и многие их идеи давным-давно похоронены. Свободы в 1920-е годы, как пишет Бунин, нет нигде, равенства нет и сейчас нигде, братства нету. Идеи эти похоронены так же, как похоронена эта бедная Анжелика Обри. Бунин рассказывает о ее нелегкой жизни, о том, что она была забыта при жизни, когда умирала от несчастного случая. За окном пели песни про нее, не зная, что она умирает... Можно было бы закончить рассказ, мысль понятна, донесена с бунинскими лаконизмом, конкретностью и точностью. Но после этого Бунин пишет, категорически отделив, отбив от всего сюжета рассказа, абзац, прославляющий Богородицу. С таким почти акафистным восторгом перед Той. Ее же благословенному царству не будет конца.

Самое поразительное, что этот рассказ был напечатан в СССР в томе «Литературного наследства», в одном из двух томов, в 1973 году, если память мне не изменяет. И публикатор этого рассказа, такой замечательный знаток Бунина, как Александр Кузьмич Бабореко, мог бы отсечь этот финал, а он был напечатан.

И я думаю, это был единственный случай в советской подцензурной печати, когда к Богородице обращались с большой буквы. И это маленький подвиг и публикатора, и редакции «Литературного наследства», которая, конечно, понимала, вообще-то говоря: в 1973 году за такое могли бы дать и по шапке. Потому что это и бунинское отношение к революции, пусть даже и Французской, но это и бунинское отношение к Богородице.

Бунина очень часто ругали за его дурной характер. А у Лермонтова, у Достоевского? У кого из писателей, у кого из его современников, кстати говоря, был характер легкий? И вряд ли мы восхищаемся характером Сологуба или Мережковского, Гиппиус или Брюсова, я уж не говорю о Горьком, о Леониде Андрееве и о многих других вплоть до Блока или Белого.

Бунина упрекали в безнравственности. Это его-то, человека необыкновенной щедрости, который, получив Нобелевскую премию, щедро помогал нуждающимся и сам остался ни с чем. Не будем забывать, что во время войны он укрывал у себя на вилле еврея. Он жил, правда, на юге Франции, где оккупационный режим был не такой сильный, но тем не менее. Если бы французский жандарм или немецкий полицейский чуть попристальнее поинтересовался, а кто это там живет у русского писателя, можно не сомневаться, что судьба Бунина была бы плачевной.

Христианских поступков в жизни Бунина честный биограф может назвать немало. И я уже говорил о том, что он почти не писал стихов в 1920-е годы. Вершина его поэзии, на мой взгляд, осталась в 1918 году. Это выше и противоположнее того, что написал в начале того же года Александр Блок, вспомним его поэму «Двенадцать». Бунин уже все понимает про революцию, он

начинает складывать «Окаянные дни», и тем не менее возвращается к своему: «А Бог был ясен, радостен и прост».

В июле 1918 года, за несколько дней до расстрела царской семьи он пишет:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына
блудного спросит:
«Был ли счастлив ты
в жизни земной?»
И забуду я все – вспомню
только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез
не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.*

И эти восемь строк – лучшее, что было написано на русском языке в 1918 году...

Бунинская жизнь подходила к концу – и в 82 года он пишет стихотворение, которое заканчивается так:

*Никого в подлунном мире,
Только Бог и я.*

Он снова, как в юности, как в детстве, как в отрочестве, снова остается наедине с Богом.

У Бунина есть среди его предреволюционных рассказов маленький шедевр: «Легкое дыхание». Я бы сказал, перефразируя название этого рассказа, что в творчестве Бунина иногда очень явно, а иногда скрытно, прикровенно живет Бога легкое дыхание. Лучше всех это почувствовал уже упоминавшийся мной отец Киприан Керн, который писал Бунину: «Боже мой, сколько Ты дал этому человеку, Боже мой, как Ты одарил его, как он богат Тобою... Я восхищаюсь замыслом Божиим о Вас и думаю о том величайшем назначении человека, которое дано всякому и с особенной силой запечатлено на Вас».

ПИСАТЕЛЬ БАЛАКЛАВСКИХ РЫБАКОВ

К 155-летию со дня рождения Александра Куприна

ЕЛЕНА ОСЬМИНИНА

Писатель балаклавских рыбаков, // Друг тишины, уюта, моря, селец, // Тенистой Гатчины домовладелец, // Он мил нам простотой сердечных слов... – так начинается «медальон» И. Северянина, посвященный Александру Ивановичу Куприну.

К Балаклаве и Гатчине могут быть добавлены: город Наровчат (где будущий писатель родился), Москва (вдовый дом в Кудрине, Разумовский сиротский пансион, 2-й Кадетский корпус, Александровское военное училище), города Проскуров и Волочинск Подольской губернии, Киев (с поездками в Одессу, Житомир, Таганрог, Новороссийск, Ростов-на-Дону), Ялта, Петербург, снова города юга России, потом Гатчина, Ямбург, Париж, Москва, Ленинград...

Обширна «география жизни» Куприна, и не менее обширен список его занятий. Он служил в армии (вышел в отставку в чине подпоручика), работал в газете фельетонистом, зарабатывал как грузчик, год

Александр Куприн

провел в театре... М. А. Алданов писал: «Думаю, что его жизненный опыт несколько преувеличен ходившими о нем легендами... Говорили, писали, будто он побывал в молодости дантистом, псаломщиком, грузчиком, торговцем... Но и с поправкой на некоторые

преувеличения, должно признать, что видел он на своем веку много, жизнь прожил разнообразную и людей знал самых различных. Память у него была громадная, а зрительная память совершенно феноменальная».

Строки И. Северянина приведены нами не только ради географии. «Простота сердечных слов» – важнейшее качество прозы Куприна. Это то, что называется высшей простотой и что отличает книги Л. Толстого и А. Чехова – вот, собственно, традиция Куприна (хотя первые его публикации в столице – в народническом «Русском богатстве» – и его крестным отцом в литературе считался Н. К. Михайловский).

Не только простота, ясность сло-

га роднит Куприна с Толстым, но то свойство прозы, которое называется психологизмом. Умение понять, почувствовать другого человека, как будто стать этим другим. И не только человеком, но даже зверем: цирковым медведем, слонем, лошастью, собакой... Вот

особенность «творческого акта» Куприна – жадное, пристальное внимание к «другому». Прежде всего – внимание, желание понять, а потом и глубокое, искреннее сострадание: «Ему вдруг до мучения, до боли захотелось узнать ВСЕ, решительно все, что теперь делается в душе Сысоева, ставшего в его глазах каким-то необыкновенным, удивительным существом, захотелось отождествиться с ним, проникнуть в его сердце, слиться с ним мыслями и ощущениями» («Кадеты»).

И от этой чуткости, интереса к другому, сострадания рождается замечательное умение Куприна (и важнейшее свойство русской литературы вообще) – умение создать живой образ, живого человека.

Вспомним героев лучших дореволюционных произведений Куприна: кадета Буланина («Кадеты»), подпоручика Ромашова («Поединок»), фельдшера Смирнова и учителя Астреина («Мелюзга»), шпиона-японца («Штабс-капитан Рыбников»), околотоchnого надзирателя Ветчину («Путешественники»). А еще – красавицу Олесю, проститутку Зою Крамаренкову («По-семейному») и гордую Женьку («Яма»). Белого пуделя, слона, жеребца Изумруда – из одноименных рассказов.

Второе важнейшее качество Куприна, неразрывно связанное с первым, – внимание не только к человеку, но и к среде, его окружающей. Через героя, его глазами увиденная, его размышлениями осмысленная, показана эта среда – с замечательной наблюдательностью и мастерством: армейская, мещанская, студенческая; цирковая и рыбацкая, провинциальная и петербургская...

И природа тоже: травы, кусты и болота, воды реки и моря – показаны через героя, в его восприятии и чувстве. И такими простыми, ясными словами это передано, что даже И. А. Бунин, не без ревности относившийся к славе Куприна,

вынужден был признать (заботливо перечислив неудачные выражения): «... я, читая, уже не мог думать о недостатках этих рассказов... я только восхищался разнообразными достоинствами рассказов, тем, что преобладает в них: свободой, силой, яркостью повествования, его метким и без излишества щедрым языком, очень хорошим, в конечном счете...» Не только Бунин – вся Россия восхищалась. Купринская слава в начале века равнялась андреевской и горьковской и чуть ли не приближалась к шаляпинской.

Но в эмиграции эти свойства таланта оказались для Куприна губительными. Дело не только в том, что жили Куприны в Париже почти нищенски: бывало, питались каштанами, которые собирали в Булонском лесу... Дело в том, что чужбина не могла дать Куприну тех впечатлений, которые давала родная страна. Он не мог жить в воспоминаниях. Ему нужна была реальная окружающая жизнь, реальные герои: «О чем же писать? Не настоящая здесь жизнь. Нельзя нам писать здесь. Писать о России? По зрительной памяти я не могу. Когда-то я жил тем, о чем писал. О балаклавских рабочих писал и жил их жизнью, с ними сроднился. Меня жизнь тянула к себе, интересовала, жил я с теми, о ком писал. В жизни я барахтался страстно, вбирая ее в себя. А теперь что? Все пропадает». И еще: «Кокон моего воображения вымотался, и в нем осталось пять-шесть оборотов шелковой нити».

Обороты все-таки остались. Была написана в эмиграции замечательная публицистика, был закончен роман «Юнкера», начатый еще в России, созданы повести «Колесо времени», «Жанета», рассказы... Но это совсем не то, что он мог бы написать. И все это понимали, конечно. Поэтому, когда Куприн уехал в Россию, почти никто в эмиграции не разразился обличениями

в советофильстве. И на родине никто не вспомнил участия в Белой армии, антибольшевистской публицистики и убийственного (по глубине характеристики) очерка о Ленине... Приняли как знаменитого русского писателя, вернувшегося умирать на родину.

Тут важно еще, каким человеком был А. И. Куприн: сложным, ярким и необычным. Чистота, застенчивость, деликатность, ранимость, доверчивость, порядочность сочетались со вспыльчивостью, гордостью, жестокостью, «татарской горячкой»... и юмором разной степени добродушия.

Многое объясняется детством: бедным, полным несправедливостей. Гордая и самолюбивая мать его, урожденная татарская княжна Кулунчакова, рано овдовевшая, была вынуждена жить во вдовьем доме и унижаться перед богатыми покровителями, чтобы пристроить своих детей в казенные заведения. Впечатлительный мальчик страдал и за нее, и за себя... А затем – сиротский пансион с диктатором классных дам, кадетский корпус с пьющими педагогами, нелепой бюрократией, жесткими законами подросткового мира...

Военная среда, язвы которой так ярко описал Куприн в начале века, также наложила на него свой отпечаток. Народническая закваска бродила в нем долго: отсюда и презрение к капитализму, и искренность участия в горьковском «Знании», и вступление в партию энесов (народных социалистов). Позднее это соединилось (причем довольно гармонично) с монархизмом, с любовью к Белой армии (генерала Юденича), хвалой ее подвигу в повести «Купол св. Исаакия Далматского».

И наконец, среда писательско-журнальная, с ее легкостью

Памятник А. И. Куприну на набережной Назукина в Балаклаве, напротив Гранд-отеля, где он неоднократно останавливался

и поверхностностью, поиском сенсаций и злободневности... Опыт журналистской работы был для Куприна очень важен. Он писал легко, быстро, «с маху», уходил от вопросов о тайнах творчества, с удовольствием говоря про... хороший письменный стол, перья, сорт бумаги.

И именно от бюрократической, казенной или мелко-тщеславной, пошлой среды его тянуло в другую жизнь – полную риска, опасностей

и благородства, путешествий и приключений; к людям простым, способным на самопожертвование и истинную дружбу.

«Жизнь, в которую втиснула его судьба, была для него неподходящая. Ему нужно было бы плавать на каком-нибудь парусном судне, лучше всего с пиратами. Для него хорошо было бы охотиться в джунглях на тигров или в компании бродяг-золотоискателей, по пояс в снегу,

спасать погибающий караван. Товарищи его должны быть хорошие морские волки или даже прямые разбойники, но романтические, с суровыми понятиями о долге и чести, с круговой порукой, с особой пьяной мудростью и честной любовью к человеку. Он всегда чувствовал на себе кепку, пропитанную морской солью, и щурил глаза, ища на горизонте зловещее облако, грозящее бурей», – написала Тэффи.

И еще, она же: «Он всегда любил и искал простых людей, чистых сердцем и мужественных духом. Долгое время дружил с клоуном, любил циркачей за их опасную для жизни профессию».

Издательская судьба его так же не проста, как и творческая. До революции вышло двенадцатитомное собрание сочинений, переизданное в Берлине в двадцатые годы. По возвращении в Россию был выпущен двухтомник, затем трехтомник, шеститомник, два девятитомника. Последний шеститомник, изданный С. И. Чуприниным, – 1991 года. Надо отметить и сборник эмигрантской публицистики, выпущенный О. А. Фигурновой, «А. И. Куприн. Голос оттуда».

Но академического научного собрания сочинений нет. И сколько еще осталось несобранного, сколько замечательных фельетонов, статей, очерков Куприна – в «Русской газете», «Русском времени», других эмигрантских изданиях – ждут своего публикатора и исследователя!

Ждет своего лектора и курс «Куприн-журналист». Потому что именно на этих очерках и фельетонах надо учить будущие «золотые перья» легкости и умению обращаться со словом, вниманию к реалиям жизни и любви к людям.

СРЕДИ ВСПЛЕСКОВ ТОСКИ

14 (26 октября) 1880 года родился Андрей Белый, один из главных идеологов русского символизма

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Андрей Белый в 1904 году

Андрей Белый... Один из самых загадочных и противоречивых представителей Серебряного

века. Его подлинное имя – Борис Николаевич Бугаев, но уже с юности он выбрал для себя псевдоним:

Андрей – в честь апостола Андрея Первозванного, Белый – как символ чистоты, отрешенности от мирского и причастности к божественному миру.

Детство будущего идеолога русского символизма нельзя назвать безоблачным. В автобиографической трилогии «На рубеже двух столетий» (1930) он пишет: «В семье нашей сочетались два начала: сухая, непреклонная логика отца и музыкально-поэтическое настроение матери. Это сочетание и определило трагедию моей жизни».

Его отец Николай Васильевич Бугаев, известный математик, профессор Московского университета и основатель Московской математической школы, предвосхитил многие идеи Константина Циолковского. Не был Николай Васильевич чужд и философии: ему принадлежит авторство ряда серьезных работ на тему «математика и научно-философское мирозерцание».

Мать Александра Дмитриевна Бугаева (урожденная Егорова) происходила из разорившейся купеческой семьи, вышла замуж не по любви и, будучи натурой романтической, всеми силами пыталась бороться с рационализмом мужа, который был к тому же на 20 лет ее старше.

Андрей Белый боялся отца и втайне его ненавидел. Недаром в некоторых его произведениях присутствует тема отцеубийства.

Учеба в Московском университете (факультет естественных наук, затем – философии) дала ему прочный фундамент знаний.

В 1903 году Андрей Белый сблизился с кружком петербургских символистов, возглавляемых Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус, познакомился с Константином Бальмонтом, стал сотрудничать с журналом «Весы». Его кумиры – Ницше, Шопенгауэр, Достоевский, Вл. Соловьев.

Белый стремится создать собственную теорию символизма как особого мироощущения. В своей книге «Символизм как миропонимание» (1910) он пишет: «Единство психических деятельностей – чувствования, воления, мышления – должно содержаться в живом образе-модели, который и есть творческий символ. Потому-то художественный символ, выражая идею, не исчерпывается ею; выражая чувство, все же не сводим к эмоции; возбуждая волю, все же не разложим на нормы императива. Живой символ искусства, пронесенный историей сквозь века, преломляет в себе многообразные чувствования, многообразные идеи».

Белый был не только поэтом и прозаиком, но и философом, теоретиком литературы, мыслителем, для которого слово стало способом проникновения в самые глубины человеческой души. Его творчество по праву считается важнейшей вехой в развитии русской и мировой модернистской литературы. И даже в рамках символизма Белый был фигурой уникальной: его поэтика строилась на ритмах, близких к музыкальным, на особой «звучащей прозе», где слова создавали не столько сюжет, сколько мелодию.

*Золотая, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий солнечный цит.*

*И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.*

*Встали груди утесов
среди трепещущей солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:*

*«Дети солнца, вновь холод
бесстрастия!
Закатилось оно –
золотое, старинное счастье –
золотое руно!»*

*Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.*

Его стихи поражали странной, почти мистической энергией, а проза – прежде всего роман «Петербург» – стала вершиной модернистского эксперимента в России. Владимир Набоков называл «Петербург» одним из величайших романов XX века наряду с «Улиссом» Джеймса Джойса и «Процессом» Франца Кафки.

Написанный в 1910-е годы и переработанный автором в 1922 году, роман Андрея Белого стал попыткой осмыслить судьбу России на переломе эпох.

«Петербург» трудно отнести к привычным жанрам. В нем есть элементы политического романа, сатиры, философской притчи и лирической поэмы. На первый план выходит образ Петербурга – не просто города, а метафизического пространства, где переплетаются история, политика и миф. Улицы, дома, площади превращаются в символы, оживают, приобретают собственную волю. Город дышит, давит, угрожает, становится полноправным персонажем, а иногда и главным героем.

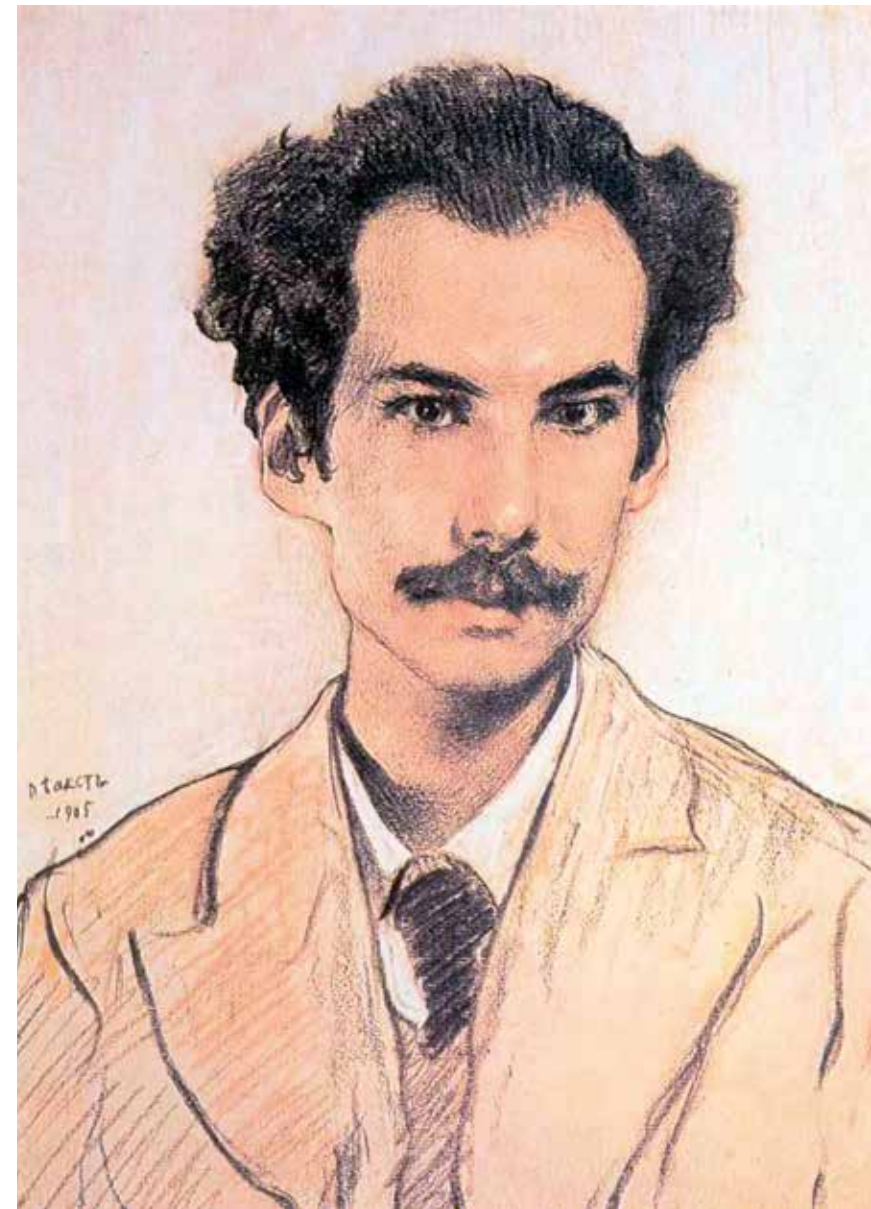
Сюжет романа внешне прост: молодой революционер получает

задание убить своего отца, влиятельного сенатора. Но у Белого это не просто драма частной жизни. Конфликт отца и сына превращается в аллгорию столкновения старого и нового, власти и бунта, империи и хаоса. Бомба, которую сын должен пронести в дом, становится образом неотвратимой катастрофы, которая грядет не только для семьи, но и для всей страны.

Интересен стиль романа. Белый сознательно разрушает привычные законы прозы: его фразы дробятся, становятся ритмическими ударами, приближаются к поэзии и музыке. Он создает «звучащую прозу», где повтор, аллитерации, ритмические построения работают так же, как в симфонии. Благодаря этому текст превращается не только в рассказ о событиях, но и в поток звуковых образов. Сложность, насыщенность символами, музыкальная энергия заставляют читателя не только следить за сюжетом, но и вслушиваться в каждое слово.

«Петербург» называют романом-предчувствием. То, что писатель уловил атмосферу надвигающейся катастрофы еще до 1917 года, делает роман пророческим. Его герои мечутся между долгом и страстью, верой и сомнением, и в их трагических поисках угадывается судьба целого поколения, а город предстает как живой организм, как метафора судьбы самой России.

Жизнь писателя была отмечена не только творческими успехами, но и драмами. Его отношения с Блоком, Анной Ахматовой, другими современниками складывались сложно и нередко конфликтно. При этом личность Андрея Белого производила сильное впечатление на всех, кто с ним общался. Современники вспоминали его как блестящего оратора, импровизатора и человека, соединявшего глубокий ум с нервной, почти экзотической натурой.

Андрей Белый. Карандашный набросок Леона Бакста. 1905

Владислав Ходасевич писал: «Им восхищались. В его присутствии все словно мгновенно менялось, смещалось или озарялось его светом. И он в самом деле был светел. Кажется, все, даже те, кто ему завидовал, были немножко в него влюблены».

Сложными были взаимоотношения с Блоком. Нина Берберова так описывает состояние Белого, отчаянно влюбленного в жену Блока – Любовь Менделееву:

«Бесконечная, запутанная череда ссор и примирений между Блоком и Белым. Встречи – почти всегда по настоянию Белого – были тягостными. Блок вполне владел собой: холодный, вежливый, никогда не пытаюсь уязвить, он слегка высокомерным тоном говорит любезности. Белый – нервный, задыхающийся, пылавший то любовью, то ненавистью, – вызывает его на дуэль, затем требует объяснений, чтобы простить или

получить прощение. Он осознает свою полную ненужность в жизни Блока и временами становится совершенно несносным, навязывая свое присутствие».

После революции 1917 года Белый продолжал жить в России, пытаясь найти свое место в новой действительности, что давалось нелегко. Он все больше обращался к мемуаристике. Его трилогия («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций») стала ярким отражением русской интеллектуальной жизни начала XX века.

Свой жизненный путь Андрей Белый завершил 8 января 1934 года, не сумев оправиться после полученного в Коктебеле сильнейшего солнечного удара.

Удивительно то, что свою судьбу он предсказал еще в 1907 году в стихотворении «Друзьям». Поэтам дано предвидеть будущее...

*Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.*

*Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.*

*Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.*

*Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.*

*Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите –
Я, быть может, не умер,
быть может, проснусь –
Вернусь!*

ДРАГОЦЕННЫЕ ГИРЛЯНДЫ СТРОК

К 130-летию со дня рождения Сергея Есенина

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

С. Есенин

Понятие «народность» за последние четверть века сдано в архив советской истории. Тем более оно кажется анахронизмом применительно к поэзии, являясь между тем корневой сущностью поэтического дела, своеобразным кодом чувствования поэтом тончайших биений народного пульса...

Думается, три имени в русской поэзии наиболее соответствуют этому понятию: Пушкин, Некрасов, Есенин (у других великих и замечательных поэтов всегда найдется некое «но» в связке с понятием «народность»).

Никого, вероятно, так не любили, как Есенина: свой и в академических кругах высоколобых интеллектуалов, и в воровской низине, Есенин соединял несоединимое, выявляя общность, самую русскость разнополярных людей...

Он возникал в детстве, и стихи его воспринимались кружевным, ажурно-снежным аналогом счастья, не говоря об их сладчайшей музыке.

*Поэт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака...*

Он прорастал сквозь юность — ритмами рваными и образностью такой пестроты, что захватывало дух; он становился спокойно-умудренным собеседником в разливах «Анны Снегиной» и взрывал неистовым накалом «Черного

человека» и «Пугачева» в годы взрослые, когда трагедийный излом жизни становился понятен и очевиден.

Не всем приходилось в пору мистический Есенин ранних поэм или больших стихотворений, таких как «Инония» или «Октоих»; между тем ярко-красные, несколько воспаленные фрагменты «Инонии» пронизаны подлинной эзотерикой... И стих Есенина — Китеж его, буря образности.

Китежа много в Есенине: он наполняет стихи и таинственным мерцанием грядущего, и отчаянием невозможности втащить это грядущее в «сейчас»; Китеж гармонии и правды пронизан сочным калейдоскопом красок, где преобладают красный и зеленый, где золото луны отсвечивает загадкой задумчивости русской природы.

Она тиха и напевна, она не только не ждет бурь, но готова врачевать от них (в том числе и завертевшийся в денежно-эгоистической галimatье современности нынешний социум).

Отчаяние, столь густо разлитое во многих стихах Есенина, компенсируется совершенством, ибо когда такие песни возможны, не все так безнадежно. Не все безнадежно, когда и такие национальные поэты есть у народа, пусть и увиден он в ненадежные лабиринты. Пусть... Время всегда союзно с подлинным и никогда не позволяет ржаветь золоту.

Поэтическая формула

Есенину принадлежит поэтическая формула (среди других — многочисленных) необыкновенного, глобально-человеческого, интенсивно-верного восприятия яви:

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.*

*Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.*

*Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!*

*Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.*

*Счастлив тем, что
целовал я женщин,
Мял цветы, валяясь на траве
И зверье, как братьев
наших меньших,
Никогда не бил по голове...*

Тут нечто из непредставимого грядущего, где лев и ягненок должны возлечь рядом, где будет метафизическое золото жизни и никто не вспомнит про агрессию, столь яро полыхающую на протяжении всей человеческой истории.

В Есенине много ветхозаветного, понятого по-русски: оно вплетено в драгоценные гирлянды строк...

И сколько братьев наших меньших проходит, пролетает по страницам Есенина! Любое упоминание драгоценных существ, словно являет их по-новому; даже иволга, вроде не имеющая отношения к телу стихотворения, вспыхивает в недрах его души:

*Виткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга,
схоронясь в дупло.
Только мне не плачется —
на душе светло.*

И Джим, чьи глаза мы видим уже много-много лет, преданные

собачьи глаза, способные утешать, поддерживать:

*Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.*

Во всех стихах Есенина, где речь идет о животных, скрыта особая метафизика: она — о подлинной любви, о векторе правильного восприятия мирового космоса, открытого нам внешним миром.

Снежная Снегина

Снег, снежность, оттенки белого счастья — все это занимает особое место в стихах Есенина: бликует, переливается огнями, ведь не зря же «метели заводят веселые прятки».

Поэтому и фамилия Снегина знакова: в ней как будто переливается необыкновенной, не подлежащей коррозии и деформации чистой та волшебная субстанция, что так хороша на Руси...

И село названо Радово — словно согрето волшебной радостью. Недаром же:

*Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.*

У Есенина особые — круглые, крупные слова, такие были у классиков XIX века. Разумеется, у него уже новые ритмы бурно и буйно начавшегося XX века.

Стих поэмы густ, как питательное млеко, и течет он волшебными лентами слов, как только что взятый из сот мед.

Стих повествовательный, неторопливый, плавно и мерно разворачивающийся; стих, не допускающий никаких сбивов или ритмически усложненных узоров. Вспышкой дается память о войне:

Дом, где 3 октября 1895 года родился и провел детство Сергей Есенин (ныне часть Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в селе Константиново Рязанской области)

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.

Село должно исцелить душу, балзамом волшебных мест пролиться на все ее раны... Но только человек с огромной, целостной и глубокой душой мог слагать такие строки, собирая их в тугой короб поэмы.

Поэма, помимо вполне отчетливой фабулы с ее психологическими

извивами, исследует русскую душу: ее феномен, ее очарованность (о которой так хорошо писал Лесков), ее способность сострадать и сопереживать глубоко. И мерцает волшебная, снегом перевитая фамилия, которая сама по себе уже поэзия, усиливающаяся от сочетания с нежным и строгим именем: Анна Снегина...

Поэма поэм

Какой исследователь сможет сказать, с каких пор стал Есенина смущать Черный человек? Приходить,

мерещиться, требовать жертвы? Жертвой должна была стать жизнь поэта, ни больше ни меньше: Черный не признает альтернатив и не позволяет уверток.

Неистовое начало поэмы – с образностью абсурдной, с мистической поэтической суггестией, когда у читающего в первый раз словно вспыхивают сомнения:

И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду...

Потом становится очевидным – ведь так и есть: как же мощно и точно увидено... Но дальше:

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.

Отдает бредом, помноженным на алкоголь, упомянутый сразу же в начале: и бред этот настолько высок, что стоит миллиона нормальностей; неистовство крика, смиряемого мастерством, столь же неистовым. И разворачивается полотно жизни: отчасти грубо, отчасти нежно, порою снежно...

Реквием по себе? Сожаление о несделанном? И такие ноты слышны. Слышно много. Как в грандиозной симфонии: и национальное, русское, совмещающее чудовищно плохое, вроде пьянства до зеленых чертей, пусть соединившихся в одного Черного человека, и немыслимо высокое, вроде дара, позволяющего вершить такие поэмы.

Колонны поэтического текста вздымаются ввысь. Стих не ослабевает ни на миг, увеличивая силу, становясь вовсе запредельным – кажется некуда дальше...

Сложно сказать, есть ли в поэме кульминация: она как будто раскрыта в вечность...

В финале – с разбитым зеркалом – даже и успокоение некоторое мелькает: нет никакого Черного, надо жить...

... Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И – разбитое зеркало...

Однако придет следующая ночь, опять наковеркает всего, но поэма уже не взорвется в мозгу, чтобы выплеснуться на бумагу...

И останется феноменальный прорыв в запредельное русской речи, уходящий в бесконечную даль к бесконечным же потомкам...

Памятник Сергею Есенину на Тверском бульваре в Москве

ПУТЕВОДНУЮ ВИДЕТЬ ЗВЕЗДУ

Предлагаем вниманию читателей новую подборку стихов известного российского писателя, поэта, переводчика, лауреата литературной премии И. А. Бунина (2007) Александра Сенкевича

Муза лирической поэзии Эвтерпа

* * *

Гундеге Календре

Вдохновение хрупче стекла.
Потрясая и душу и тело,
оно словно остаток тепла
от того, что когда-то сгорело.
Оно бродит, как в чане вино,
прокисает от будничной грязи,
и в глазах то огонь, то черно,
а душе, что раскрылась в экстазе,
как бы жизнь ни пошла, — все равно!

Остафьево

Аналомию Коршикову

Бывают дни, когда не по себе,
когда бездумно топчемся на месте
и поступаем часто по злобѣ,
а не по зову неподкупной чести,
и, увязая вновь в галиматье
смурных словес, в которых
мало смысла,
вдруг осознаем: в мрачной темноте
живая жизнь прогоркла и прокисла.
И вера убывает, как вода
во время затянувшегося некла,
а правду разьедает клевета,
и речь звучит расплывчато и бегло.
Тогда бегу под сень высоких лип,
что выросли у дома с колоннадой.
Там мой Парнас и там же
мой Олимп,
мир благолепия,
вскормленный Элладой,
в который наши пращурсы смогли
внести со страстью пылкой и новой
блаженный дух отеческой земли,
что освящен был правдою Христовой.
Не сокрушая нравственных основ,
в Остафьеве, наследственном имени,

Петр Вяземский, поэт и остро слов,
развлечь друзей имел обыкновенье.
И Пушкин, издавек возвратясь,
заглядывал к любезнейшему другу.
Ему был в радость этот
странный князь:
он подходил по нраву и по духу.
И Карамзин ушел сюда, как в скит,
чтоб рассказать, что Русь
себе стяжала,
как глубоко и прочно в ней сидит
орды монгольской гибельное жало.
И где они, подобные друзья,
в чьих мудрых ликах
неба отраженье?
Их больше нет. Но разве вы и я
великодушны были от рожденья?
Что мы ведаем — вздорная гугня,
а поступаем, словно шлепогубы.
В нас нет ни вдохновенья, ни огня,
душой нечисты и натурой грубы.
К тому же в нас не вымерла орда.
И смрадный дух набегов и разбоя
из рода в род однажды и всегда,
туманя разум, тащит за собою.

Философский этюд

Ты капризную линию рта
словно смяла настойчивым взглядом.
Обнялись... И открылись врата,
и пахло вдруг дантовым адом.

Жизнь неладная злей и лютей,
я стою, как у края обрыва.
Отчего повелось у людей:
невозможность любить без надрыва?

И опять возвращаясь на круг
повседневного дела и слова,
я увижу, как выкошен луг
нашей страсти — до колкой основы.

Нам придется по жесткой стерне
добираться, все ноги израня,
до того, кто стоит в стороне,
нашу жизнь написавши заране.

Это кто? Наших душ демиург?
А мы кто? Его злобные дети?
Кто кому то ли враг, то ли друг?
Кто за наши страданья в ответе?

Тишина, словно душиная мгла,
придавила, стесняя движенье...
Многогранника нет без угла,
бесполезна стрела без мишени.

Увещевание

Мой день тобою омрачен и скомкан.
Ты взорвалась спонтанно, как всегда,
а не мелькнула тенью мимо окон
и не окликнула тревожно, словно та,
что в дом вошла
тихонько, скромно, боком,
застенчиво, как будто сирота.
От прежней той осталась красота,
в косе сверкнувший
золотистый локон,
а мягкий нрав испортила среда
людей, живущих суетно и скоком.
Что взять с тебя?
На дурость нет суда.
Не углублять же наш разлад упреком!
Когда с тобой предстанем
перед Богом,
от наших ссор не будет и следа.

* * *

Анне Бессоновой

На душе моей что-то поганое,
неспокойно и как-то не то.
Ты притихла, а я и недавно,
наша жизнь — это цирк-шапито.

Крутим сальто-мортале и лихо
ловим жгущий огонь языком
и бежим, словно тени, безлико,
по гвоздям и стеклу босиком.

Балаганные эти изыски
опостытели очень давно:
их пошиб непристойный и низкий
и навязчиво тянет на дно.

Неприглядна вся та буффонада,
что пустому фиглярству сродни
и по сердцу глупцу и фанату.
Но мы разве с тобою они?

Дай нам, Боже, живя без обмана,
в полумраке, во тьме, на свету

сквозь дырявую ткань балагана
путеводную видеть звезду.

* * *

Наталье Тереховой

Увидел я сквозь тьму прошедших дней,
как заправляла всем неразбериха,
как изгалялись, что всегда при ней,
тупая смута и дурное лихо.

Они меня кромсали вкривь и вкось,
в огонь бросали, позабывши жалость,
и столько в них стихий пересеклось,
что дух ослаб и мне едва дышалось.

Я знал: у них давно припасены
на всякий случай, чтоб
упрятать правду,
обманных слов лихие плясуны,
что затанцуют враз и до упаду.

Я в круг вошел и танцевал, хотя
меня вовсю терзала лихоманка.
А жизнь моя катилась, тарахтя,
как по брусчатке жестяная банка.

Царица Савская

Среди незнакомых святынь
ты ступаешь слегка неуклюже.
Так идут караваны верблюжьи
сквозь пески аравийских пустынь.

До чего же хитер Соломон,
от его не укрыться прищуря.
Ты в ручищах царя-самодура,
словно выжитый грубо лимон.

Почему же ты, словно раба,
покорись безвольно и слепо?
Засмеется вокруг гольтиба,
потемнеет от ярости небо.

Но ни этот заносчивый люд,
ни небесные силы тем боле,
никогда ни за что не поймут,
что такое блаженство и воля.

И к чему этот твой приворот,
заурядный, вульгарный и грубый, —

не затем же, чтоб царственный рот
смял в мгновенье бесстыжие губы?!

Лучше уж показаться срамной
и продажною девкой-шалавой,
чем великой царицей земной,
кто своей поступилась державой.

Элексир

Стоят предметы неподвижно,
приземисты и тяжелы.
И тишину, как сок, я выжму
из прелой мякоти жары.
Дойдя до сокровенной сути,
где чудеса разрешены,
смогу я сохранить в сосуде
густые капли тишины.
Чтоб осенью и даже после,
когда ветра свое возьмут,
открыть среди разноголосья
покрытый плесенью сосуд.
И слабым быть, и виноватым,
и выпить все, себя кляня.
И станут эти капли ядом,
а может быть, спасут меня.

Калифам на час

Самовлюбленнейшие маги,
вам всем пора бы на покой.
Ведь жизнь мою как лист бумаги
не исписать чужой рукой.
И ваша злоба неуместна,
куда ей совладать со мной!
Моя субстанция небесна,
вы ж превратитесь в прах земной.

За городом

Я в городе отвык давно
от тишины и от деревьев.
А в этом утре, словно в чреве,
дремало светлое добро.
И я не знал наверняка
во что оно вдруг перельется —
в улыбку, в радость или в солнце
и кучевые облака?
А зло? Про зло не говори.
Оно, оформившись во что-то,

хотело бы занять пустоты
в душе, в сознание и в крови.
Но в это утро не найдя
ни места для себя, ни силы,
оно, явившись, испарилось,
как брызги редкого дождя.

Муза

За окном потоками струится
птичий гомон и зеленый гул.
К тем любовь сторицей возвратится,
кто тебе на верность присягнул.

Козьей шерстью выстилая ложе,
опрокинешь в ангельскую тишь.
Голосом, застенчивым до дрожи,
душу изведешь и истомилшь.

Губы пересмякшие, сухие
облизнешь горячим языком.
И сорвется с привязи стихия,
та, с которой будто незнаком.

Заиграют радужные пятна —
это солнце вломится в альков.
Жизнь моя темна и непонятна,
как во мраке танец светляков.

Ты моя и не моя, но все же
я иду влюбленно за тобой.
Лучше быть двоим на бездорожье,
чем смешаться с праздною толпой.

Петербург

Вороний грай разбудит поутру.
О чем вещает птиц косноязычье,
которые слетаются к Петру,
и в грои не ставя все его величье?
Сошел туман тяжелый на Неву,
деревья стыннут в пелене молочной,
и в мороси, промозглой и морочной,
тебя увидеть трудно наяву.

Птицы

И зависть к птицам у меня ...
Их крики вольны и гортанны,
в моей душе откроют раны

и вмиг избавят от вранья.
И зависть к птицам у меня ...
Они растают, как дымы
над речками и над лесами. —
им не опасно кольцеванье,
что совершается людьми.
Для них не ставшее бедой,
когда летят по белу свету,
неся с собой земную мету
и причащаясь высотой.

Ослепление

Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да быч.
А. С. Пушкин

Здесь постоянно ночь как день,
а день — как будто мрак кромешний.
Для них он человек потешный,
кто тень наводит на плетень.

Он верил сам, что им сродни,
хотя был с ними разной крови,
и все ему казалось внове
в азарте пошлой болтовни.

Как он пытался уловить
черты лица в застылой маске
и выдернуть из мертвой сказки
реальности живую нить.

Он был как червь у их подошв.
Вот почему его простили
и, развлекаясь, не пустили,
как тварь дрожащую, под нож.

Как он мечтал найти приют,
где люди вольны и степенны ...
А здесь и камни вопиют,
и стены двинулись на стены.

И среди этой чехарды
Он вдруг опомнится однажды,
когда услышит выкрик: «Наши ты
или из вражеской орды?!»

На нем нет крови и вины,
а есть тяжелый гнет возмездья,
задворки низменной войны,
где поле битвы — огород,
а острый нож — клочок бумаги.

Но как уйти от этих орд,
в какие дебри и овраги,
в какие дальние скиты,
в какое скрыться поднебесье?

Как ни страдай и как ни бейся,
а все равно вокруг — скоты!
Услышит разве кто-нибудь
глас вопиющего в пустыне?!

Но оставался Крестный путь,
как вызов блуду и рутине.
Теперь он знал, что делать впредь,
пройдя сквозь жизни безобразье,
как смыть с себя ошметки грязи
и в тихой славе умереть.

* * *

Зеленые глаза во влажной поволоке —
мой отишумевший день
и неотвязный сон.
Мои пути к тебе то круты, то пологи,
а то уходят вниз.
Куда-то под уклон.
Ты — сумрачный пейзаж в тонах
багрово-красных, —
предвестье тьмы ночной
и умиранье дня,
и слышится в тебе среди
созвучий разных
настороженных птиц глухая
воркотня.
Приученный тобой
к изысканности речи,
я не хочу уже словесности иной.
И проступает въявь —
и зримее, и резче
аморфный этот мир,
покрытый пеленой.

Вера

Тучи, которые с ночи нависли,
исчезнут в течение дня.
Просветы деревьев, как добрые мысли,
наполнят надеждой меня.

Всю жизнь находиться
во вражеском стане —

напрасный и тягостный труд.
Расцелины скал, воспрям деревьями,
уверенность мне придадут.

Среди сотоварищей, бравых
и праздных,
крадусь осторожно, как вор.
А в топях, недавно еще непролазных,
брусника раскинет ковер.

Родная моя, неужели не видишь,
как солнцем струится ручей?
Не там ли наши город,
исчезнувший Китеж? —
он скрыт от телесных очей..

* * *

3. С.

И для кого слова берег,
выхаживал в тепле?
Со злым лицом сидит зверек
в тебе, в тебе, в тебе.
Ни приманить, ни выгнать прочь,
ни вытолкать плечом ...
И не спасет ни день, ни ночь
того, кто обречен.

Восточный урок

Инессе Ким

Тогда зима была, и ночью,
рассветный сумрак торопя,
я изучал язык восточный,
чтобы чуть-чуть понять тебя.

А ты спала ... В котором веке,
среди премудростей каких?
Во сне приподнимались веки,
как створки раковин морских.
Тебе вставать придется рано,
и ты спала, легко дыша ...
На дне какого океана
вдруг стала жемчугом душа?

3. С

Язык твой дик и непокладист,
и для чужих людей колюч,
таинственных познаний кладезь,
свободной речи чистый ключ.

Язык гортанный и певучий,
то нежный, то внезапно злой,

насупленный, как будто туча,
над пересохшею землей.
Глядящий тяжело и косо
с листов полуистлевших книг,
где, словно снежные заносы,
он письма свои воздвиг.

Я приручал его, как зверя,
и я до тех пор не уснул,
пока, исполненный доверья,
меня он в губы не лизнул.

Молитва

Не приведи, Господь,
чтоб уцелела плоть,
а светлая душа,
как темный снег, сошла.

* * *

Друзья уходят в те пределы,
откуда мне их не вернуть.
Моя душа оледенела,
она мое покинет тело
когда-нибудь, когда-нибудь ...

Окно раскрыто нараспашку,
за ним у леса водоем.
Перед глазами кружит пташка.
До невозможности мне тяжело,
хотя мы в комнате вдвоем.

Луна с коралловым отливом
взошла над темною водой,
и ночь заполнилась мотивом
ицемяще-плачущим, тоскливым,
как перед новою бедой.

Несовершенство человеческого рода

Поэзия без мыслей
мысли без поэзии
настоящее без будущего
будущее без настоящего.
Постоянный эффект
незавершенности
в мире Божественного
совершенства.

ТЕКУТ СТОЛЕТЬЯ ЦЕПЬЮ КАРАВАНА

Представляем вниманию читателей стихи известного российского поэта
Михаила Синельникова, автора 37 сборников стихов, лауреата многих российских
и международных литературных премий

* * *

Парад циферблатов у часовщика.
Пытливо к стекляшке прильнула щека,
И слушает ухо колесиков ход,
Будильник проснулся, в дорогу зовет.
Далеко тебя этот стрекот унес,

Минуя полвека, в рязанский колхоз.
Казалось, все смыто течением дней,
И все-таки времени память сильней.
Вот в сумрак избы, в теплоту голосов
Скакнула кукушка настенных часов.
Кукует, как ей суждено на веку,
И роица своим отвечает «ку-ку».

Заонежье

В краю русалок, леших и кикимор,
Куда разбойный забредал варяг,
Предрек Перун полюдие и вымор,
И весь от крови
жертвенной набряк.

В Смутное время

Пирог с груздями, рыбник, кулебяка,
Бараний бок, но где же рататуй?
Несли Марине яства. Их, однако,
Швыряла в слуг, хоть руки ей целуй.

¹ Сен Жон Перс (1887–1975), французский поэт.

Царицей став по милости небесной,
Дочь сутенера не терпела щей.
В унынье от московской кухни пресной,
Была, казалось, нищенки тощей.
Она французских соусов хотела,
Телятины – народ жалел телят!
Смотрел Димитрий, как изячно ела,
А за рекой уже гудел набат.

Московское посольство

Посланцы тучные, истаяв
От ожидания у границ,
Дарили графам горностаев,
А переводчикам кунит.
Сторожевого офицера
Грузили перечнем забот,
На представлении Мольера
Скучали и роняли пот.
Но вот король, снимая шляпу,
Заверил, что визиту рад.
Вручили карлику-арану
Свой обстоятельный трактат.
И в разговоре с д'Артаньяном,
Суля Царьград или Хвалынь,
Звала на помощь христианам
Взаимно скудная латынь.

Эллада

Разве грекам досталась Эллада!
Не торговцев и клерков, а нас
В быстрине обнимает наяда
И высоко возносит Пегас.

Отцвела и, столетья пустея,
Бессловесной рабыней была,
Но внушила нам боль Прометей,
Ахиллесовым гневом зажгла.

То внимаешь урокам кентавра,
То на Трои ведешь корабли,
То за веткой зеленого лавра
Все бежишь в олимпийской пыли.

* * *

Слепой Гомер был тайнозритель
строгий.

Он ведал: в человеческой войне
Участвуют невидимые боги
И не стоят от битвы в стороне.

И Афродита защищала Трои,
Когда Афина явную вражду
Питала к илионскому герою –
Любовь и Мудрость вечно не в ладу.

На Таврической

Топчи их рай, Аттила ...
Вячеслав Иванов

А вот и дом в тогдашнем стиле!
В предчувствии великих смут
Не раз на башне говорили
О том, что варвары придут.
Задолго до пайков и жмыха
Внизу пузырилась земля.
Шел мелкий дождик, было тихо,
И повевали кренделя.
Звучал и трогал все глубинней
Стихов нечаянный катрен,
В котором страх перед пустыней
Смешался с жаждой перемен.

* * *

В похмельных раздумьях, в их
мутном рванье,
Есенин смотрел на Анри де Ренье.
Поклонница за руку мэтра вела.
Букеты, орация, росчерк стила ...
Все дмлся восторг в Люксембургском
саду,
Где классик студентам кивал на ходу.
И хмуро на эту глядел канитель,
Буян, разгромивший парижский отель.
Потом этот день вспоминал за вином
В кабацкой Москве и в Тифлисе хмельном.
Нет, русская доля – не сан короля,
Не стриженный парк, а сырая земля,
Разбитое зеркало, бред и петля.

Сен Жон Перс¹

Какой-то островок зеленый
нестерпимо

За влажной чернотой появится
во сне.
Казалось бы, вблизи,
и расстоянье мнимо,
Но все труднее плыть –
сдаешься глубине.

И разве что тебя в пылу служенья
музам
Поддержит слабый всплеск и,
может быть, спасет.
И будет впереди, как сказано
французом,
Из моря темного в лазурное исход.

Тихий Дон

Дорога к Дону, разнотравье.
Песком укрыты стремена.
Таится в недрах православья
Хазарской веры тишина.

Тут скрытных прадедов наследье,
А над беспмятной рекой
Все длится колокольной медью
Переमेжаемый покой.

И тянется с невнятным гулом
Средь расцветающих степей
Непостижимый путь к хурулам.
Дрожит ковыль, бурлит репей.

Молитвенные барабаны
Калмыцкий ветер шевелит.
Казачка с чаркой закурганной
В буддийском облаке стоит.

Музыка

Верблюдица столь утомляется,
В какой-то миг
От верблюжонка отдаляется,
Но мир настиг.

Тут с ликами бесстрастно-
хмурыми,
Собравшись вдруг,

Громоздкими грохочет хурами²
Монголов круг.

От ноты, что годами чудится, –
Лишь слезы лить.
И плачет от нее верблюдица,
Идет кормить ...

В стихах вам не хватает малости,
Но там и здесь
Всевластной музыки и жалости
Всем правит смесь.

Сутра

Колесницей назовем мы тело ...
«Утпала»

Добавится и вскоре жизнь другая,
А их так много ты в себе несешь,
Уже и от одной изнемогая,
Покуда майи не отступит ложь.
Порою мнится: «Вот она,
нирвана!»
Но будто по пескам до озерца
Текут столетья цепью каравана;
Существованьям прежним нет
конца.

Вновь собираешь вечной цепи звенья,
Чуть поправляешь эти или те,
Перерождаясь от прикосновенья
Все к той же материнской
теплоте.

В Кералу

О. Н. В. Куруппу³

Поедем в Кералу, в места,
Где все готово
К явлению новому Христа
Земле Христовой.

Не в гордый Иерусалим,
Но к роцам тайным,
Где шел Он, грезю томим,
Внимая джайнам.

Где Он вступал –
в былые дни –
В спор с бодисатвой,
И светел след Его ступни
На камне с клятвой.

Немало лет бродил Он тут,
Но возвратиться
В отчизну, где Его распнут,
Звала жар-птица.

И океанский вал встает
Над мглой безмерной,
Где смуглый окрестил народ
Фома Неверный.

К Веронике

Святая Вероника,
Во всех концах Земли
От мала до велика
Болящих исцели!

Соседкам что за дело!
Поведать ли кому,
Что узника узрела,
Ведомого к холму?

Тут жалость сжала горло,
Ты робко подошла
И пот, и кровь утерла,
И свет сошел с чела.

А Он пошел все дале
Под ношею креста ...
Мы все Его распяли,
И совесть нечиста.

Но даже и Тиберий
Тобой был исцелен ...
Приди хоть у преддверий
Сжигающих времен!

Святая Вероника,
Покается Пилат!
Ты с отпечатком Лика
Простри над миром плат.

* * *

В день заключительной уборки,
Сметаешь пыли темный мох,
И патефонные иголки
Возникли в мусоре эпох.

И песни всех десятилетий
В душе поникшей раздались,
Овеяли лоскутья эти
И замерли, рванувшись ввысь.

Бенарес

Там странники ходили тяжело.
Шли, как во сне,
на солнцепеке жарясь.
И ведь ничто, конечно,
не могло
Веков за двадцать
изменить Бенарес.
Все так же вьется над речной
долиной
Бесчисленных кремаций черный чад,
Все длится в дальних джунглях рев
тигриный,
А здесь аскеты дремлют и молчат.
И праздник все нестрой
и многолюдней.
Тут в рубище, должно быть, Иисус.
Он из Египта, тощ, еще безус,
Приплыл сюда на тростниковом
судне.

На выставке ковров

Куда ведут узлы узоров?
Ты постигаешь, угадав
Ковровицы упорный норов,
Народа своевольный нрав.

Живет в изломах этих линий
Чересполосица времен,
И цвет багряный или синий
Самой судьбой определен.

Канона свята несвобода,
И выбор цвета, как всегда, –
Запекшаяся кровь исхода
Иль вожденная вода.

* * *

Вновь через годы переулоч тот
Привидится в дремоте – издалече,
И время замедляется, поет
На месте ожидания и встречи.

Ты можешь и проснуться, не спеши,
Ведь память долго бродит
и морочит,
И времени туманная душа
Вошла в тебя и уходит не хочет.

* * *

Обычно вязок разговор с монголом
И осложнен, хоть даже как-то мил,
Гаданием замедленно-тяжелым –
Кем ты в его прошедших жизнях был?

Понятно, что природа экономна,
Все те же люди возникают вдруг.
Все та же ступа, мощная, как домна,
Царит над рощей, освящает луг.

От этих зрелищ каменеют лица
И тянется невидимая нить
К Тому, кто никогда не возвратится
И попрощался, пожелав не быть.

* * *

Чуть истомленно и немного вяло
Взирали дамы живописи той.
Беременность бесспорно придавала
Им прелести и неги золотой.

Тот женский взор, провидческий
и сонный,
Всех трогал, и – художника сперва:
Еще и сила жизни нерожденной
Приумножала силу мастерства.

Шоколадница

Держит чаику с горячим какао
Или чистый несет шоколад ...
Шоколадница эта лукава
И сама – обещанье усад.

От чепца ускользнувшая прядка,
Затаенно зовущая грудь –
Здесь явленья такого порядка,
Что подросток не сможет заснуть.

И черты ее вовсе не слабы.
Нет, не дева. Конечно, сойтись
С живописцем заезжим могла бы ...
Лишь трудом, Лиотар, возгордись!

Да, небось, повидала немало ...
А сама золотая постель
Даже в шахте еще побывала.
Как Вермеер. И как Рафаэль.

Портреты поэтов

Вот Мерике, он был потешней гнома.
Какая муза снизойдет на зов!
А между тем блаженная истома
Исходит из его немецких слов.

Вот Заболоцкий. Внешность
счетовода,
Который строг и в общем скучен
всем.
Прошла красавцев пошлая порода,
Но долговечен стих его поэм.

* * *

В глухих горах за миром ветхим
Хибарок глиняных и юрт
Была улыбка ссыльной Гретхен,
И мимо тек овечий гурт.

Ты мог бы жить и в Майли-Сае,
Где на немецкие дома
Гора сходила, нависая,
Но ты бы там сошел с ума.

Но и лечебница под боком!
Дурдом и темная руда
В припоминании далеком
Вдруг возникают иногда.

Все было призрачно и черство,
И в душах грезился отъезд,
И смутный лепет стихотворства
Тебя увел от этих мест.

² Хур (моринхур) – струнный смычковый монгольский музыкальный инструмент.

³ Индийский поэт из Кералы, пишущий на языке малаяли.

ЖАР ТЛЕЮЩЕГО В ПЕПЛЕ УГОЛЬКА

Представляем вниманию читателей подборку стихов Андрея Козырева

Фото: Иохим Шнюрле / Unsplash

В храме

Храм, как колодец, тих и темен, —
Сосуд, воздетый над землей
В простор, что страшен и огромен,
Где плещет тьма — живой водой.
И в сумрачном колодце нефа,
Где ходят волны полутьмы,
Мы черпаем любовь из неба —
Мы взяты у небес взаймы.
И тьма волнуется, как море,
Где раздробил себя Господь
На звезды в сумрачном просторе,
Чтоб сумрак плоти побороть.
В Твоей тиши душе просторно.
Там глубину находит взгляд,
Там сквозь меня растет упорно
Столений темный вертоград.

А рядом — нищие, калеки,
Юродства неувядающий цвет.
Осколок Божий в человеке
Сквозь плоть свой источает свет.
В неверном пламени огарков
Темнеют лица стариков,
Пророков, старцев, патриархов
Из ста колен, из тьмы веков.
Древнее Ноя, Авраама,
Древнее Авелевых стад —
Они от века люди храма,
Лишь ими град земной богат.
И, возносясь под самый купол,
Воздетых рук стоперстый куст,
Что Господа едва нащупал,
Пьет полумрак всей сотней уст.

Но — выше дня и выше ночи
Безмолвствуешь над нами Ты,
Ты — сумерек нетленный зодчий,
Пастух вселенской темноты.
Твой дух под куполом витает,
Превыше человеческих троп,
И веющий сумрак возлагает
Свои ладони мне на лоб.

Как тяжело Твое прощенье,
Быть может, гнева тяжелей.
Но Ты — наши Царь, и Ты — Служенье,
Ты — кровь, Ты — плоть, и Ты — елей.
Ты — голубая вязь страницы,
Ты — тот псалом, что я пою.
Облек Ты ближе власяницы
И плоть мою, и суть мою.

Тебя я строю, словно птица —
Гнездо. Стою в Твоем строю.
И в людях, не смотря на лица,
Твой ток вселенский узнаю.

Ты, не уставишь с неба литься
В немой простор моей страницы —
Господь! Прими мольбу мою.

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи,
Пляшут быстрые лучи.
Небо бьется, как в падучей,
Звезды — как огни в печи.
Мчатся бесы, вьются бесы,
Пляшут, мечутся, плюют ...
Сани по Руси небесной
Тело Пушкина везут.

Мимо площади Сенатской,
Мимо высей Машука
Мчитесь конь наши заливчатский
Сквозь эпохи и века.
Буря мглою небо кроет,
Все дороги замело ...
— Что вы, барин? — Бог с тобою!
Просто сердцу тяжело.

Громко цокот раздаётся,
Будто все кругом мертво ...
Конь летит, бубенчик бьется
По-над холмою его ...
— Скоро ль дом? — Не знаем сами!

— Ждут ли нас? — Должно
быть, ждут!
Вечно по России сани
Тело Пушкина везут.

Гулко цокают копыта
По теченью наших спин ...
И молчат, во тьме забыты,
Мертвый дом и Сахалин.
Вся земля дрожит от гула,
У коня горит зрачок ...
Вон Астапово мелькнуло,
Знать, конец уж недалек ...

Ни огня, ни слез, ни веры —
Крики, брань, кабацкий мрак ...
Только возле «Англетера»
Спотыкнется вдруг рысак ...
— Скоро ль, братец? — Недалечко!
Только выедем с земли ...
Лишь мелькнет Вторая Речка
Там, за вечностью, вдали ...

Больше нет на белом свете
Ни чудес, ни естества:
Наша жизнь — огонь да ветер,
Да слова, слова, слова!
Скачка, скачка без запинки,
Без кнутов, без шенкелей ...
Пушкин ... Легкая пушинка,
Что небес потяжелей!

— Ждут нас? — Барин, все в порядке!
Ждут покойники гостей,
Все отдавши без остатку
Да раздевшись до костей.
Плачут, пьют, тревожат Бога,
Огоньки в глазах горят ...
Бесконечная дорога
В рай бежит сквозь самый ад!

И ни песенки, ни сказки ...
Мчатся кони день за днем ...
— Я устал от этой тряски ...

Скоро ль, братец, отдохнем?
... Полузвери, полубоги,
Мчатся тени — их не счесть ...
— Скоро ли конец дороге?
— Барин, не серчай! Бог весть!

Ледниковый период

Этот мир, округлый, скользкий,
несомненно, стоит мессы,
Удержат его в ладони тицились
тысячи царей,
Но у всех свои запросы,
выкрутасы, интересы,
И из влажных пальцев шарик
выскользает все скорей.

Неизбежная рутина,
каждодневная морока
Заставляет человечков то звереть,
то сатанеть.
Шестеренки наших судеб
ускоряются жестоко,
Разрывая нас на строчки,
не давая уцелеть.

Сколько рыцарей мгновенья,
повелителей момента
Распрощались с римской славой —
не осталось и следа.
Сонно ледники сползают по векам
и континентам
И стирают с карты страны,
и съедают города.

И не стыдно вам, вельможи,
почивать на мягком ложе,
Если смерть от ожиренья вам
не стоила труда,
Если жизнь за пыльным гробом
так на нашу не похожа, —
И не страшно вам, холопы,
и не стыдно, господа?

Об авторе:

Андрей Козырев — поэт, прозаик, издатель. Родился в Омске в 1988 году. Член Союза писателей Москвы. Автор девяти сборников стихов и прозы. Публиковался в журналах «Арион», «Кольцо А», «Плавучий мост», «Гостиная», «Новый Гильгамеш», «Журнал Поэтов», «Сибирские огни», «День и Ночь», «Литературный Омск», альманахах «Складчина», «Тарские ворота» и др. Главный редактор литературно-художественного журнала «Менестрель», руководитель онлайн-школы при журнале. Глава оргкомитета Международной литературной премии им. И. Ф. Анненского.

Ледники ползут неспешно,
поглощают наши души,
Лед и камень, лед и солнце –
равнодушие и гнев.
И мохнатый мамонт бродит
по покрытой льдами суше,
И готовится к охоте молодой
пеицерный лев.

Солнце стынет надо льдами, небо
холодно-огромно,
Лес колышется до неба, волки воют,
скачет конь,
И художник жадно пишет на стене
пеицеры темной
Скачку ланей и бизонов, стрелы,
солнце и огонь.

Осень в Византии

А. Балтину
Роскошна осень в Византии ...

Великолепна осень в Византии.
Летит с небес багряная листва,
Тяжел покой тысячелетних парков,
И тяжелей стократ над
спящим миром
Воздвигнутый Творцом
незримый купол.

Рабы смердят. Патриции воруют.
Монахи тихо молятся во храмах.
И со столпа святой над небесами
Обозревает христианский мир.
Молчат пределы темной Ойкумены.
Бушуют волны варварского Понта.
А в императорском
дворце – спокойно,
И стража тихо дремлет в полутьме.

А император, совершив молитву,
Спокойным, тихим голосом велит
Казнить десятки
невинных граждан,
И тысячеголовая толпа
Молчит, дворец высокий окружая.
Надежны стены, и прочна решетка.

Великий Свод простерт над
грешным миром.
Пока он прочен, ничего не страшно:

Пусть сто веков плетет
свои интриги
Сын Херсонеса, хитрый Калокир.
Пусть император, чуть
прищурив веки,
Бросает беспокойный взор на Киев,
Где варвары, где кровь, вино
и страсть.

Пусть варвары волнуются, и цирки
Бушуют, и рвет город спор извечный:
– Ты за кого? За «синих»
иль «зеленых»?
Поэты ропщут, молятся святые,
Болгаробойца проливает кровь,
Слепые, друг за друга уцепившись,
Шагают за апостолом Петром.
Пусть двое сарацинов у стены
Кидают жребий о судьбе Царьграда!
Пусть набухают варварские жилы!
Но закрома трецят, полны запасов,
Но крепкие быки идут по паине,
Спокойны цареградские святыни.

Великолепна осень в Византии.
И кажется, что скоро, очень скоро
Царьград взойдет на небо, вознесется,
И станет царь земной –
Царем небесным,
Господь – Поэтом Неба и Земли.

Великолепна осень в Византии.
Не родился Махмуд Завоеватель,
Что время Рогом Золотым свернет.
Жезл Мономахов и Палеологов
Высоко вознесен над старым миром,
И свод Софии спит над ойкуменой,
И далеко до смерти и зимы,
А дальше – Суд и семь веков позора,
А дальше – Воскресение из мертвых,
А дальше – тишина и синий свет ...

Великолепна осень в Византии ...
И до зимы – еще тысячелетье ...

Ничто

Улица не шелохнется,
В небе – тихая луна.
Где-то шепот раздается.
Вось воздушная темна.
Все на свете непреложно,

Тихо, мирно и несложно,
Нами небо занято ...
Вдруг – над нами раздробилось,
Разыгралось, раскатилось,
Заиумело, заискрилось
Многоликое Ничто.

Топчут ноги, брызжет хохот,
Но не видно ничего.
На пустой дороге – топот,
Сердце живо и мертво ...
Обло, дико и стозебно,
И не нежно, и не гневно,
Чем-то высшим занято,
Многоруко, многоного,
По семи земным дорогам
Скачет гулкое Ничто.

Кличет, мается и ранит,
Рвет сердца, дробит мечты,
Манит, тянет и буянит
Пустота среди пустоты ...
Ложь – прельстительная сила,
Жизнь полна, как решето.
Много нам судьба дарила,
Да не то, не то, не то!

Снова – тихая дорога ...
Где-то огоньки горят,
Плачут, ждут, тревожат Бога,
Все о чем-то говорят ...
Ночь тиха. Не дышит ветер.
Ни за что мы не в ответе.
И прожить бы лет так сто ...
Что за чудо – тишь на свете,
Только слышно, как к планете
Приближается Ничто.

У камина

Хотел ты жизнь познать сполна:
Вместить в себя явленья сна,
И прорастание зерна,
И дальний путь комет.
И вот – ты одинок, как Бог.
И дом твой пуст. И сон глубок.
В камине тлеет уголек
И дарит слабый свет.

Ты все познал, во все проник,
Ты так же мал, как и велик,
И твой предсмертный хриплый крик

Поэзией сочтут.
Все, что в душе твоей цвело,
Давно метелью замело,
Но где-то в мире есть тепло –
Там, где тебя не ждут.

Все кончилось, – любовь, тоска, –
Но бьется жилка у виска,
А цель, как прежде, далека.
В доме твоём темно.
Открой окно, вдохни простор, –
Ты с небом начинаешь спор,
А на столе, судьбе в укор,
Не хлеб и не вино.

Что было, то навек прошло.
Зло и добро, добро и зло
Влекут то в холод, то в тепло,
И вечна их печать.
И ветром ночи дышит грудь,
Но ты все ждешь кого-нибудь,
Чтоб дверь пошире распахнуть
И вместе путь начать.

К себе ты строг. И вот – итог:
Теперь ты одинок, как Бог.
Но все ж ты смог из вечных строк
Создать звучащий храм.
Но вдруг волненье стиснет грудь:
Твоей души коснулся чуть
Тот, кто последний вечный путь
Указывает нам.

Рубаи

Жизнь – вкус вина и пенье соловья,
И запах роз, и беглый плеск ручья ...
«А что зимой?» Горячий
снег и звезды,
И боль, и страсть последняя твоя ...

Там, во дворцах небесных, наверху,
Вино и пальмы – чтоб
прогнать тоску,
А здесь – жара, и жажда, и в пустыне
Шаги по раскаленному песку ...

Спустилась ночь на раскаленный сад,
В безбрежной тьме наивный
тонет взгляд,
Стой и молчи, благоговейно глядя,
Как звезды сквозь тебя
во тьму летят ...

Все счастье жизни вместе собери,
И, если наберешь минуты три
Блаженства, не пропитанного
скорбью, –
То смело небеса благодари.

И я, как все, когда-нибудь умру,
Став топливом вселенскому костру,
А искры так же будут веселиться,
Плясать на обжигающем ветру.

Ликуй, пока земная плоть жива!
Пусть во хмелю кружится голова ...
В миг смерти – для всего
найдутся сами
Правдивые и страшные слова.

Любя, будь счастлив,
не считай минут,
Но предвкушай, как праздник,
страшный суд,
Когда целуешь губы, что когда-то
Свой приговор тебе произнесут.

Мгновенье жизни сделай веселей
И, смерти глядя в очи,
пой и пей!
Бессмертие нам было б не по силам,
И ты о нем, счастливцу, не жалей.

Разлук и встреч нелепый,
длинный ряд,
Лжи и тицеславья пестрый
маскарад –
Мы совершаем сто столетий кряду
Бессмысленный, но сладкий
нам обряд.

Добро и зло, коварство и любовь –
Купи товар, купец, мошину готовь!
Старье, что праотцам
еще постыло,
мы продаем и покупаем вновь.

Судьба хитра, по рангам нас деля,
Но трудно всем – от слуг до короля.
А равными нас сделает когда-то
Для всех гостеприимная земля.

Стоим, держась за руки, я и ты
У страшного порога темноты.
А на пороге – пыль иных столетий.
И у ступеней шелестят цветы ...

Вино играет, в бочках налито,
Беседой нежной сердце занято,
Шумят пиры, взлетают
к звездам кубки,
И ласково глядит с небес Ничто.

Живя, смотри на все издалека –
На вечность звезд и краткий
век цветка.
Но пусть в твоей груди
всегда таится
Жар тлеющего в пепле уголька.

АУКЦИОНЫ В ЖИЗНИ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

О своем опыте взаимодействия с аукционными домами рассказывает князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Беседу ведет
ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВА

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Коллекция Никиты и Нины Лобановых-Ростовских ныне признана лучшей в мире частной коллекцией театрально-декорационной живописи Серебряного века.

Идея коллекции – энциклопедичность, которая отобразила бы

все движения искусства в России в эпоху Серебряного века. Она имеет научное и образовательное значение.

Никита Дмитриевич говорит о необходимых качествах коллекционера и о том, что коллекционирование должно быть призванием:

«Коллекционирование – результат психологического настроя к собирательству. Для коллекционера живописи нужны такие качества, как целеустремленность, вкус, знание техники, в которой работает художник. Необходимо “общение” с произведениями мировой живописи

для “набивания глаза”, знакомство с работами художников, имеющимися в коллекции, и, конечно... удача. Коллекционирование – это не бизнес, оно часто не приносит денежной прибыли. Коллекция не является источником дохода. Наоборот, она постоянно требует расходов; время – деньги: тут и страховка, и реставрация, и уход, и нескончаемые заботы».

Лобанов-Ростовский – не только известный коллекционер, он был также консультантом аукционных домов «Сотбис» (Sotheby's) и «Кристис» (Christie's) и является пожизненным членом Совета благотворителей музея «Метрополитен» в Нью-Йорке.

Он убежден, что, по крайней мере на Западе, «славу художника делают именно коллекционеры. Если мастер завоевал у них авторитет, на него появляется спрос, и тогда его начинают продавать аукционы». С того времени, как усилиями и упорством Лобанова-Ростовского работы Зинаиды Серебряковой, Александры Экстер, Николая Бенуа попали в аукционные каталоги, начала расти известность этих художников. И коллекционер стал постепенно, путем аукционов и выставок продвигать их произведения.

О своем опыте взаимодействия с аукционными домами, а также о случаях влияния аукционов на известность художников Никита Дмитриевич рассказал в нашей беседе.

Когда вы впервые попали на аукцион, когда поняли его необходимость в жизни коллекционера?

Впервые я попал на аукцион живописи в 1964 году в Нью-Йорке. В аукционный дом «Галереи Парк-Бернет» (Parke-Bernet Galleries) на Мэдисон Авеню у 78 улицы. Русская живопись там продавалась среди европейской. После того как «Сотбис» купил «Парк-Бернет» и интерес к русскому искусству

повысился, начались отдельные аукционы работ русских художников под эгидой «Сотбис». Сначала внимание привлекла театральная живопись русских художников, а затем начались специализированные аукционы русского искусства. Их частота достигла двух ежегодных русских аукционов в четырех аукционных домах Лондона. Плюс русские аукционы проходили в Нью-Йорке и Париже.

Как вы попали в «Сотбис» и стали его советником?

7 июля 1988 года «Сотбис» провел аукцион в московском «Совинцентре», который стал самым ярким событием в сфере искусства советской эпохи. По инициативе аукциониста Саймона де Пюри более 100 лотов авангардных и «неофициальных» современных произведений были предложены международным коллекционерам, прилетевшим специально для этого события. К ним присматривались недоверчивые местные художники и интеллигенция – им по законодательству того времени не разрешалось участвовать в торгах.

Официальное название аукциона было: «Русский авангард и современное советское искусство». Он должен был стать одним из самых блестящих аукционов в истории. Поэтому на нем должны были присутствовать все важные покупатели. В связи с этим «Сотбис» организовал очень дорогостоящий тур, который включал в себя дипломатические приемы и частные просмотры живописи в мастерских художников Москвы. Более того, состоялся даже показ русских икон, которые раньше никогда не выставляли на обозрение иностранцев.

После аукциона лорд Говри председательствовал на ужине в гостинице «Международная». В ней находился «Совинцентр», построенный по инициативе Арманда

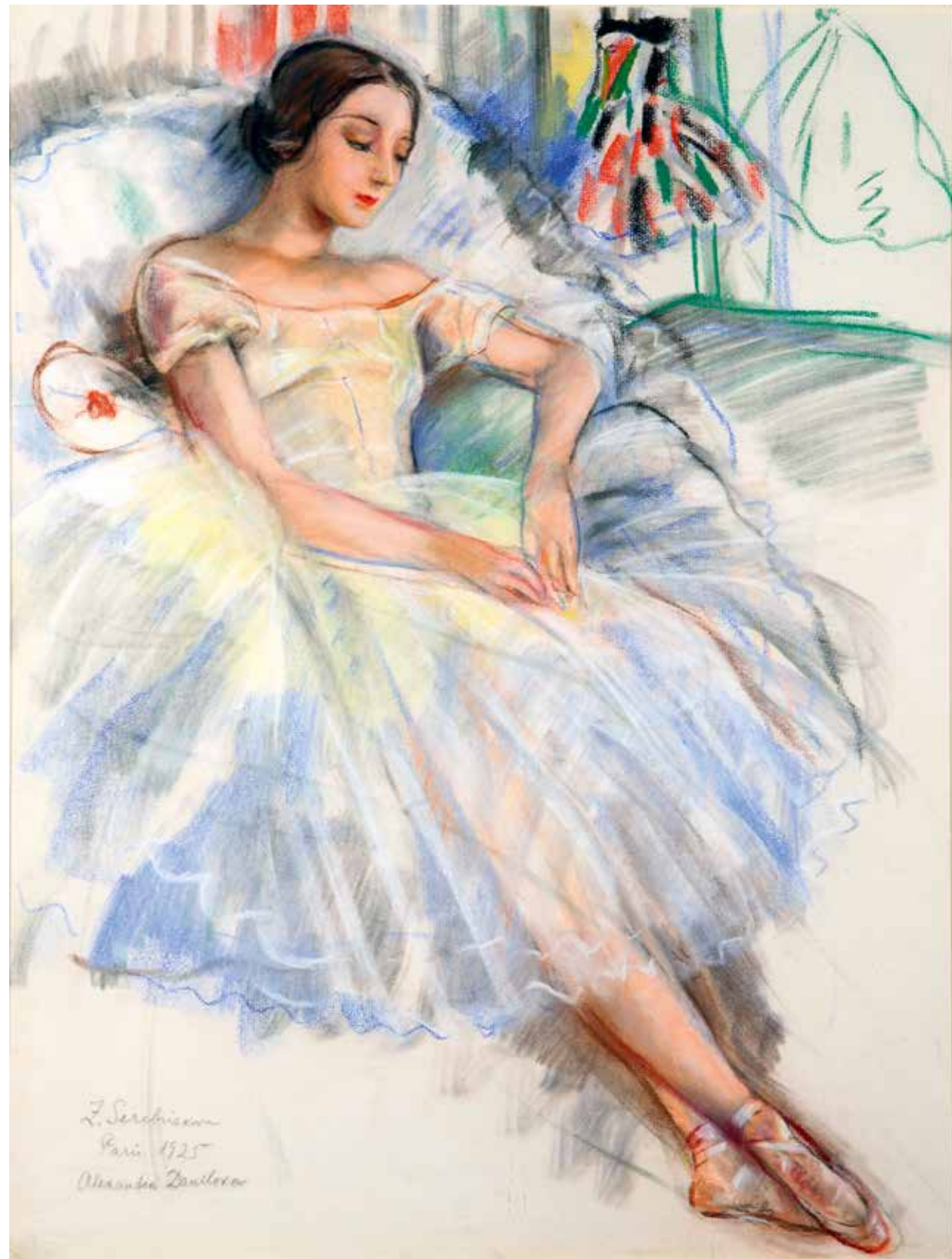
Хаммера. Ужин на 18 человек был устроен за одним столом в отдельном кабинете гостиничного ресторана. В кабинете располагались также два столика на двоих для гостей, не причастных к «Сотбис». По случайности за столик, расположенный за спиной лорда Говри, официант усадил Тедди Доу, директора De Beers, и меня. Мы в то время находились в командировке в Москве по алмазным делам. Во время ужина лорд Говри обернулся и попросил меня одолжить ему \$100, потому что официант не хотел выставить икру на стол без взятки. Я передал лорду купюру. Это не удивило м-ра Доу, так как немного ранее ему пришлось дать \$50, чтобы получить столик. Так состоялось знакомство.

А позже, на рейсе British Airways в Лондон, я очутился в бизнес-классе рядом с лордом Говри. Мы разговорились. И он предложил мне место его советника, заманив тем, что я смогу участвовать в предстоящей эмиссии акций «Сотбис» на бирже в Лондоне по номинальной стоимости, назначенной для служащих в управлении аукциона. Так я попал в «Сотбис».

А как вы стали советником «Кристис»?

Дани Девисон, глава банка United States Trust Company New-York, будучи в командировке в Лондоне в 1985 году, пригласил на ужин лидеров бизнеса в Лондоне. Я очутился среди них, так как дружил с его супругой, графиней Катей Шереметевой и ее семьей. За сигарами после ужина зашел разговор на финансовые темы. Я высказывал свое мнение, отвечал на вопросы.

Перед уходом один из присутствующих дал мне свою визитку, сказав: «Когда вам будет удобно, навестите меня в офисе». На визитке значились адрес и телефон «Кристис». Без указания должности.

Зинаида Серебрякова. Портрет Александры Даниловой в роли одной из подруг невесты в балете «Спящая красавица». 1925

На встрече я узнал, что он самый крупный акционер «Кристис». Он предложил мне место советника управляющего аукционным домом Джоя Флойда, а вскорости и советника Чарльза Олсопа. Задаaniem было – помочь «Кристис» развить русский отдел и наладить связи с СССР.

Как все устроено на аукционах, каковы правила, обычаи?

«Сотбис» вместе с «Кристис» доминируют в Соединенном Королевстве. Их доля – 70% всего рынка, состоящего из множества городских и региональных аукционов по всей стране.

Чиновник, ознакомившись с предметом, принесенным на продажу, звонит специалисту по теме. Специалист, решив, что предлагаемое приемлемо, договаривается о цене, по которой владелец готов расстаться со своим предметом. Эта минимальная цена называется *резерв*.

До 1960-х годов 80% покупателей были антиквары. С ростом количества коллекционеров и благосостояния покупателей их число стало постоянно расти. Ныне процентное отношение обратное: 90% покупателей – коллекционеры. Притом что галерейщики часто покупают предметы за счет коллекционеров, которые хотят остаться анонимными.

Завязываются ли в этой среде дружеские связи, или возможны лишь деловые отношения?

Мне повезло. В отделе искусства XX века работал мой соученик по Оксфорду – Мишель Штраус, пасынок сэра Исайи Максимовича Берлина. В Париже я дружил с его матерью Айлин Гинсбург из семьи одесских банкиров. А с сэром Исайей познакомился в Оксфорде. Оба, Айлин и Исайа, мне много

помогли во время четырех лет учебы в Оксфорде.

«Сотбис» значимым клиентам давал в долг 40% от оценки переданного на продажу товара, тем, кому были очень нужны наличные. Мишель наладил мне выдачу «налички» под залог работ Бакста, Бенуа и Гончаровой, которые я покупал у их семей в Париже. Прибыль с продаж мне помогала расплатиться за купленное и пустить дополнительные деньги на дальнейшие приобретения.

Случались ли недоразумения на аукционах?

Да, бывали даже продажи «фальшака». Например, коллекционер Валерий Дудаков написал работу «под Попову», которая затем была продана на «Сотбис». Дудаков предупреждал «Сотбис», что это он написал. И несмотря на это, «Сотбис» все же продал картину.

С кем из видных сотрудников «Сотбис» и «Кристис» вам довелось познакомиться? Кто особенно повлиял на вашу деятельность?

Мне приходилось еженедельно встречаться с лордом Карингтоном. После того как ему пришлось уйти с поста министра иностранных дел в правительстве Тэтчер, он возглавил «Кристис». Дллись встречи 15 минут. 10 минут – на изложение темы, 3–4 минуты – его вопросы и мои объяснения, за которыми должен был следовать его конкретный ответ. На редкость конструктивное использование времени в руководстве!

Русский отдел в «Сотбис» возглавлял лорд Полтимор. Его приветливая и обаятельная натура располагала покупателя, когда он вел аукцион. На дорогих лотах он не спешил, давая возможность покупателям посоветоваться

и увеличить ту сумму, которую до этого считали пределом расхода за данную работу.

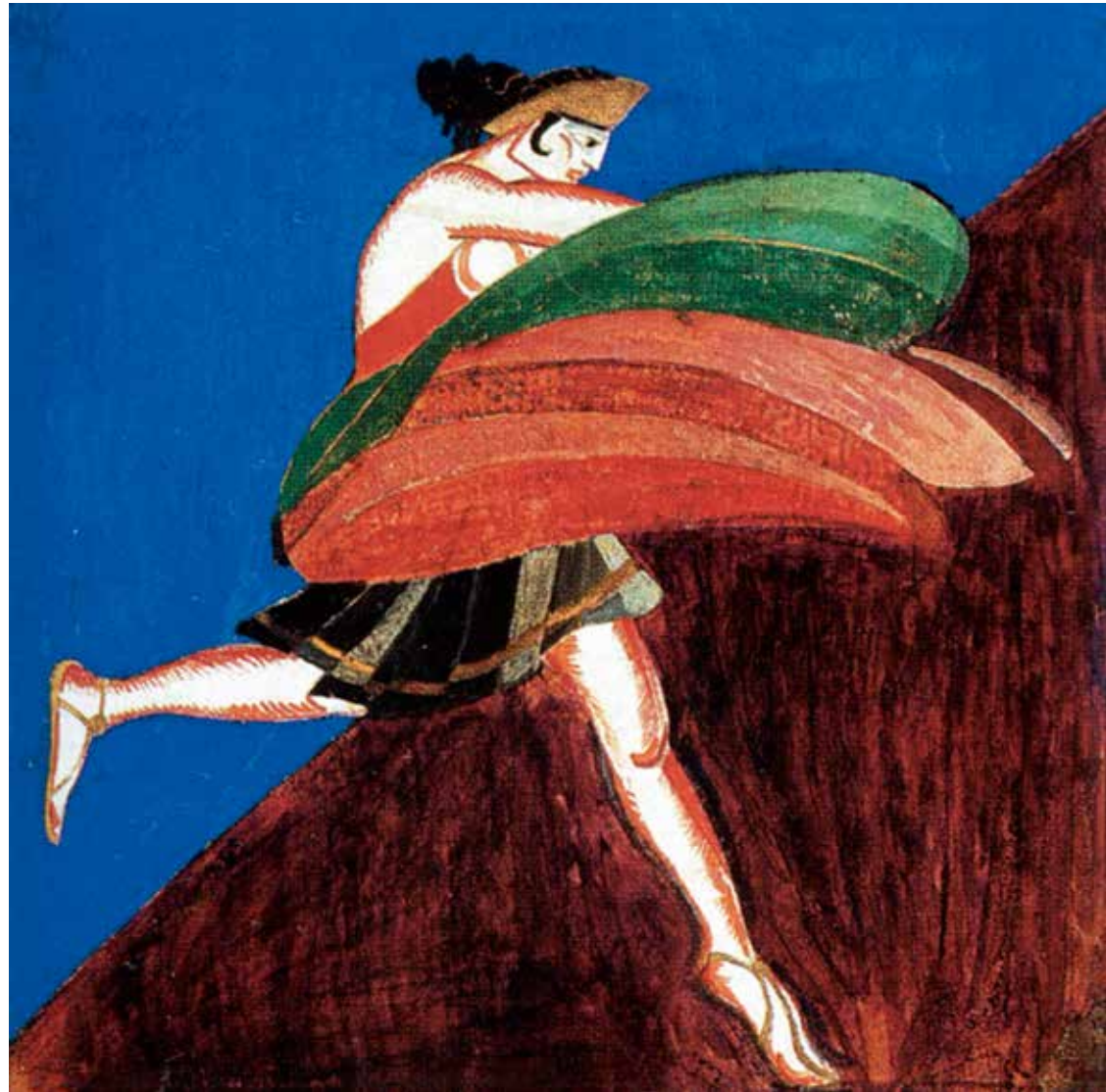
Как-то раз у нас дома за ужином среди гостей были Геннадий Рождественский, приехавший в Лондон дирижировать на концерте в филармонии, и Алексис де Тизангаузен, тогда еще младший сотрудник аукционного дома, а позже – глава русского отдела «Кристис». Он рассказывал о предстоящем аукционе русской живописи. Геннадий и его супруга Виктория были серьезными коллекционерами русской театральной живописи. Геннадию захотелось посмотреть на часть продаваемых работ. Выяснилось, что у него расписано все время – вплоть до аукциона. Алексис предложил ему поехать в «Кристис» после ужина, в 23:00. Прибыли они в 23:30. Рождественскому удалось увидеть то, что он хотел.

Меня впечатлила предприимчивость молодого Алексиса – беспрецедентно вкалывать в столь поздний час! Да, очень значимых клиентов допускали в воскресенье или вечером, после закрытия. Но ночью – редко.

Какую роль играют аукционы в продвижении художников?

Ведущие аукционные дома играют важную роль в продвижении творчества художника на мировом рынке. Они создают рейтинг и вообще объявляют миру, что есть такой художник. Коллекционеры принимают его или отвергают. Но, по крайней мере, о нем становится известно.

Каталоги аукционов «Кристис» и «Сотбис» были напечатаны роскошно, наподобие альбомов живописи. Их посылали коллекционерам по всем континентам и значимым музеям. Увы, сегодня «Кристис» и «Сотбис» перестали печатать каталоги. Ныне все данные

Александра Экстер. «Танцовщица»

о продаваемой живописи находятся в Интернете – на соответствующих сайтах торгов. Замечу, что я передал Дому русского зарубежья в Москве полный подбор всех каталогов, посвященных аукционам русской живописи с 1967 по 1995 год.

Я способствовал представлению многих забытых русских живописцев на аукционах и создавал рыночную стоимость их творений.

Трудно поверить сейчас, но работы Александры Экстер не принимались на аукцион, ибо не имели ни спроса, ни рыночной цены. В 1967 году я предложил серию

из двенадцати шелкографий Экстер Музею искусств в Филадельфии (США). Мне ответили любезно, что не могут принять мое предложение, ибо им неизвестна эта художница. Помогло знакомство с Мишелем Штраусом: я уговорил его выставить работы Экстер на «Сотбис». Начали с тех, которые я покупал у ее душеприказчика Симона Лиссима. Со стоимости от £20 до £50. Сегодня ее произведения высоко ценятся на аукционах и продаются за цену более одного миллиона фунтов стерлингов.

продавать ее работы, надеясь переправить их в СССР. Ее чудные картины лежали вдоль стен в мастерской на Rue Campragne-Première в Париже. С большим трудом мне удалось убедить Катю и Шуру Серебряковых помочь узнаваемости произведений их матери, хотя бы в память ее таланта. Предложил продавать по пять картин в год из сотен, у них лежавших и не востребованных. Начали мы с двух картин на марокканские сюжеты. По £100 каждая.

Как вы знаете, 40 лет спустя ее живопись продавалась по цене

Николай Александрович Бенуа 30 лет служил сценографом в Teatro alla Scala. Несмотря на это, у него не было известности вне Италии и не было рыночной цены для его работ. Он согласился мне давать по две-три работы, которые я у него покупал во время моих командировок в Милан. За три года продаж он утвердился на рынке.

Зинаиду Серебрякову мало кто знал вне Парижа в 1960-х годах. Спроса на ее картины не было. Да еще ни дочь, ни сын не стремились

Николай Бенуа. Этюд к портрету собирателя Н.Д. Лобанова-Ростовского. 1980

более одного миллиона фунтов стерлингов.

Расскажите, пожалуйста, что именно вы делали как советник?

Например, в 1989 году «Кристис» решил провести аукцион современной русской живописи в Москве. Вне СССР данные о художниках и их творчестве были минимальны. С сотрудником «Кристис» мы побывали у 50-ти художников Москвы и Ленинграда. Некоторых я знал и бывал у них ранее. С иными приходилось встречаться с помощью

знакомых. Мы отбирали у каждого по три-четыре картины и слайды работ. Известные художники, такие как Оскар Рабин, сопротивлялись расставанию с наиболее яркими работами под разными предлогами – например, предпочитали выставить картину на «Сотбис». Вернувшись в Лондон, я создал досье с биографиями художников и слайдами картин для каталога.

Аукцион не состоялся, ибо Министерство культуры СССР не выдало на него разрешение. Многие переговоры с сотрудниками Министерства культуры вели в тупик, так как

отдел культуры при Секретариате ЦК принципиально отвергал внедрение иностранных аукционных домов в СССР.

Я никогда не служил рядовым сотрудником аукционных домов. Не ходил на работу ежедневно. Я был советником руководства и занимался стратегией, не торгами. Это было параллельно моей службе в De Beers, где я был финансовым консультантом. И это происходило после того, как я ушел из банка на пенсию в 65 лет. Я продолжал заниматься алмазами и картинами еще 10 лет – до своих 75 лет.

«КАКАЯ ЖЕ ЭТО ОПЕРА?..»

Петр Чайковский о творчестве Рихарда Вагнера

СЕРГЕЙ МАКИН

Действие I: Сумбур вместо музыки

В 1876 году 36-летний Петр Чайковский отправился в баварский город Байрейт на премьеру тетралогии «Кольцо нибелунга» в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости». Композитор написал и отправил в редакцию статьи, составившие цикл «Байрейтское музыкальное торжество».

Петр Ильич подробно изложил историю создания тетралогии, содержание составляющих ее опер, высказал мнение об увиденном и услышанном: «Вынес я смутное воспоминание о многих поразительных красотах, особенно симфонических, что очень странно, так как менее всего Вагнер помышлял писать оперу на симфонический лад; вынес благоговейное удивление к громадному таланту автора и к его небывало богатой технике; вынес сомнение в верности вагнеровского взгляда на оперу; вынес большое утомление, но вместе с тем вынес и желание продолжать изучение этой сложнейшей из всех когда-либо написанных музык».

Письмо Чайковского к младшему брату Модесту от 2 (14) августа 1876 года не предназначалось для публикации в прессе, поэтому композитор высказался откровенно и критично: «Вчера состоялось представление “Рейнгольда” (оперы “Золото Рейна”, первой части тетралогии. – С. М.). Как сценическое представление, эта штука меня заинтересовала и пленила изумительной постановкой; как музыка – это сумбур невероятный, через который по временам мелькают

подробности необычайно красивые и поразительные».

В статье для «Русских ведомостей» Петр Ильич высказался более дипломатично. Тем не менее и здесь сквозит идея сумбурности музыки «Кольца нибелунга»: «По моему мнению, Вагнер – симфонист по натуре. Этот человек наделен гениальным талантом, но его губит его тенденция, его вдохновение парализуется теорией, которую он изобрел и которую во что бы то ни стало хочет приложить к практике. Гонимая за реальностью, правдивостью и рациональностью в опере, он совершенно упустил из виду музыку, которая по большей части блистает полным отсутствием в его последних четырех операх. Ибо я не могу назвать музыкой такие калейдоскопические, пестрые музыкальные кусочки, которые непрерывно следуют друг за другом, никогда не приводя ни к чему и не давая вам ни разу отдохнуть на какой-нибудь удобовоспринимаемой музыкальной форме».

Выражение «сумбур вместо музыки» употребила в 1936 году газета «Правда» в разгромном отзыве на оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Но оказывается, аналогичную характеристику вагнеровскому «Кольцу нибелунга» дал Чайковский!

Петр Ильич тоже был по натуре симфонистом. Однако начинал он свой творческий путь с сочинения романсов. Поэтому вокальное начало в творениях Чайковского если и не занимало первое место, то успешно делило его с оркестровым началом. Итогом стали произведения, которые

в наше время называют хитами: романсы «То было раннею весной»; «Средь шумного бала»; «День ли царит, тишина ли ночная»; «Растворил я окно»; «Снова, как прежде, один»; арии «Что день грядущий мне готовит?»; «Любви все возрасты покорны»; «Уж полночь близится, а Германа всё нет»; «Что наша жизнь? Игра!»; «Кто может сравниться с Матильдой моей?». И это далеко не полный список.

Чайковский точно подметил, что Вагнер, наоборот, подчинил певческое начало оркестровому вплоть до полного унижения вокала: «Так как опера (по Вагнеру. – С. М.) есть не что иное, как драма, сопровождаемая музыкой, так как действующие в драме должны говорить, а не петь, то Вагнер безвозвратно изгоняет из оперы всякие округленные музыкальные формы, т. е. изгоняет арию, ансамбли и даже хоры, которые у него эпизодически и очень умеренно употреблены только в последней части тетралогии... Так как в общежитии люди, в минуты нравственных аффектов, не распевают песенки, то не может быть арии; так как два человека не говорят друг с другом разом, а выслушивают один другого, то не может быть дуэта; так как толпа также не выговаривает одних и тех же слов разом, то не может быть хора, и т. д. Вагнер, быть может, слишком забывая, что правда жизненная и правда художественная суть две правды совершенно различные, гонится, одним словом, за рациональностью. Чтобы примирить эти требования правды с требованиями музыкальными, Вагнер принял исключительно форму речитатива. Вся его музыка, и музыка глубоко задуманная, всегда интересная, подчас превосходная и увлекательная, подчас суховатая и неудобопонимаемая, с технической стороны изумительно богатая и снабженная небывало красивой инструментальной, поручена

Петр Ильич Чайковский в 1880 году

Вильгельм Рихард Вагнер. Фотопортрет работы Франца Ганфштенгля. 1870

оркестру. Действующие лица поют по большей части только совершенно бесцветные мелодические последования, прилаженные к симфонии, исполняемой невидимым оркестром. Отступлений от этой системы в “Нибелунговом перстне” почти не имеются, а если имеются, то на это есть достаточно основательные причины: так, например, Зигфрид в первом акте в третьей части поет две песни; благодаря тому обстоятельству, что и в действительной жизни, куя меч, кузнец

может петь песню, публика получила едва ли не единственные, два вполне закругленные, превосходные нумера».

Действие II: Гордость и предубеждение

В наше время, когда фальшивые новости, именуемые ныне фейками, надуваются, летают и лопаются как мыльные пузыри, можно прочесть, что идею написать балет

о лебедях Чайковскому подсказал Вагнер. С чего бы это? Ни одного балета Вагнер не написал, два великих композитора не переписывались. Но, может, встречались в том же Байрейте?

В уже упоминавшемся письме Петра Ильича к брату композитор писал: «Познакомился с целою массою лиц; был у Листа, который принял меня необычайно любезно; был у Вагнера, который теперь никого не принимает, и т.д.»

О том, насколько любезен был Ференц, или, как называют его на немецкий манер, Франц Лист, можно судить по раздраженному письму Чайковского к Надежде фон Мекк из Вены от 27 ноября / 9 декабря 1877 года: «Я бы очень помог распространению своих сочинений за границей, если б делал визиты тузам и говорил им комплименты. Но, боже мой, до чего я это ненавижу! Если б знали, с каким оскорбительно покровительственным тоном они относятся к русскому музыканту! Так и читаешь в их глазах: “Хоть ты и русский, но я так добр и снисходителен, что устаиваю тебя своим вниманием”. Господь с ними! В прошлом году мне пришлось быть, поневоле, у Листа. Он был учтив до тошноты, но с уст его не сходила улыбка, которая с величайшей ясностью говорила мне вышеподчеркнутую фразу. В настоящую минуту сам собою разумеется, что меньше, чем когда-либо, я расположен ездить к этим господам на поклоны!»

Петр Ильич действительно встречался с Листом. Однако напрасно мы будем искать у Чайковского описание встречи с Вагнером. Даже в задушевной переписке с Надеждой фон Мекк, которую композитор называл своим лучшим другом, о встрече с маститым немецким коллегой нет ни слова. Петр Ильич был человеком с большими комплексами, особенно в молодости. Если бы встреча с Вагнером состоялась,

Чайковский не преминул бы рассказать о ней во всех подробностях. Еще бы – его, не очень-то популярного за границей, принял гений германской музыки! Но Вагнеру в то время было не до встреч, тем более с малоизвестным сочинителем из России. Дни напролет он проводил в театре, готовя постановку своей колоссальной тетралогии.

Что же значит «был у Вагнера»? То, что Чайковский побывал на вилле Ванфрид в Байрейте, в доме германского композитора, поскольку подробно его описал: «Он стоит среди разрастающегося сада, имеет квадратную форму и украшен по фасаду следующей надписью: *Hier, wo mein Wähhnen Frieden fand – Wahnfried – sei dieses Haus von mir benannt*. [“Здесь, где мечты мои нашли покой, – ‘Покой мечты’ я назову тебя, мой дом”».]

Над этой надписью красуется фреска, исполненная художником Крауссе из Дрездена. Она изображает Вотана в виде странника (как в “Зигфриде”) с его двумя воронами, как бы рассказывающего свою таинственную историю двум соседним фигурам. Одна из них греческая трагедия, другая – музыка, а под этой последней изображен стремящийся к ней юноша Зигфрид, воплощающий в себе искусство будущего.

Дом выстроен по указаниям самого Рихарда Вагнера архитектором Вельфлем. В подвальном этаже находятся помещение для прислуги, кухня и печи. Выше помещаются приемные покои, столовая и высокая зала, освещаемая сверху. В верхнем этаже находятся жилые покои. Кабинет Вагнера устроен, как, впрочем, и весь остальной дом, с необычайной роскошью. Перед домом поставлена статуя короля Людвига Баварского».

В этих апартаментах, построенных на деньги Людвига II, короля Баварии, проживал во время своих визитов в Байрейт и Лист, который

приходился Вагнеру тестем. Там венгерский композитор и принимал Чайковского.

Вагнер не мог предложить Чайковскому взяться за сочинение «Лебединого озера» еще и потому, что Петр Ильич приехал в Баварию в августе 1876 года, а к тому времени музыка балета была уже готова. На последней странице чистовой рукописи партитуры композитор с облегчением написал: «Конец!!! Глебово. 10 апреля 1876». Более того, летом полным ходом шли репетиции в Большом театре.

Зато имя главного героя балета с большой долей вероятности было позаимствовано из сочинения Вагнера. Хотя его «Зигфрида» публика впервые услышала 16 августа 1876 года, уже после написания «Озера», опера была готова еще в 1871-м. Годом раньше прозвучала симфоническая поэма «Идиллия Зигфрида». Может, не случайно имя одной из главных героинь «Лебединого озера» – Одиаллия – перекликается с названием музыкальной поэмы Вагнера.

Образ лебедя как символ чистоты оказался близок обоим гениям. Антураж в «Лебедином озере» вполне вагнеровский. Принц Зигфрид – рыцарь Лебедя, как и Лоэнгрин. Пожалуй, эта птица – общий знаменатель для Германии, России и Франции. Символично, что матерью русского балетмейстера Михаила Фокина, сочинившего для Анны Павловой хореографическую миниатюру «Умиравший лебедь» на музыку француза Камиля Сен-Санса, была немка из Мангейма, урожденная Екатерина Кинд.

Действие III: Вагнериада

Чайковский так охарактеризовал музыкальный метод создателя «Кольца нибелунга»: «Каждое действующее лицо снабжено

особым, ему одному принадлежащим коротеньким мотивом, который появляется каждый раз, как оно показывается на сцене или когда говорят о нем. Беспреданное возвращение этих мотивов заставляет Вагнера, во избежание монотонности, каждый раз представлять его в новом виде, причем он обнаруживает поразительное богатство гармонической и полифонной техники. Богатство это слишком обильно; беспрестанно напрягая ваше внимание, оно, наконец, утомляет его, и в конце оперы, особенно в “Тибели богов”, усталость эта доходит до того, что музыка перестает быть для вас гармоническим сочетанием звуков, – она делается каким-то утомляющим гулом. Того ли должно добиваться искусство? Если я, по профессии музыкант, чувствовал близкое к совершенному изнеможению ощущение духовной и физической усталости, то каково должно быть утомление слушателя-дилетанта?»

Шедевры Вагнера – прежде всего увертюры к операм: «Запрет любви», «Летучий голландец», «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Нюрнбергские мастерзингеры». Однако вокальных шедевров у Вагнера практически нет. Исключение – «Свадебный хор» из «Лоэнгрин» и «Хор пилигримов» из «Тангейзера». В романсе Вольфрама из «Тангейзера» прекрасна заключительная оркестровая часть, но не основная певческая. Аналогично в «Смерти Изольды» из «Тристана и Изольды»: изумительный оркестр и невыразительный вокал. В чем дело? Ответ дает сам Петр Ильич в письме к Надежде Филаретовне от 8 сентября 1884 года из Плещеева, оценивая оперу Вагнера «Парсифаль»: «Мне всегда казалось, что вагнеристы из неспециалистов напускают на себя восторг, которого в глубине души не ощущают. Вагнер, по моему мнению, убил в себе огромную

Артур Рэкем. «Полет валькирий». Иллюстрация к опере Рихарда Вагнера «Валькирия». 1910

творческую силу теорией. Всякая предвзятая теория охлаждает непосредственное творческое чувство. Мог ли Вагнер отдаваться этому чувству, когда он разумом постиг какую-то особую теорию музыкальной драмы и музыкальной правды

и ради этой якобы правды добровольно отрекся от всего того, что составляло силу и красоту музыки его предшественников? Если в опере певцы не поют, а говорят под оглушительный гром оркестра кое-как прилаженные, бесцветные

последования нот на фоне великолепной, но бесвязной и бесформенной симфонии, то какая же это опера?»

Спору нет, Рихард Вагнер – великий симфонист. Музыка знаменитого «Полета валькирий», единственного шедевра на всю пятнадцатичасовую тетралогия, производит сильное впечатление. Однако «Франческа да Римини» Чайковского не хуже. Эту симфоническую фантазию Петр Ильич начал сочинять в 1876 году, будучи в Байрейте и находясь под впечатлением от премьеры оперы Вагнера «Валькирия», входящей в тетралогия. Сюжетом музыкальной фантазии Чайковского послужила пятая песнь из «Ада» в «Божественной комедии» Данте. Франческа да Римини и ее возлюбленный Паоло Малатеста обречены после своей трагической гибели вечно кружиться в адском вихре за то, что их любовь не была супружеской.

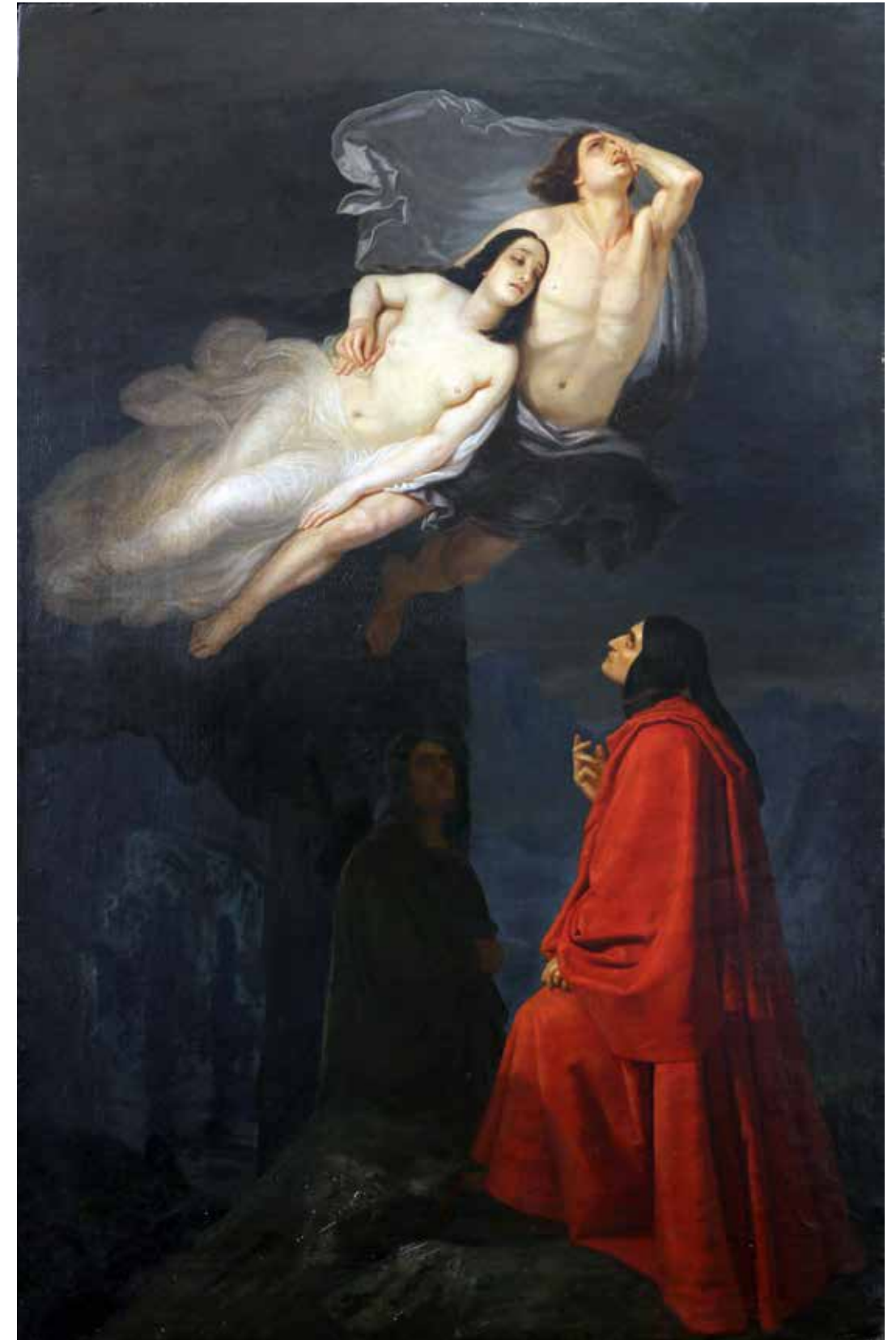
Конечно, нам понятен «сумрачный германский гений». Вот и Мариинский театр представил обновленную версию «Кольца нибелунга» в Санкт-Петербурге и Москве. В тетралогии Вагнер воспел германский дух, он сотворил немецкую музыкальную «Илиаду». Поэтому Мариинская вагнерилиада выглядит

несколько странно в год 80-летия победы в Великой Отечественной войне: известно, что Гитлер обожал оперы Вагнера на темы германской мифологии. Хотя в число музыкальных фаворитов фюрера входил и Бетховен. Значит ли это,

что Вагнер и Бетховен – плохие композиторы? Конечно, нет.

Апофеоз

Прекрасно сказала Надежда фон Мекк, урожденная Фраловская, в письме Чайковскому из Москвы от 18 марта 1877 года: «Господи! как велик тот человек, который доставляет другому такие минуты, и как бы я хотела забраться к Вам в душу в то время, когда Вы сами слушаете, например, Вашу «Франческу» или другое что. А что за восторг эта «Франческа»! Может ли кто-нибудь лучше изображать и ужас ада, и прелесть любви, и все, что выше обыкновенного уровня чувств! Куда же Вагнеру со своим реализмом равняться с Вами: он профанатор искусства, к несчастью, талантливый; да бог с ним... Хорошо, что мы не немцы, а то бы обязательно было восхищаться; теперь же можно сказать смело: слава богу, что у нас нет Вагнера, а есть Петр Ильич».

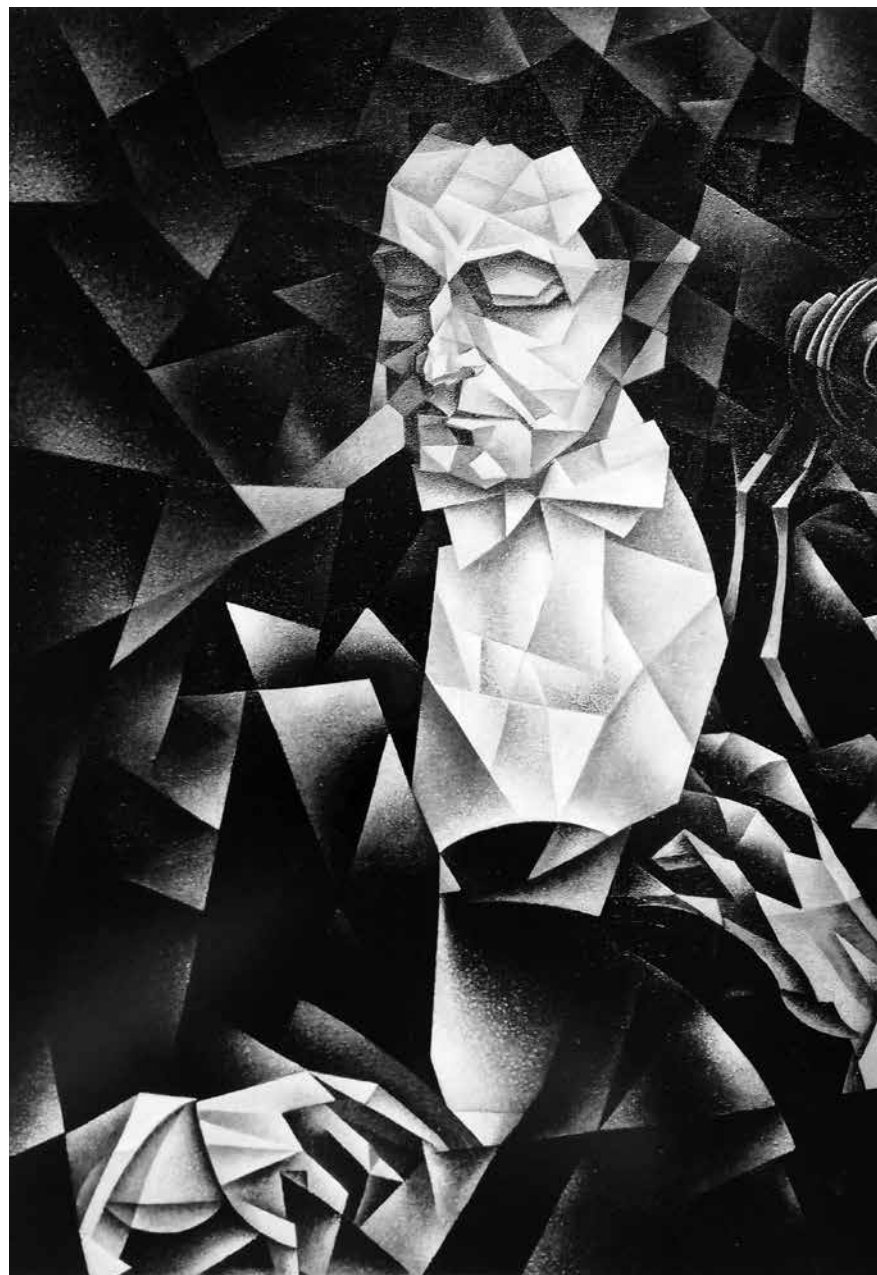

Джузеппе Фрашерери. «Паоло и Франческа в адском вихре». До 1884

«И СЕЙЧАС ЖЕ В ОТВЕТ ЧТО-ТО ГРЯНУЛИ СТРУНЫ...»

К 100-летию со дня рождения Валентина Александровича Берлинского,
выдающегося русского музыканта-виолончелиста, основателя квартета Бородина

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

Портрет виолончелиста Валентина Берлинского. 1974

Я вспоминаю поездку на Клязьму... В доме одного художника, некогда мечтавшего стать музыкантом, висел портрет Валентина Берлинского. Художник был глухой... В детстве он подавал большие надежды (рассказывают, что в младенчестве он спал в корзине на рояле), обладал абсолютным слухом. Быть бы ему музыкантом, но... Судьба. Мальчишка заболел и оглох. Трагедия. Бедные родители...

Его отец Анатолий Ведерников был известным пианистом, музыкантом, лучшим другом Святослава Рихтера. Любитель пеших походов и пикников, Рихтер был всегда-таем ведерниковского дома.

Бог взял, Бог дал... Юлий Ведерников обрел себя в живописи. И вот неудавшийся музыкант пишет портрет Берлинского, всех участников квартета Бородина по отдельности и квартет в полном составе. Портрет Валентина Александровича выполнен в аскетичных, черно-белых тонах, в стиле кубизма. Никогда более не рисовал Ведерников в этом стиле.

«Память – вещь прихотливая, она не всегда подчинена внешней логике, поэтому мои воспоминания могут показаться не совсем последовательными», – говорил Валентин Александрович Берлинский.

Я выписал некоторые поразившие меня места из книг «Музыка – моя жизнь» Валентина Берлинского и «Солнце в карманах» Людмилы Берлинской, дочери Валентина Александровича.

Квартет имени Бородина. 1975

«... Наши совместные репетиции, особое волнение и ответственность за дочь, радость разделенных успехов. Думаю, что именно эти совместно прожитые часы жизни и породили ни с чем не сравнимую мою близость с дочерью, наше тонкое взаимопонимание», – пишет Валентин Александрович.

«Папа окружает меня любовью, я погружаюсь в привычный мир, я в безопасности. И в этом опасность: я перестаю двигаться вперед, живу как “дочка Берлинского”, любой каприз... Но как же хорошо с ним на сцене!» – признается Людмила Берлинская.

Судьбы их неразрывны. Иначе нельзя. Семья Берлинских – отец

и дочь – выдающиеся музыканты современности.

«Я помню нашу семейную историю в двух поколениях – родителей и дедов с бабушками, – напишет в мемуарах Валентин Берлинский. – Обе семьи – Поповы-Кокоулины и Берлинские, насколько мне известно, иркутяне. В обеих семьях было по двенадцать детей! Так получилось, что я жил в семье Поповых-Кокоулиных. Кстати, Кокоулина – фамилия одной из прабабушек Шостаковича, жившей в Иркутске, и не исключено, что я родственник великого композитора».

А у девочки всегда было солнышко в карманах. «Я проснулась.

Первыми явились запахи. Протопленной ночью печки, свежесваренного кофе и запах лета. За толстой войлочной дверью слышны тихие голоса... Можно притвориться и не вставать, день будет долгий», – пишет Людмила Берлинская.

Когда я работал над книгой о художнике Звереве, Людмила вспомнила: «Я как-то проснулась у себя в комнате в родительской квартире на первом этаже по Каляевской очень рано оттого, что в открытую форточку влетали апельсины. Зимой! Я к окну, а там Зверев – о-о-очень довольный. И сказал: “Детугля, не мешай, дай добросать”. Я ему открыла дверь, и он ринулся посмотреть, что получилось».

Людмила и Валентин Берлинские

Людмила рассказала, как спустя много лет прочла историю с цветами, которые Ахматова, не застав Модильяни в его парижском доме, бросала в открытое окно. Он потом спросил, как она могла попасть в запертую комнату без ключа. И когда она объяснила, Модильяни не мог поверить: «Не может быть, цветы так красиво лежали».

Но вернемся в Берлинскому. Ему посчастливилось знать великих, хотя он сам быстро стал подлинно великим музыкантом, просто не выпячивал своего величия, а воспевать Берлинского другие не торопились. Он знал великих и написал о них мемуары.

О Дмитрие Шостаковиче: «Как-то утром я вышел в Гайд-парк прогуляться. В конце аллеи увидел знакомую фигуру Шостаковича и постарался уйти в другую сторону – не хотел встречаться, чтобы не отвлекать его... Но получилось так, что мы буквально столкнулись с ним в другой аллее.

– Доброе утро, – сказал я.
– Доброе утро. Вы гуляете? Давайте посидим

на скамеечке, – предложил Дмитрий Дмитриевич.

Мы начали беседовать, и я рассказал ему о невероятном тумане в Венеции, где недавно проходили наши гастролы. Как мы пробирались из концертного зала по улице, буквально держа друг друга за руки. Нас после выступления пригласил в гости известный итальянский композитор Луиджи Ноно, который был на концерте и хотел написать в будущем что-нибудь для квартета Бородина. Мне было важно узнать мнение Шостаковича о современном авангарде, и я спросил его об этом. Он ответил неожиданно: «Вы знаете, сколько квартетов у Гайдна? – 83. А у Моцарта? – 32. А у Шуберта – 16. Вы уже все сыграли? А 17 квартетов Бетховена? Знаете, Валентин Александрович, вы это все сыграйте и потом уже играйте квартет Ноно».

О Святославе Рихтере: «У квартета имени Бородина со Святославом Теофиловичем Рихтером было 76 совместных выступлений в различных городах России и за рубежом, на его фестивалях в Туре

во Франции и в Москве на “Декабрьских вечерах”. Рихтер говорил: “Даже если на концерте у нас не получится, но на репетиции же у нас получилось! Значит – мы можем!” Святослав Теофилович приучил нас к этому, он всегда очень много репетировал.

У Рихтера было невероятно развито образное мышление. Для него важны были тончайшие нюансы не только в звуковой, но и в психологической атмосфере исполняемого сочинения».

О Мстиславе Ростроповиче: «Чего он был совершенно лишен, так это чванливости, барства. Он умел находить общий язык со всеми – будь то дворник или академик. Ему было очень легко общаться с людьми – качество, данное далеко не всем».

Письмо Мстислава Ростроповича Валентину Александровичу: «Дорогой Вале, поздравляю тебя от всей души с 80-летием. Как быстро промчались эти десятилетия после начала нашей студенческой дружбы в Московской консерватории! Я счастлив, что мы пронесли эту дружбу без перерыва до сегодняшних дней. Всегда твой Слава».

О Евгении Светланове: «Помню, в молодые годы после веселого застолья мы с Женей затеяли спор о музыке Бетховена, и он в запальчивости сказал, что Бетховен – это вообще не музыка, это разложенные трезвучия! Женя все делал истово и искренне, я в молодости тоже был горяч: эпизод чуть не закончился для нас рукопашной...»

Спустя годы Светланов заявил со сцены: «Перед вами сейчас будет играть лучший квартет в мире. Это я вам говорю, Светланов»!

«Ребята, не расстраивайтесь, вы не прошли, но играли вы лучше всех», – сказал Давид Ойстрах квартету в 1947 году на отборе к международному конкурсу в Праге, куда Берлинский и компания не попали.

А на вопрос Валентина Александровича, почему он перестал заниматься квартетом, Ойстрах ответил: «Понимаете, Валечка, дорогой, я не мог больше играть в квартете: у меня кончается смычок, мне надо его поменять, а я не имею права, потому что существует жесткая квартетная дисциплина».

Читая записки Валентина Александровича Берлинского, я заставляю свою душу страдать, не теряя чувствительность, стремиться к добру и справедливости.

«Да, есть в России талантливые и великодушные, которые подчинены своему дару созидать, – пишет Берлинский. – Именно они стремятся в различных сферах сохранять авторитеты академические, эстетические, нравственные. Я убежден, сейчас в мире искусства особенно важна позиция творческой личности. Это важно не только в культурных акциях, это важно и в сочинении музыки, и в исполнительстве, и в человеческом общении. Остается надежда, что мир подлинный все-таки сможет устоять благодаря сопротивлению духовному, благодаря добрым традициям и культуре».

Берлинский боялся, что «условием выживания является стандарт, пошлость», горько сознавал, что «дар творчества – ценнейший дар, данный человеку, не востребован». Я боюсь того же в 2025 году, наблюдая за событиями, творящимися в культуре. Успокаивает лишь то, что и Бунин страдал от подобного рода тревог. Может, обойдется?

Рассказывать, как Берлинского отлучили от квартета имени Бородина? Шекспировская хроника. Берлинский написал в дневнике то, что мог записать только великодушный человек: «Москва, май, 2007 год... После мучительных раздумий, путем длительного самоанализа, я пришел к заключению: мое присутствие в дорогом квартете в дальнейшем

Одна из первых публикаций работ А.Зверева в советской прессе.

На фото: Людмила Берлинская

невозможно... Мне трудно с этим смириться, но, увы, правде надо смотреть в глаза...»

Рихтер говорил: «Если бы я не играл, я бы уже...» Искусство задерживает нас на земле.

Я помню, как Людмила как-то сказала: «Все труднее заставлять слушать и слышать классику, думаю, дело в Интернете, скорости. Как ни крути, а духовная жизнь требует созерцания, сосредоточенности... Молчания».

Людмила, как и отец, – выдающийся музыкант, потому что личность. Сейчас все меньше личностей остается, как белых грибов в Подмоскovie...

«Мы все живем в определенном времени, зависим от него, зависим от среды, окружающей нас. Но, я убежден, и это очень важно, мы можем кое-что изменять», – завещал нам Валентин Александрович Берлинский, чье имя дорого русскому искусству.

ПИОНЕР ЦВЕТНОЙ ФОТОГРАФИИ В РОССИИ

Судьба наследия русского фотохудожника С. М. Прокудина-Горского

ОЛЕГ ОЗЕРОВ

Несколько лет назад Почтовая служба России начала продавать открытки, изготовленные с фотографий, сделанных в России до революции. Особенность этих снимков в том, что, хотя оригиналы находятся в свободном доступе, а автор их – русский мастер, они хранятся в Библиотеке Конгресса США.

Имя их создателя – Сергей Михайлович Прокудин-Горский. До 1980 года в России это имя было мало кому известно. Автор этих строк слышал его несколько раз в ранней юности от отца: во время Великой Отечественной войны он, будучи офицером и большим любителем фотографии, часто общался с фронтовыми фотокорреспондентами и узнал от них об этом уникальном фотомастере.

Советские граждане в большинстве своем узнали это имя уже с наступлением «компьютерного века», когда вся коллекция фотографий Прокудина-Горского была выложена в США в Интернете. Она оказалась там после того, как потомки фотохудожника в 1948 году продали его наследие Библиотеке Конгресса США за пять тысяч долларов (примерно столько стоил в то время небольшой «Форд»). Американская часть коллекции Прокудина-Горского, переданная его родственниками в Библиотеку Конгресса США, насчитывает 1902 тройных негатива на стеклянных пластинках и 2448 черно-белых

Сергей Михайлович Прокудин-Горский

и так называемых сепийных изображений в контрольных альбомах. Неамериканская часть состоит, как полагают, всего из трех десятков изображений.

Тот факт, что Библиотека Конгресса США сделала это сокровище достоянием миллионов людей, заслуживает самой высокой оценки, и, конечно, в первую очередь за это благодарны русские люди. Так важно, что и этот пласт русской культуры доступен теперь каждому. Однако в последнее время приходят сообщения, что Библиотека Конгресса США все больше ограничивает доступ российских пользователей Интернета

к наиболее интересным снимкам на ее сайте.

Сергей Михайлович Прокудин-Горский – русский фотохудожник, химик, изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель – родился 18 (30) августа 1863 года в имении Фуникова Гора (Покровский уезд, Владимирская губерния, Российская империя) в дворянской семье. Он был членом Императорского Русского географического общества, Императорского Русского технического общества (ИРТО) и Русского фотографического общества (РФО). Внес значительный вклад в развитие фотографии и кинематографии. Пионер цветной фотографии в России. Ученик Дмитрия Менделеева, создатель фотографической «Коллекции достопримечательностей Российской империи».

Родоначальником семьи Горских был горец, ставший воином в Золотой Орде; отсюда и прозвище – Горский. Неизвестна причина, по которой воевода Петр Горский покинул татарское войско и решил сражаться в Куликовской битве под знаменами Дмитрия Донского. Вместе с ним сражались и его молодые сыновья – они погибли в том сражении. Но род Горских не прервался; воевода женился во второй раз, и у него были дети.

Что касается первой части фамилии, то она произошла от старинного слова «прокуда», то есть

«проказник» (так прозвали одного из внуков Петра Горского).

За умелое командование войсками, а также за преданность и храбрость Дмитрий Донской награждал воеводу землей недалеко от города Киржач, где стояли конные полки. И на протяжении веков мужчины из рода Прокудиных-Горских служили в русской армии воеводами и офицерами. Некоторые из них даже вошли в историю Российского государства: один из них отличился в битве при Аустерлице, другой – в сражениях с французами в Отечественной войне 1812 года, третий – в Крымской войне. Отец Сергея Михайловича служил в Тифлисском гренадерском полку, заслужил именное оружие.

Но его сына служба в армии никак не привлекала. В молодости он долго не мог найти себе занятие по вкусу. Его интересовали многие вещи, привлекали разные профессии. Три года учился в Александровском лицее, полного курса не окончил. Два года, с октября 1886 по ноябрь 1888 года, слушал лекции по естественному разделу на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. С сентября 1888 по май 1890 года был слушателем Императорской военно-медицинской академии, но и на военной медицине тоже не остановился. Изучал живопись в Императорской Академии художеств. Какое-то время работал в доме призрения для девочек из бедных семей. Возможно, поиски профессии продолжались бы еще долго, если бы не два важных события, оказавших большое влияние на всю его дальнейшую жизнь.

Первым таким событием стало то, что в 1878 году по инициативе Дмитрия Менделеева был организован Пятый (фотографический) отдел Императорского Русского технического общества. К этому времени у молодого человека, как и у многих его сверстников

в России, появился огромный интерес к фотографированию, и он начал заниматься этим всерьез. В 1889 году он даже отправился в Шарлоттенбург (район Берлина) для получения специальных знаний в фотохимической школе, в которой велась работа по созданию профессиональной цветной фотографии. Этой работой руководил химик и фотохудожник Адольф Мите.

Вторым событием стало знакомство Прокудина-Горского с Анной Александровной Лавровой (1870–1937). Он был очарован ею и женился на ней в 1890 году.

Теперь его жизнь приобрела и новое направление, и новое измерение. Его тесть был не просто богатым человеком, он возглавлял Товарищество гатчинских колокольных, медеплавильных и сталелитейных заводов Лаврова. И жена, и тесть благожелательно относились к увлечению молодого человека. А тесть был еще и крупным ученым-металловедом, на предприятиях которого работало много выдающихся химиков. Они были всегда готовы помочь ценным советом молодому фотографу, который к тому же стал одним из директоров предприятия своего тестя.

Финансовые, художественные и технические возможности Прокудина-Горского многократно возросли. Он изучил десятки книг, связанных с фотографированием, в том числе изданных за границей. Приобрел самую современную фототехнику и стал разрабатывать собственную технологию создания цветного изображения на фотопластинках. С 1897 года он начал делать доклады о технических результатах своих исследований на собраниях Пятого отдела Императорского Русского технического общества (эту деятельность он, кстати, продолжал до 1918 года!). А в 1898 году стал членом Пятого фотографического отдела Русского технического общества и выступил

с сообщением «О фотографировании падающих звезд».

К этому времени Сергей Прокудин-Горский был уже крупным российским авторитетом в области фотографии, и ему была поручена организация курсов практической фотографии при ИРТО. В 1898 году он опубликовал первые книги из серии работ по техническим аспектам фотографии: «О печатании с негативов» и «О фотографировании ручными фотоаппаратами». В 1900 году ИРТО представило на Всемирной Парижской выставке черно-белые фотографии Прокудина-Горского, а также изображения, тонированные в манере сепии.

2 августа 1901 года в Петербурге открылась «Фотоцинкографическая и фототехническая мастерская» Прокудина-Горского, где в 1906–1909 годах располагалась и его лаборатория, и редакция журнала «Фотограф-любитель», в котором он опубликовал серию статей о принципах воспроизведения цвета.

Техническая сторона цветной фотосъемки была, конечно, крайне важна для Прокудина-Горского как для изобретателя и химика, но еще более важными для него были безукоризненная четкость фотографии и ее композиция. Он был фотохудожником в прямом смысле этого слова. Он признавался, что развитие технологии получения цветных фотографий сделало его очень требовательным к распределению цветовых пятен на снимке и идеальной композиции.

Мы не знаем, когда Прокудин-Горский впервые начал делать фотографии в цвете. Скорее всего, первая серия цветных снимков была сделана в ходе поездки по Великому княжеству Финляндскому в сентябре – октябре 1903 года. За нею последовало много новых серий. По мере того как он фотографировал аулы и горы Дагестана,

Покрово-Никольский храм

прибрежные поселки у Черного моря, удивительные пейзажи Гагры и Нового Афона, Боржом и Тифлис в Грузии, хутора в Малороссии, запорошенные снегом церкви в Курской губернии, его мастерство росло, а число фотографических шедевров увеличивалось с каждым днем.

Затем наступило время масштабных проектов. В 1905 году Прокудин-Горский задумал сделать серию цветных фотографий красивейших мест России, величественных соборов, крупнейших монастырей, древнейших городов, представителей разных народов России и их жилищ. Это собрание должно было послужить основой коллекции живописных почтовых открыток, а осуществить это предполагалось с помощью Петербургского Красного креста. Путешествие оказалось непростым, но за относительно короткий срок фотохудожник отснял более 300 видов Петербурга, Киева, Курска, Севастополя, Крыма, Сочи, Новороссийска. В планах мастера было продолжить съемки в Москве, Одессе, Харькове, Пскове, Риге и в других городах. Но планам этим не суждено было осуществиться: в стране

нарастали революционные выступления, а с ними и хаос. В результате фотохудожник ничего не получил за свою работу, а все сделанные им снимки куда-то пропали.

В 1906 году он стал редактором журнала «Фотограф-любитель» и оставался на этом посту три года. Его статьи по основам техники цветной фотографии были популярны и в России, и за рубежом. В том же 1906 году он получил золотую медаль на Международной выставке в Антверпене и в придачу медаль за «Лучшую работу в области цветной фотографии» от фото клуба в Ницце. А среди членов этого клуба было семь фотохудожников международного класса...

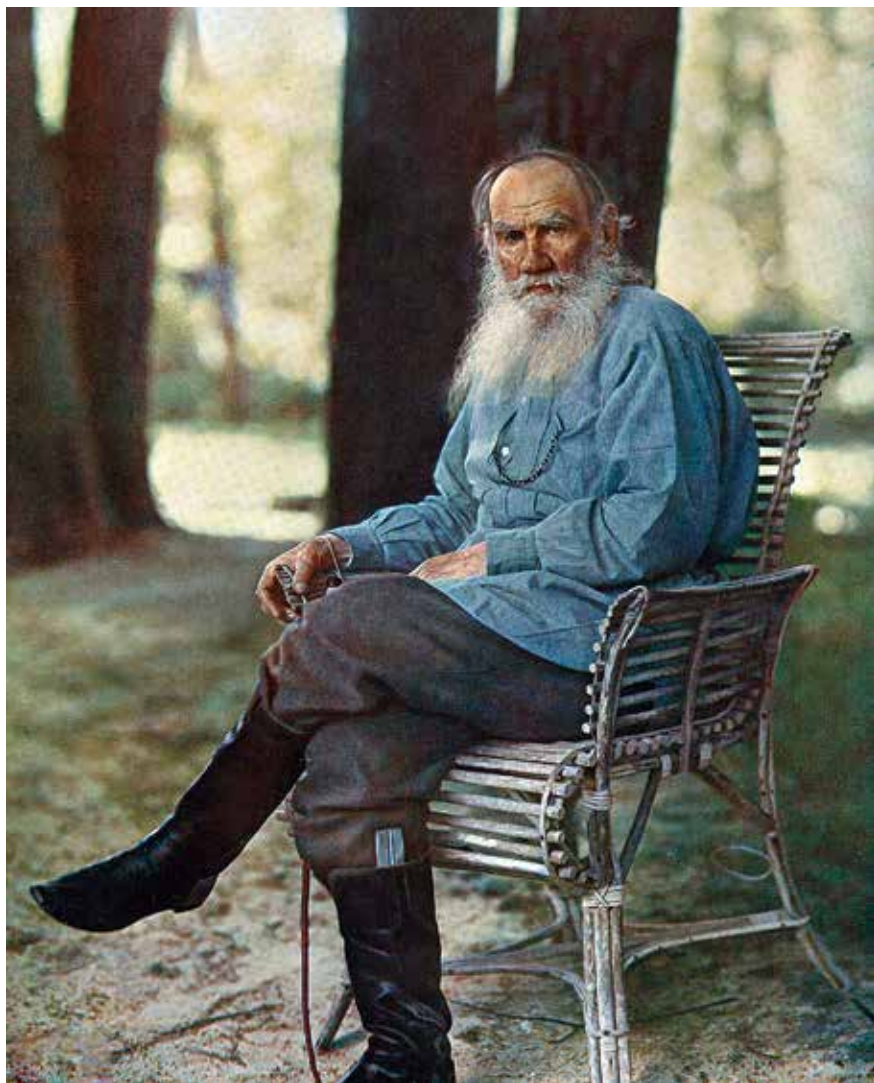
Решив создать серию «экзотических снимков», Прокудин-Горский отправился в Среднюю Азию и сделал множество цветных снимков в Самарканде и Бухаре.

По возвращении он работает над реализацией одного из самых интересных своих проектов, придумав фотоаппарат, который экспонировал одну продолговатую пластинку три раза в быстрой последовательности через три фильтра различного цвета. С помощью проектора его же конструкции, соединяющего три изображения в одно, получалось цветное комбинированное изображение.

Прокудин-Горский загорелся идеей сделать цветное фото Льва Толстого к его 80-летию. В мае 1908 года он отправился в Ясную Поляну, где сделал в общей сложности 17 снимков, включая несколько цветных портретов великого писателя.

Снимал он и других знаменитостей. К примеру, известны сделанные им портреты Федора Шаляпина в сценических костюмах, а также членов царской семьи, но эти фотоснимки, судя по всему, были в ходе революции уничтожены.

Во всяком случае, мы знаем, что Прокудин-Горский общался

Фотопортрет Льва Толстого (1908)

с членами царской семьи не раз. Во время встречи с Николаем II он показал императору свои лучшие слайды на фотопластинках, и тот был настолько восхищен увиденным, что дал ему разрешение фотографировать в любой точке Империи, велел обеспечить фотографу необходимую помощь и даже выделить транспортные средства для поездок по стране.

Договор с царем был беспрецедентным. Фотохудожник обязался сделать 10 000 фотографий в течение 10 лет на всем пространстве от Балтийского моря до Тихого океана. Задачей было создать

монументальную фотоколлекцию достопримечательностей Российской империи, чтобы дать людям на всей планете представление о красоте и величии державы.

Спустя примерно двадцать дней началось путешествие Прокудина-Горского по Волге, а затем на Урал. Фотохудожник строил свое путешествие не только по географическим маршрутам, но и с учетом тематических планов посещения исторических мест и красоты пейзажей. К примеру, он снимал места, где происходили сражения Отечественной войны 1812 года, фотографировал церкви и монастыри

в Ярославле и Костроме, сделал десятки снимков у истоков Волги, посетил места проведения известных Нижегородских ярмарок.

В 1911 году Прокудин-Горский фотографировал Туркестан, в следующем году – Тифлис, Военно-Грузинскую дорогу и Баку. После них – Рязань, Суздаль, строительство плотин на Оке.

Николай II поручил фотохудожнику запечатлеть как можно больше достопримечательностей страны, разные стороны жизни народов, ее населяющих, как можно больше уникальных зданий и особенно христианских монастырей и соборов. Это было важное напоминание о той роли, которую играли православные монастыри со времени введения христианства на Руси в 988 году: они служили центром духовно-нравственного учения людей, воспитывали патриотизм и сплочение всех народов огромной страны в тяжелые времена войн и вражеских вторжений.

Для выполнения этих задач фотографу был выделен специально оборудованный железнодорожный вагон. Для работы на водных путях правительство предоставило небольшой пароход, способный идти по мелководью, а для реки Чусовой – моторную лодку. Для съемок Урала и Уральского хребта в Екатеринбург был привезен из-за границы автомобиль «Форд». Прокудину-Горскому были выданы царской канцелярией документы, дававшие доступ во все концы Империи, а местным чиновникам было поручено оказывать ему всяческую поддержку.

Но в 1913 году из-за нехватки денег работу пришлось приостановить. Николай II предоставил разные средства передвижения, но все остальные расходы фотограф оплачивал из своих средств...

Началась Первая мировая война. Вопросы творчества, развития искусства,

фотографические проекты – все отошло на второй план.

В разгар войны Прокудин-Горский организовал последнюю экспедицию: он сделал снимки мурманской железной дороги, одной из новейших в России.

Фотохудожник был в глубине души романтиком: он верил, что в обновленной, послереволюционной России искусство и творчество будут востребованы как никогда. А посему решил найти сподвижников и помощников, чтобы попытаться создать Высший институт фотографии и фототехники. Сначала ответ на его идею был положительный, и он был послан в командировку в Норвегию, чтобы закупить для института оборудование и материалы. Вернуться в Россию ему не пришлось: началась Гражданская война, и у каждой из сторон в этой войне были свои приоритеты, но ни один из них не включал творчество, в том числе и фотографию.

Норвегия, страна с небольшим населением, в те годы почти с полным отсутствием научно-технического прогресса в творческих процессах, ничем не привлекала русского эмигранта. Прокудин-Горский и члены его семьи переехали в Англию. Но и тут было не лучше. Англия всегда была страной очень высокой конкуренции, особенно когда дело касалось творчества. Последовал переезд во Францию. И здесь его в 1922 году догнала хорошая весть. Прокудин-Горский получил английский патент на оптическую систему для получения одним экспонированием трех негативов через светофильтры. Это произошло потому, что в 1920–1921 годы Прокудин-Горский написал серию статей для «Британского журнала по фотографии» и отправил их в патентное бюро, включив в послание заявку на патент «фотоаппарат для цветной кинематографии».

Хивинский хан Сеид Асфендиар Богадур. Снимок сделан в Зимнем дворце 21 февраля 1913 года, когда ханы и эмиры Российской империи собрались в Петербурге по случаю празднования 300-летия Дома Романовых

В 1922 году Прокудин-Горский переехал в Ниццу, где ему даже довелось поработать с братьями Люмьер. Он стал во Франции активным проповедником цветной фотографии, а также художественной фотографии и широкого использования фотографической иллюстрации в издательских проектах. Он даже начал готовиться к созданию большой серии фотографий художественных памятников Франции и ее колоний. Ему не удалось воплотить в жизнь этот проект, им занимался его сын Михаил, но осуществлен он был лишь частично.

Фотохудожник умер в 1944 году в возрасте 81 года в Париже, вскоре после освобождения французской столицы союзниками, и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В 1991 году была составлена компьютерная база данных снимков

Прокудина-Горского, которая продолжала затем пополняться и совершенствоваться, так как качество компьютерной обработки все время повышалось. В 2000 году компания JJT по контракту с Библиотекой Конгресса США выполняла высококачественное сканирование всех стеклянных негативов из коллекции Прокудина-Горского.

После появления в свободном доступе на сайте Библиотеки Конгресса отсканированных фотопластинок Прокудина-Горского в России возник народный проект по восстановлению наследия фотохудожника. Всего было восстановлено 404 фотографии.

В России создано восемь документальных фильмов о жизни и творчестве Сергея Прокудина-Горского. Но он вполне заслуживает того, чтобы о нем был снят художественный фильм.

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Квинт Энний: «Рим и мощь его держатся старинными нравами»

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Лупа Капитолия: волчица с Ромулом и Ремом, бронза, XIII век

Империям в литературе не везет: их изображают то как рай, в котором все равны и всем хорошо, то как ад, где всех беспрерывно убивают и грабят. Крайности никогда не бывают верны, но где найти правильную точку отсчета?

Древний Рим – классический, эталонный пример империи. Да какой! Рим собрал самые богатые, самые цивилизованные земли тогдашнего мира. Собрал и объединил, сделал их еще богаче и цивилизованнее. Связал дорогами, законами, языком и культурой. Создал культуру, на наследии которой стоит все здание современной цивилизации. Ни много ни мало.

Рим казался непоколебимым и вечным. Вечным городом.

Вечной империей. Вечным центром вселенной.

Дары Рима

Империи завоевывают. Чтобы завоевать, нужно быть сильнее всех соседей. Империи завоевывают только силой оружия. Удерживают их тем, чего нет у других. Римская империя несла мир! Так и называлась: Римский мир (*Pax Romana*).

Часто это словосочетание трактуют примитивно: пространство, завоеванное Римом. Римляне думали иначе: это территория, на которую Рим принес мир. Кончились Пунические войны. Кончились гражданские войны в самом

Риме. На периферии воевали с германцами, парфянами, даками, арабами. Но внутри Римского государства с 27 года до Р.Х. и до середины III века царил мир. 200 или 250 лет!

Даже для самих римлян было новой идеей то, что можно ни с кем не воевать. Поколениями. Вообще ни с кем. Еще более новой эта идея была для остальных народов – они-то воевали беспрерывно.

Империя подчиняется единым законам. Эти законы справедливее варварских законов Востока, произвола царьков, кровной мести диких племен.

И как расширялся кругозор не только гражданина Рима, но и провинциала, платившего подати! От Британии до Африки и от Атлантики до Евфрата – своя земля. Единая монета, единые законы, безопасные дороги. На границах стоят столбы с надписью: «Дальше этого места закона нет». Но можно путешествовать и дальше! Убить, ограбить римского гражданина не сложно... но потом придут легионеры. Империя охраняла своих. Обида гражданину Рима – это пламя над поселками, угнанный скот и спаленный урожай; это соплеменники, мучительно умирающие на крестах.

Римляне проникают до Скандинавии, до Индии. Пиратство уничтожено, в Средиземном море купцам угрожают только бури. Империя связана дорогами; через реки перекинуты мосты. Дороги таковы, что до сих пор по ним ездят. Поразительное впечатление производят

эти дороги во Франции – дороги, созданные инженерами Рима почти две тысячи лет назад.

На всех дорогах – мильные (или дистанционные) камни с обозначениями расстояний. Через каждые 20–30 миль – гостиницы.

Ничто не мешает торговле. Хлеб из Египта кормит 20% населения Империи. Население растет. Ремесленных специализаций все больше и больше. Дороги связывают города... И какие города!

Проектируя создание новой колонии, римляне всегда выясняли, хорошая ли в той местности вода, долго ли живут местные жители, часто ли они и чем болеют, есть ли поблизости выходы хорошего песка, щебня и камня. Воду в города вели посредством акведуков, в городах были фонтаны.

Нужно связать будущий город с другими. Выяснялось, какие есть для этого материалы и возможны ли трудности при строительстве дорог, например болотистые поймы рек. То есть римляне сразу планировали создание целых районов с подготовленной инфраструктурой. С дорогами, включенными в общую дорожную сеть Римского государства.

Римляне заложили основу всей городской цивилизации. Они последовательно создавали городскую среду и систему коммуникаций между городами *Pax Romana*. Идеалом римлянина была жизнь в городе – но в своей усадьбе. Или в имении, расположенном недалеко от города.

Царство разума и культуры

Рим украсил города десятками тысяч прекрасных статуй богов и героев. Рим заложил основу того, что мы вообще называем образованием: он сделал грамотными миллионы. О шарообразности Земли заговорил Аристотель, но большинство

греков и после Аристотеля считали землю дискообразной. Ведь греческие ученые вовсе не задавались целью пропагандировать знания. О том, что такое Земля, в Греции знала кучка интеллектуалов. Но весь образованный слой Римской империи, буквально миллионы людей, знали о шарообразности Земли.

«Читатель этой книги не должен быть настолько простоватым и недалеким, чтобы ранее не видеть глобуса», – писал этнический грек, происходивший из придворных Митридата, правителя Босфора, и римский гражданин Страбон (64 г. до н.э. – 24 г.н.э.).

«Весь объем Земли мы без сомнений называем шаром и соответственно признаем у Земли два полюса. Притом это не форма абсолютного шара, если учесть, что в одних местах огромные горы, в других плоские равнины; но если мысленно представить себе ее в целом и соединить концы охватывающих линий [меридианов], то и получится эта фигура – совершенный шар», – писал Плиний Старший.

Христиане и не думали отрицать этих широко распространенных знаний. Знаменитая статуя императора Валентина изображает его с «державой» в левой руке. «Держава» римских доминов позже стала символом власти королей и царей всего христианского мира: это не что иное, как изображение Земного шара, в который воткнут крест, символ христианизации всего мира.

Pax Romana – это мир колоссальной Империи, где по прекрасным дорогам в любом направлении шел и ехал под защитой закона человек, говоривший на латыни от Бретани до Вавилона. Человек знал, что живет на поверхности громадного шара. Он читал книги.

По современным понятиям нравы Рима порой кажутся чудовищными. Историки и писатели соревнуются,

представляя римлян сборищем тупых полуживотных. Бои зверей на стадионах! Гладиаторские бои! Вот только беда – такие же точно зрелища известны у всех народов, завоеванных Римом. Гладиаторские бои прямо заимствованы грубыми римлянами у изящных, утонченных этрусков. Соревнование, смерть слабейших, доблесть и мужество выживших были для этрусков честью.

Римляне вовсе не «сравливали» на аренах рабов. Философия жизни и смерти римлянина, зрелище соревнования, битвы человека с огромными сильными зверьми влекли в гладиаторы знатнейших людей, даже императоров. Рим и запретил гладиаторские бои и бои зверей в начале V века. В Испании бой быков, у англосаксов травля быков и медведей, собачьи бои были нормой до XIX века. Им можно – они «цивилизованные».

Римляне первыми перестали избавляться от больных и хилых детей: император Александр Север (193–211 гг.н.э.) объявил убийство больных детей преступлением. В те времена только у римлян не было человеческих жертвоприношений. Греки знали кровавый обычай. Кельты вскрывали жертве живот и привязывали за кишки к дереву... Карфагеняне приносили в жертву Молоху старших детей в семье. Ставили пустую внутри бронзовую статую, раскаляли ее докрасна. Родители сами должны были бросать в пышущее жаром жерло своих детей. Они не должны были плакать, вообще проявлять недовольства. Они так служили своему богу! Иудейский обычай обрезания – способ принести в жертву кусочек живого человека – облегчение древнего обычая.

Римляне истребили кельтских жрецов-друидов. Их ненависть к Карфагену объясняется и практикой убийства детей. Юрист II–III веков Домиций Ульпиан первым

Колизей (Амфитеатр Флавиев) строился в 72–80 гг. н. э. при императоре Веспасиане

в мире ввел понятие «права человека» и «естественное право». Поскольку, по естественному закону, все рождаются свободными, рабство противоречит самой природе вещей. На практике рабы даже во II веке не составляли больше 2–5% всего населения Римского государства. К IV веку – исчезающе малый процент.

На фоне других обществ своего времени Рим выглядел не только технологическим и общественным лидером, но и самым гуманным, самым высоконравственным обществом. Это не могло не привлекать даже тех, кто сражался с римскими легионами, отстаивая свои обычаи.

На вершине

Мелинна, греческая поэтесса из Локр Эпизифирских в Южной Италии, еще в эпоху войн с Пирром в кратком стихотворении

«К Риму» приветствует «Рому, дочь Ареса» и сулит Риму вечность. Водворяя мир, призывая к гражданскому порядку, строя общую инфраструктуру, общие законы, Рим-объединитель властвовал «не оружием только, а законами».

Вергилий полагал, что назначение Рима – не просто владычество над народами, но водворять повсюду мир. С италиком Вергилием был совершенно согласен грек Плутарх, который называл Рим «якорем, который навсегда приютил в гавани мир, долго обуреваемый и блуждавший без кормчего». Он сравнивал Рим с цементом, скрепляющим людей и народы среди ожесточенной борьбы. Испанец Сенека полагал, что «Рим – как бы наше общее отечество». Племянник Сенеки Лукан прославлял «гражданина, убежденного в том, что он родился на свет не для себя, а для всего этого света». Еврейско-эллинистический философ Филон Александрийский

и иудейский военачальник Иосиф бен Маттияху признают Рим спланирующей и объединяющей силой.

Греческий оратор Элий Аристид говорил императорам Марку Аврелию и Луцию Веру: «При вас все для всех открыто. Всякий, кто достоин магистратуры или общественного доверия, перестает считаться иностранцем. Имя римлянина перестало быть принадлежностью одного города, но стало достоянием человеческого рода. Вы установили управление миром наподобие

строения одной семьи».

В 416 или 417 году, вскоре после взятия и ограбления Рима остготами, Клавдий Рутилий Намациан, житель Галлии, ставший префектом Рима, вынужден был вернуться из Рима на родину, чтобы спасти хотя бы остатки имущества от нашествия вестготов. В своей поэме этот убежденный язычник готов со слезами лобызать «священные камни» Рима за то, что он «создал единое отечество многим народам», за то, что «благодаря стала для покоренных против их воли римская власть», за то, что «Рим превратил мир в стройную общину и не только владычествовал, но, что важнее, был достоин владычества». Клавдий Рутилий мечтает и надеется на возрождение языческого Рима, не замечая: он сам давно пережил племенную мораль язычества. Жаль, что судьба этого человека нам не известна. Уцелел ли он, спас ли свое имя в хаосе войн

и погромов, в нашествиях диких племен? Живут ли его потомки среди нас?

Его старший современник, христианский поэт Аврелий Пруденций Клемент (348–405), в 57 лет ушел в монастырь. По его словам, Рим стал общим отечеством, «повергая побежденных в братские оковы».

Почему же Рим пал?! Почему же распалась такая великая империя? Империя, заложившая основы всей современной цивилизации?

Относительно, конечно, само «падение» Рима: на его достижениях росла вся Европа веками. Восточный Рим, Византия, дожил до XV века. Но государство-то пало! Западную Римскую империю разорвали на части, создали там море королевств, которые так и называются – варварскими.

Парадокс, абсурд – дикари оказались сильнее громадного государства, повергавшего в прах Македонию и Египет. Почему?! Давно сказано и не нами – потому что Рим утратил свои добродетели.

Называя десятки самых невероятных причин, историки не видят самых простых и очевидных:

- Рим сам изменился внутри;
- Рим пал потому, что дал все, что был способен дать;
- Рим пал потому, что перестал быть самим собой.

Кризис демократии

Древний Рим управлялся демократически и считал это своим достижением. Пока число граждан составляло 20–30 тысяч, все было прекрасно. Граждане сходились на форуме. Все они по-соседски знали друг друга, не так трудно было выбирать достойнейших.

В Греции, стоило числу граждан Афин перевалить за 40 тысяч человек, появились демагоги – буквально «заговаривающие демос».

Демагоги умели рассказать о величайших достоинствах одних, о скверных качествах других. Граждане верили, потому что не знали или плохо знали этих людей.

В Риме уже в 236 году до Р.Х. число римских граждан составило 127 тысяч взрослых мужчин, живших во всех уголках Италии. В 132 году до Р.Х. цензоры насчитали 317 823 гражданина, «не считая вдов и сирот». В эпоху Октавиана Августа граждан стало в десять раз больше, чем было до Гражданских войн.

На каком форуме смогут собраться эти толпы? Как соберутся жители Империи, которым до Рима даже по великолепным дорогам идти недели и месяцы? Как договорятся уроженцы разных мест, разных земель? Как они смогут выбрать лучших? Как будут контролировать избранных ими правителей?

Еще в 1911 году один из создателей теории элит, немецкий социолог Роберт Михельс, сформулировал жесткий закон: любое многочисленное общество из демократического неизбежно становится олигархическим. Любая община граждан неизбежно расслаивается на богатых и бедных. На каком-то этапе обязательно оказывается, что фактически государство находится не в руках народа, то есть общины примерно равных по имуществу людей, а в руках кучки представителей богатейших кланов. Эти сверхбогачи могут вести реальную политику, не оглядываясь на остальных.

Демократия – власть небольших собственников. Она сохранялась в отдельных городах, в городских избирательных округах – цивилизациях. Там по-прежнему собирались 2–3 тысячи граждан. Уважая друг друга, зная друг друга, вооруженные собственники выбирали властных лиц, обсуждали общие дела. Но откуда им, жителям города или округа, знать дела всей провинции? В масштабе провинции

во власть придут владельцы земель, кораблей, домов в городах, усадеб и вилл. Крупные собственники, которые могут собрать десятки вооруженных людей.

А в масштабах всего государства? Тут будут править олигархи другого масштаба. Сенаторы старых родов, богатых и знатных, далеко не первое поколение. Люди, чьи прадеды уже водили войска и управляли государством. Чьи земельные владения больше всего Древнего Рима.

Большое государство нуждается в наследственной элите. В управлениях, которые в курсе дел не города, даже не провинции – всей колоссальной Империи. В Сенате собирались именно такие – крупные наследственные собственники, которым с детства прививали вкус к управлению.

Государство нуждается в учете и контроле, в подсчете ресурсов – в бюрократии. В профессиональных чиновниках. Все ранние императоры-принцессы, все императоры-доминусы обзаводятся своими канцеляриями. Без письменных указов, без контроля своих людей, без чиновников на местах они просто не смогут управлять. Как ни громадна Империя, хотя бы некоторые решения надо принимать мгновенно. Если варвары прорвали границу-лимес, если ураган погубил сады Сицилии – нет времени собирать Сенат, согласовывать решения между высшими чиновниками.

Римляне просто панически боялись сосредоточить власть в одних руках. Они клялись словом «демократия», они и консулов выбирали сразу двух! Но со времен Октавиана Августа первый из сенаторов – принцепс – становился фактически монархом. Называли принцепса и императором, то есть хозяином, повелителем. Почетный титул военачальника времен Республики сделался титулом верховного правителя. Этот верховный правитель «собирал» все высшие

Руины Храма Мира, сооруженного в 71–75 годах н. э. при императоре Веспасиане

магистратуры: принцепса «избирали» и в консулы, и в цензоры, и в защитники народа – трибуны.

Представьте себе пожизненно-го премьер-министра, который одновременно становится главнокомандующим, главой полиции и еще трех-четырех ведущих министерств. Да еще такой пожизненный премьер сам выбирает преемника: усыновляет ведущего государственного деятеля или полководца. Историки говорят о «династии» Юлиев-Клавдиев, о династии Антонинов... Но это, строго говоря, никакие не династии.

Нерва усыновил выдающегося полководца Траяна. Траян усыновил великолепного управленца, интеллектуала Адриана. Адриан усыновил Антонина Пия; тот усыновил философа на троне Марка Аврелия и женил его на своей дочери. Возможно, Адриан был дальним родственником Траяна, но не за это он сделался императором. А вот садист и извращенец Коммод точно был сыном Марка Аврелия. Аврелий назвал его в честь соправителя Луция Вера Коммода.

Если представить себе, что Сталин владел особым имуществом, платил армии жалование из своего кармана и что, опираясь на эту «свою» армию, он усыновляет Берию или Жукова... Это и будет принципат.

Отвратительный человек и никудышный император Коммод зримо доказывал римлянам, как плоха наследственная власть. Но им пришлось мириться с единовластием! Даже в эпоху Домината, с 284 года, с императора Диоклетиана, римляне упорно делали вид, будто живут в демократии. Правителя теперь называли августом, то есть священным, и доминусом – господином.

Диоклетиан установил при своем дворе обычаи, позаимствованные с Востока. Основным центром власти стал бюрократический аппарат, замкнутый на императора.

Но и это была странная монархия, в которой постоянно существовало по несколько августов и доминусов. Сейчас это кажется дикостью, а римлянам вовсе не казалось. Они считали, что императоров и должно быть несколько: чтобы сдерживали друг друга. Иные императоры объявляли соправителями сыновей еще в детстве. Другие усыновляли преемников. Третьи захватывали власть. Доминусы воевали друг с другом, устраивали друг другу заговоры и убийства. Порядка все это не прибавляло.

А римляне все не хотели утвердить наследственную монархию! Династии императоров появляются только в Византии. И то не сразу. Если латинский Запад империи «варваризировался», то восточный, греческий Рим «овосточнивался». Это и стало спасением! Беда Восточного Рима в том, что и он не стал последовательно монархическим: власть слишком часто захватывали заговорщики. Говаривали, что византийцы повинуются не императору, а его трону: кто сел на трон, тот уже и император.

Но главное: со времен уже Юлия Цезаря и его приемного сына Октавиана рядовой гражданин не правил государством. Гражданин сохранял неотъемлемые права, но демократия сохранялась только на уровне отдельных городов и сельских округов.

До конца Рима избирались консулы и преторы. В армии император должен был выступать перед солдатскими собраниями. Заседал Сенат, выступали представители могущественных древних родов. Но правили доминусы-императоры. То один, то по двое, бывало, что и по четыре сразу.

Одна из причин, погубивших Римскую империю, – упорное цепляние за демократию. За отживший политический строй. Одна из причин долговечности

Марк Аврелий Антонин и Луций Цейоний Коммод Вер, римские соправители во второй половине II века н.э.

Восточного Рима – Византии – решительный переход к единоличному правлению.

Кризис Империи

Пока Римское государство росло, для его граждан находились и земли для новых колоний, и средства для выплат, для построек. Все это – за счет завоеванных и ограбленных. Но в начале II века Траян провел последние завоевания. Еще царит Римский мир. Еще строятся дороги и колонии. Еще вырастают города на месте лагерей легионеров. Еще романизируются галлы, иберы, даки и германцы. Но перелом уже произошел. Пределы империи уже никогда не расширятся.

На Востоке богатые, сильные государства, воинственные и древние. К югу от Сахары земли слишком далекие, непонятные. Завоевать их крайне трудно, а захваченное трудно вывезти. Новые провинции к югу от Сахары сразу окажутся оторваны от основной части Империи. Не удалось пойти дальше Карпат, дальше устья Дуная. Причерноморье – треть мирового чернозема, но эти края Рим никогда не завоеует. Европа к востоку от Рейна тоже оказалась недоступна. В Британии в 122–128 годах построили Вал Адриана, отделяющий римские владения от воинственных пиктов.

Во-первых, не будет фонда новых земель. Империя будет жить и развиваться только в этом географическом контуре.

Во-вторых, и в этом контуре будет становиться только все теснее и теснее: население будет расти. Парадокс, но рост населения – прямое следствие Римского мира. Для Европы римская власть обернулась процветанием и сытостью. Подсчеты очень примерные, но со II по V век население Римского государства увеличилось с 35–40 млн до 60–65 млн. При завоеваниях Цезаря Галлия потеряла до миллиона человек из 4 млн населения. Но к VI веку в Галлии живет уже 6 млн человек. Исчезают зубры, туры, дикие лошади – даже на севере, где еще есть неосвоенные земли. В I–II веках римляне ставили лагерь и города в землях почти безлюдных. Теперь будет становиться все теснее.

В-третьих, не будет притока рабов. Придется обходиться той рабочей силой, которая уже есть.

В-четвертых, не будет притока золота и серебра от ограбленных. И все меньше средств из провинций.

Империя больше не расширяется, она только обороняется. На лимесе – укрепленном рубеже Империи по Дунаю и Рейну – приходится держать большую часть армии. Там все время кровит, варвары все время нажимают.

Кризис Италии

Римляне различали территорию Италии и «внешнее пространство» своей Империи. Три столетия подряд жители Апеннинского полуострова уходили в солдаты и чиновники – строить Империю.

Чем лучше они ее строят, тем больше материальных ценностей появляется в Италии. Тем сложнее и разнообразнее ее хозяйство и... тем сильнее дефицит рабочих рук. Должен же был кто-то строить очередной форум, откармливать гусей, обрабатывать металл, собирать оливки и ремонтировать акведуки? Уходя из хозяйства, граждане Рима создавали экономику, которая требовала все больше работников.

Из завоеванных Римом провинций повезли и погнали рабов в Италию и Сицилию. На протяжении трех веков, начиная со II века до н.э., треть населения сердца Рима, Италии, составляли рабы и вольноотпущенники. Они строили точно такие же дома с атриумами и перистилиями, так же возлежали на пирах и ели то же самое свиное вымя и фрукты, политые рыбным соусом. Они платили такими же точно сестерциями в таких же лавках и заводили такие же виллы. Но эта треть жителей Италии существенно отличалась от «коренных»: они не были носителями древних итальянских

традиций. Это не их предки основывали Рим, завоевывали Сицилию и Галлию, не их деды и прадеды спорили в Сенате, нужно ли разрушить Карфаген. Они совершенно не стремились заниматься сельским хозяйством Италии – просто не чувствовали эту землю своей.

Вольноотпущенники ощущали себя ущемленными, активно завоевывали свое место под солнцем. Они не чуждались никакой работы – лишь бы приносила доход. И это давало им конкурентные преимущества перед «коренными»! Они ведь могли заниматься тем, что «коренные» считали ниже своего достоинства. Например, ростовщичеством.

Вольноотпущенники и провинциалы не обременяли себя идеями родовой и личной чести; они по-другому относились к Империи. «Коренной» римлянин служил Империи. Он пользовался тем, что она ему давала, но был готов на сверхусилия для ее процветания. Вольноотпущенник скорее пользовался Империей. Он строил Империю потому, что ему это было выгодно, и до тех пор, пока это было ему выгодно. При этом огромное число всаднических семей происходило из вольноотпущенников; проникали они и в сенаторы.

Состав и психология римского народа все сильнее менялись. Еще в I веке до н.э. – I веке н.э. миллионы римлян противостояли десяткам миллионам неримлян. Римлянин был жителем Италии, который мог временно уехать, но именно Италия была его родной землей. Римляне были сплочены не только законами и языком, но и общей территорией. Они если не жили, то по крайней мере хотя бы бывали в Риме.

В III веке Италия ничем не отличается от других пространств Римского государства. Септимий Север разделил Римскую империю на провинции; Италия стала обычной провинцией. Как все.

Кризис гражданства

Гражданство было очень привлекательно еще во времена Октавиана: 4–5 млн граждан среди 50–60 млн всего населения Империи!

Кстати, полная аналогия с Британией до середины XIX века. В XVII веке население Британии составляло не более 4–5 млн людей, в конце XVIII – меньше 10 млн. Гражданами, имеющими право выбирать, было всего 2% населения. В середине XVII века их было, по одним данным, около 100 тысяч человек, по другим – около 60 тысяч. Число тех, кто мог быть избран, благодаря высокому имущественному цензу, было еще меньше – не более 20 тысяч потенциальных членов палаты общин. Фактически в Британии жило около 100 тысяч граждан и до 10 млн подданных – неграждан. Почти как в Риме времен Августа Октавиана. Парламент в Британии потому и был так эффективен, что избиратели и избираемые знали друг друга лично. В XX веке, когда избирателями стали почти все англичане, Уинстон Черчилль произнес цинично, но справедливо: «Лучший аргумент против демократии – пятиминутный разговор со средним избирателем».

Рим был даже демократичнее Британии XVIII века, но и в нем во весь рост встала проблема: увеличение числа граждан. В 212 году процесс завершился: император Каракалла дал гражданство всему свободному населению Римского государства – 90% населения.

Римлянин был свободным вооруженным собственником, чьи предки и он сам завоевали Империю. Теперь он фактически не гражданин, а подданный. Гораций Коклес бился за свободу против этрусков – рабов своего царька. А за что теперь будет биться римлянин?..

Продолжение следует

ТРИ ДНЯ БОРОДИНА

30 лет назад был учрежден День Бородинского сражения

ЛЮДМИЛА ТРЕТЬЯКОВА

Франц Рубо. Фрагмент панорамы «Бородинская битва». 1912

До конца XIII века земли города Можайска вместе с окрестными селами, среди которых значилось и Бородино, принадлежали Смоленскому княжеству. К Москве они «пристаи» в 1303 году трудами князя Юрия Даниловича, став форпостом западных рубежей Московии. А смоленский тракт, ведущий к Первопрестольной, из века в век оставался самой беспокойной дорогой государства. Кого только

не манило к стенам Москвы, причем с одной и той же целью! В 1812 году, как известно, по этой дороге пошли французы...

«Скажите, чтобы добраться до Москвы, какую лучше идти дорогой?» – разыгрывая простачка, спрашивал Наполеон русского посланника Балашова. В ответ прозвучало: «Карл XII шел через Полтаву». Это, конечно, не вразумило, хотя и посол в России Коленкур,

хорошо знавший русских, также не советовал императору предпринимать прогулки по смоленскому тракту без приглашения хозяев, да еще с полной боевой выкладкой. Но, невзирая на это, Наполеон был убежден, что поход на Москву займет не более месяца. И ему верили. Слишком уж блестяще, во всяком случае, в сознании простых солдат, обстояли дела у богоподобного императора, чтобы сомневаться

в очередной воинской удаче. А потому 12 июня 1812 года, когда солдаты Великой армии, форсировав Неман, ступили на русский берег, никому из них не приходило в голову, какой жребий им уготован.

25 августа. Накануне

... Передовые полки русской армии подошли к Бородину около 10 часов утра 22 августа. Позади было почти два с половиной месяца отступления от западных границ России – с боями, кровью и потерями. Генеральная стратегия командования – сберечь армию – понимания в этой самой армии не находила.

«Что наша Россия – мать наша – скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное Отечество отдаем сволочам?» – гремел Багратион, грозясь скинуть мундир. От позора. От бессилия. И не он один. Медики разводили руками, не находя объяснений повальным болезням солдат, «отличным по своему характеру от обыкновенных». Слово мор поселился в угрюмых колоннах, идущих в сторону Москвы. Но вот когда стали возле Бородина, все успокоилось, ибо поняли – быть «делу».

Бородино стремительно теряло мирный вид. Население, укладывая пожитки на телеги, отправлялось кто куда. Первыми на Бородинском поле появились инженерные войска. Копали рвы, делали насыпи и укрепления, рассчитанные на круговую оборону. И хотя поле готовили к бою все три дня с вечера до рассвета, далеко не все, что было задумано, удалось сделать в полном объеме. Иные рвы оказались настолько неглубоки, что не могли защитить солдат. Шанцевого инструмента не хватало. А ополченцы, присланные на подмогу, и во все оказались бесполезными: их не снабдили даже лопатами.

Обеспокоенный таким положением дел, Кутузов издал приказ «об оплате за производимые работы по укреплению позиции». Из экстраординарных сумм велено было выдавать по 10 копеек медью всем, используемым на строительстве укреплений солдатам. Эту мелкую денежку находили потом в карманах убитых...

Французы появились у Бородина 24 августа. С колокольни местного храма Рождества Богородицы, где у русских находился наблюдательный пункт, было хорошо видно, как «три стальные реки текли почти в ровном между собой расстоянии. Наполеон – посередине, прямо на Бородино...»

«Впереди конницы неприятельской, еще многочисленной, грозной, блестящей, на статном крутом коне рисовался лучший наездник французской армии. По наряду его, живописно-фантастическому, узнавали в нем короля Неаполитанского», – вспоминал очевидец. Но не только маршал Мюрат, любитель эффектного антуража, – вся многоликая армия Наполеона, которую он направил по смоленскому тракту: бельгийцы, поляки, немцы, итальянцы, голландцы, португальцы, испанцы и прочая – всяк в своем мундире, являла собой впечатляющее парадное зрелище. «Две армии стали на этих полях, одна перед другой, – писал В. А. Жуковский. – В одной – Наполеон и все народы Европы, в другой – одна Россия».

25-го на рассвете Наполеон через подзорную трубу внимательно изучал расположение русских войск. Донесения разведчиков убедили его в том, что главный удар надо нанести по левому плохо укрепленному флангу. Прорвать боевой порядок, разрезать его и, отеснив войска, уничтожить их по частям. Довольно скоро последовало напутствие императора: «Воины! Вот сражение, которого вы столько желали. Победа зависит от вас».

Кутузов ранним утром того же дня объезжал армию на своих дрожках. Традиционного приказа по войскам не последовало. Задачу на завтра главнокомандующий объяснял без пафоса: «Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, каждые два часа. Надеюсь на вас. Бог нам поможет. Отслужите молебен».

Вдоль рядов пронесли икону Смоленской Божьей Матери, спасенную из горящего города. Кутузов, сдернув фуражку с седой головы, тяжело опустился на колени. За ним его генералы: Багратион, Барклай, Платов, братья Тучковы... Многим вспоминалось: после молебна схлынуло психологическое напряжение. Видимо, «все перестали почитать себя земными, отбросили мирские заботы и стали как отшельники, готовые к бою насмерть... Раз обрекли себя на гибель – никто уже не думал о следующем дне». Генерал Дмитрий Сергеевич Дохтуров сел играть в бостон. Вокруг стояли с интересом наблюдавшие за сим офицеры. Солдаты чистили оружие, точили клинки...

Ополченцы и священники

Александр I обратился ко всем россиянам с призывом жертвовать собою «для надежнейшего охранения Отечества». В ополчение мог вступить каждый без различия сословий и занятий. Эта мера была вынужденной. Общая численность регулярных войск составляла 590 тысяч человек и была явно недостаточной для противостояния Великой армии. В самый короткий срок численный состав народного ополчения был доведен до 420 тысяч.

В годину наполеоновского нашествия Святейший Правительствующий Синод принял беспрецедентное постановление о разрешении семинаристам пополнить народное

Алексей Кившенко. «Военный совет в Филях». 1880

ополчение. Таков был ответ на призыв императора. В действиях против французов, в частности в Бородинской битве, ополченцы сыграли значительную роль. В первую очередь это касалось спасения жизни раненых – именно на ополчение была возложена задача выносить их из-под огня. И тут самопожертвования порой сугубо гражданских людей были беспредельны. Генерал М. С. Вистицкий свидетельствовал: «Они во время сражения выбегали даже вперед фронта к стрелкам и выхватывали почти из рук неприятеля своих раненых».

Порой, добыв себе оружие, ополченцы сражались плечом к плечу с регулярными войсками. Церковным приходам разрешалось снабжать добровольцев как одеждою, так и продовольствием.

Особо стоит сказать о полковых священниках, чье героическое поведение заставляло командиров хлопотать о награждении их боевыми орденами. Они шли в бой, вооруженные только крестом, находились

рядом с солдатами, вселяя в них веру в победу, причащая умирающих, хороня павших. Безоружный духовный пастырь поддерживал в них спасительную мысль, что «с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие их не одолеют».

26 августа. День Бородина

Если даже представить, что когда-нибудь все свидетельства очевидцев, поверенные бумаге, войдут в исторический оборот, то и тогда едва ли хроника «дня Бородина» будет полной. Вряд ли мыслимо отразить грандиозную, то и дело меняющуюся картину сражения, столь длительного и столь кровопролитного. И все-таки в общем водовороте событий выделялись два очага, два, как их называли, «действующих вулкана», на которые была сделана особая ставка командования и где битва носила беспрецедентно ожесточенный характер.

Первый из них: Багратионовы флеши – укрепления на левом фланге русской армии, принявшие на себя главный и многократный удар противника.

Второй: самая высокая точка поля, курган естественного происхождения, превращенный в хорошо укрепленный бастион и мощную огневую точку, – так называемая батарея Раевского.

Бои за два этих укрепления во многом определили не только весь ход Бородинского сражения, но и его итоги.

В холодных предрассветных сумерках понедельника 26 августа 120-тысячные русские полки встали под ружье. Около 6 часов утра с французских батарей заговорила артиллерия. Русские пушки открыли ответный огонь. Эта грозная увертюра была коротка. «В пять минут, – писал участник битвы Федор Глинка, – сражение было уже в полном разгаре... Ядра визжали пролетными вихрями над головами. Гранаты лопались».

На левом фланге русской армии находилась 2-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона. Для защиты флешей он первоначально выделил 8000 человек, которые и встретили первыми французов. Те же двигались плотными рядами, словно вырастая из еще нарастающего тумана. При сближении примерно на сто метров врага встречал град ружейных пуль. Солдату того времени для того, чтобы приготовить ружье к бою, требовалось выполнить... 14 операций, на счет пятнадцать следовало – «Пли!» Чтобы попасть в грудь противника, целились в кивер.

После первой, хоть и отраженной, атаки стало ясно, насколько решительно настроен противник. Пехотные полки флешей готовились к отражению новой, и в 6.30 она началась. Маршал Даву торопился выполнить приказ Наполеона – как можно скорее взять эти укрепления. Именно здесь он хотел прорвать оборону противника и, расчленив его, уничтожить по частям. Поначалу Наполеону казалось, что для выполнения этой задачи вполне хватит двух пехотных дивизий. Но вторая атака, уже поддержанная артиллерией, также была отбита.

Получив это известие, Наполеон бросил на флеши 30 тысяч человек при 160 орудиях, третья по счету атака велась с двойным превосходством французов. Численный перевес помог им продвинуться вперед – часть флешей была занята. После полуторачасового боя русские кирасиры, пришедшие к 9 часам утра на помощь товарищам, заставили французов отойти на исходные позиции.

Четвертая атака началась около 10 часов утра. Ожесточение схватки нарастало, кавалерийские корпуса французов, поддерживая наступающую пехоту, с бешеным натиском устремились на флеши. Багратион нес огромные потери. На помощь

ему были посланы два полка под командованием генерала Александра Тучкова. И тут наступил критический момент боя. Флеши оказались заняты врагом. Между тем средняя из них представляла для русских особую ценность: расположенная уступом, невидимая со стороны противника, а потому необстреливаемая, она служила опорой для наших контратак. Вернуть ее было необходимо любой ценой.

Но ураганный огонь противника одну за другой за мертвое укладывал солдатские колонны – атаки русских захлебывались. Тогда Тучков, схватив знамя и обернувшись к своим пехотинцам, крикнул: «Ну что же вы, ребята, трусите? Тогда я один пойду!» – и ринулся вперед. Но успел сделать только несколько шагов... Между тем гибель любимого командира словно вернула поредевшим полкам былые силы. Атака, стоившая жизни генералу Тучкову, была отражена, а французы выбиты из флешей.

Наполеон, обескураженный тем, что русские не только держат оборону, но и постоянно атакуют, бросил на этот клочок земли дивизию за дивизией. А Багратионовы флеши, словно жернова, перемалывали их одну за другой. Французский генерал Пеле впоследствии писал о защитниках флешей: «Посреди открытой местности и картечь нашей артиллерии, и атаки нашей кавалерии и пехоты наносили им огромные урон. Но пока у них оставалось хоть сколько-нибудь силы, эти храбрые солдаты снова начинали свои атаки».

В 11 часов 30 минут французы начали свою очередную атаку. Фамилии генералов, брошенных на полуразрушенные уже флеши, не называются в рекомендациях: Даву, Ней, Жюно, Мюрат. Их поддерживало огромное количество артиллерии – более 400 орудий, почти половина из того, что Наполеон имел при Бородине. Численный

перевес был на стороне французов. «Наши дрались как львы: это был ад, а не сражение... Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо, иззубренные палаши ломались в куски, пули сновали по воздуху и пронизывали насквозь, – писал участник сражения. – И над этим полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма... ревели по стонущим окрестностям огромные батареи».

Если читать подобные описания без торопливости, даже самое вялое воображение способно вполне зримо воспроизвести эту ужасную сечу под полуденным августовским солнцем. И тогда веришь всем запечатленным очевидцами деталям: и тому, что конница не могла передвигаться из-за груд тел, громоздившихся друг на друге, и тому, что земля устала впитывать кровь, и тому, что здесь уже не было никаких различий между князьями и холопами, начальниками и рядовыми – десятки тысяч людей «один на один с бешенством отчаяния» дрались штыками, прикладами, тесаками, камнями, кулаками, дрались до последнего дыхания.

Во время этого боя осколком гранаты был смертельно ранен князь Багратион, возглавлявший контратаку русских. Весть об этом ввела защитников флешей, а затем и всю армию в настоящий шок. И это могло кончиться катастрофой. Кутузов, понимая это, послал на замену прежнему командующему генерала Д. С. Дохтурова, того самого, который играл в бостон накануне битвы. «... В пожар и смятение левого крыла, – писал Ф. Глинка, – въехал человек на усталой лошади, в поношенном генеральском мундире, со звездами на груди, росту небольшого, но сложенный плотно, с чисто русскою физиономией, и посреди смертей и ужасов разъезжал спокойно».

Василий Верещагин. «Наполеон на Бородинских высотах». 1897

Недаром Дохтурова называли «железным». Кутузов знал, кого посылает к обезглавленному, измученному войску. «Рекомендую Вам держаться до тех пор, пока от меня не последует повеление к отступлению». И Дохтуров, которому было отказано в подкреплении, держался. Он сумел под непрекращающимся огнем отвести войска на выгодные позиции, не дав французам разорвать русский фронт даже при оставлении флешей.

Батарея Раевского

С трех часов пополудни внимание французов сосредоточилось на Курганной высоте с находящейся на ней батареей Раевского. Наполеон понимал, что, пока она не будет взята, ни о какой победе

над русскими думать не приходится. Теперь все силы были брошены на этот редут, штурмовавшийся буквально безостановочно.

Когда артиллеристы генерала Костенецкого расстреляли все боеприпасы и французы окружили батарею, он возглавил рукопашный бой. Неприятеля было вдесятеро больше. Генералу – богатырю двухметрового роста – перед войной специально «по руке» выдали огромный палаш из арсенала Оружейной палаты. Но, когда и это оружие разлетелось на куски, Василий Григорьевич схватил банник – палку с утолщением на конце, которой досылали ядро в дуло пушки. Размахивая им, как палицей, генерал врезался в самую гущу врага, увлекая за собой артиллеристов с тесаками. Напор был такой, что эскадрон противника повернул обратно. За свой

подвиг Костенецкий был повышен в чине, награжден Георгиевским крестом и золотой шпагой за храбрость. Удача того рукопашного боя подала ему идею заменить деревянные банники металлическими, чтобы в случае надобности применять их для оборонительных целей. Александр I, прочитав этот проект, вернул его автору с припиской на полях: «Нетрудно ввести железные банники, но где я возьму столько Костенецких?..»

А тем временем среди разрушений, огня и дыма, где, казалось, не оставалось места ничему живому, Курган не переставал сопротивляться.

Превосходство противника было многократным. Командир пехотинцев, защищавший батарею Раевского, генерал П. Г. Лихачев, увидев, что из всей дивизии в живых

остался он один, бросился на неприятельские штыки, желая разделить общую судьбу. Но французы, заметив генеральский мундир, оставили израненного Лихачева в живых, хотя на Курганной высоте ни те, ни другие в плен уже никого не брали. Лихачев выжил и даже был представлен Наполеону. Наслышанный о мужестве «достойного воина», император собственноручно попытался вернуть тому его шпагу, но генерал отказался принять оружие из его рук...

После захвата батареи французами, оставшиеся в живых отошли за Курган на расстояние пушечного выстрела и встали насмерть, готовясь принять и выдержать последовавший удар неприятельской конницы. И дальше враг продвинуться не смог! Уже спускалось солнце, а в центре русской позиции все еще шли жесточайшие бои.

Но с этого момента активные действия французов стали постепенно стихать. Теперь они под огнем все еще «говоривших» с высот русских пушек отходили на исходные рубежи...

Кутузов отписал в Петербург, что «неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами».

Этот этап борьбы на Бородинском поле истребил «такое чудовищное количество отборных французских войск, что и маршалы, и Наполеон явно увидели, до какой степени невыгодно вконец положить тут же, на одном только этом участке фронта, все лучшие силы, без которых нельзя будет целесообразно использовать конечную победу, даже если и удастся ее удержать».

После сражения

Ночной осмотр Бородинского поля произвел на Наполеона ошеломляющее впечатление. Объехав

позиции русских, император увидел, что сдвинуть их с места при всех адских усилиях его армии практически не удалось. Впору было спросить самого себя: «Где моя армия, поставившая на колени Европу? Почему все случилось не так, как было задумано?» Хорошо еще, что он устоял перед искушением пустить в ход гвардию – свой последний резерв.

... Когда при Березине карета со всеми вещами и бумагами маршала Бертье попала в руки казаков, то среди разных документов был найден приказ, отданный Наполеоном поздним вечером 26 августа. Вот его текст:

«Французы!

Вы разбиты! Вы позволили покрыть себя бесчестьем и позором. Только одною кровью русскою вы можете смыть это пятно! Через два дня я вновь дам сражение, еще более кровопролитное, нежели вчера. Пусть погибнут в нем трусы, я хочу командовать только храбрыми.

Наполеон».

Но это было невозможно. Пороха и пуль у солдат Наполеона оставалось всего на несколько залпов, и пополнить запасы в течение двух дней он никак не смог бы.

... Поначалу французы были настолько измотаны, что даже не преследовали русские полки, отходившие к Можайску. Печать трагизма для русских на этот отход, несомненно, накладывало то обстоятельство, что транспорт для раненых, о котором Кутузов столько раз молил градоначальника Москвы графа Ростопчина, прибыл слишком поздно. Тысячи еще живых, но искалеченных так и остались лежать на Бородинском поле.

Но уже в полдень 27-го маршал Бертье приказал авангарду Мюрата преследовать русских, остановившись в 7–8 верстах от Можайска. Поняв, что французы организовали

погоню, Кутузов поставил перед казачьим атаманом Платовым задачу: занять позицию перед городом и удержать врага. Но Платову не удалось выполнить задание до конца. А потому из-за скорого отступления из Можайска эвакуация раненых из города была крайне затруднена. Опасение принять навязанный бой в городе заставило русскую армию быстро продолжить марш к Москве. Тяжелораненых, в особенности с ампутированными ногами, пришлось оставить в Можайске. Француз-офицер Цезарь Ложье отмечал, что «город был буквально запружен ранеными, их было до 10 000». Эта цифра фигурирует и в других документах. И. П. Липранди, настаивая на том, что раненых было все-таки меньше, отмечал: «Они почти все погибли, не только от неимения помощи, но и с голоду, которому подвергались и французы».

Жуткая картина предстала перед французским врачом Де ла Флизом. Он записал, что в поле, примыкавшем к городским садам Можайска, возвышалась пирамида трупов – до 800 тел, собранных по распоряжению коменданта города для сожжения. «Тут были русские и французы», – утверждал он.

... Между тем Бородинское поле оставалось в том самом виде, каким застала его ночь после битвы. Только стон утих – раненые превратились в мертвых. «В этом могильном запустении лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы», – писал Ф. Глинка.

Боясь по весне вспышки эпидемии, власти решили приступить в расчистке поля. Если верить А. И. Михайловскому-Данилевскому, земля Бородинского поля приняла тела и пепел 58 521 человека. Лошадиных трупов насчитывалось 34 472.

Когда Наполеон вошел в Москву, то вместо осеннего листопада он

Франц Рубо. Панорама «Бородинская битва». Фрагмент «Битва во ржи». 1912

вынужден был наблюдать огненный смерч, в котором, заблудившись в лабиринте улиц, он едва не сгорел сам. Солдаты, посылаемые за провиантом в близлежащие деревни, возвращались без него или не возвращались вовсе. На глазах у императора армия превращалась в скопище мародеров. И что хуже всего, местность вокруг Москвы полностью контролировалась партизанами.

Наполеон чувствовал себя в мышеловке, которая вот-вот захлопнется. Он не мог не понять, что эхо Бородина догонит его везде на этой земле. И Москва была тому лишним доказательством. Покинув столицу, он отступал по разоренной Смоленской дороге.

Бородинское сражение, которое Наполеон назвал «битвой гигантов», осталось в его памяти как нечто роковое, над чем его воинский гений был не властен. Сосланный на остров Святой Елены, он возвращался памятью к своим пятидесяти баталиям и утверждал, анализируя их ход и итоги: «Самым ужасным было то, которое я дал под Москвою. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские стяжали славу быть непобедимыми».

Император французов, а за ним и его соотечественники всегда называли событие 26 августа не иначе как «битвой под Москвой». Слово «Бородино» они так и не выучили...

Впрочем, на больших картах мира и нет такого названия...

Предзнаменование

Во всей огромной массе людей был человек, для которого слово «Бородино» было полно особого трагического смысла.

Александра Тучкова, одного из пяти братьев-генералов русской армии, называли Тучковым Четвертым. Романтический красавец «со станом Аполлона», склонный скорее к научным занятиям и литературе, он тем не менее еще подростком был зачислен в артиллерию: Тучковы испокон веков носили мундир.

В одном из московских домов, еще будучи полковником, Тучков увидел женщину, без которой вскоре не представлял своей жизни. Маргарита Ласунская, урожденная Нарышкина, измученная неудачным браком, тоже полюбила его. Маргарита добилась развода, ее родители же категорически отказали посватавшемуся Тучкову. Только через четыре года Маргарите и Александру все-таки удалось пожениться.

Словно предчувствуя, сколь недолгим окажется их счастье, Маргарита сопровождала мужа во всех походах, переодевшись в мужской костюм. В 1811 году в дороге у Тучковых родился сын Николай. Перед началом войны полк Тучкова, уже генерала, был расквартирован в Минской губернии. Когда они отступали к Смоленску и стало ясно, что здесь будет «дело», Александр посадил жену и сына в карету и отправил домой, в Москву.

А незадолго до этого приснился Маргарите странный сон. Она видела себя в незнакомом городе, на стенах которого, куда бы она ни бросила взгляд, появлялась сочащаяся кровью надпись: «Твой муж пал в Бородино». Маргарита в ужасе разбудила мужа. «Бородино, Бородино – где это?» Чтобы успокоить жену, Александр взял карту, и с зажженной свечой в руке они тщетно искали это название. «Это, наверное, в Италии, Маргарита. А мы с тобой в России. Не волнуйся и спи...»

Храм на крови

В те дни, когда Бородинское поле только начинали расчищать, произошла история, облетевшая Россию. Маргарита Тучкова решила искать тело мужа там, где он погиб, на Бородинских флешах. И вот, приехав под вечер в Можайск, Маргарита попросила одного из монахов местного Лужецкого монастыря сопроводить

ее на Бородинское поле. Напрасно уговаривали ее дождаться рассвета. Взяв фонарь, они отправились на поиски. Монах шел вслед за вдовой, кропил воинов святой водой и творил заупокойную молитву, таким самым простым образом отпевая тех, кому было отказано во всем: в помощи, в последнем причастии и даже в погребении.

Тела мужа Тучкова не нашла. Но Бородино сделалось тем местом, куда невидимая сила гнала ее постоянно. И она этой силе не сопротивлялась. В 1816 году она написала Александру I: «Потеряв обожаемого мною супруга на поле чести, я не имела даже утешения найти останки его». Признавалась, что ее терзает мысль об отсутствии могилы, и просила разрешения «соорудить храм на том священном месте, где пал супруг».

Разрешение было получено. Тучкова продала свои драгоценности, царь помог деньгами, и в 1820 году был построен Спасо-Бородинский храм. С тех пор каждый год 26 августа (7 сентября по н. ст.), в этот скорбный для России день, по примеру Маргариты Тучковой служили панихиду по всем убиенным. В 1826 году Маргариту Михайловну постигло еще одно горе: она потеряла сына. Теперь для нее в мире уже ничего более не существовало. В 1836 году М. М. Тучкова приняла постриг, а с 1840-го стала игуменьей Марией первой настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря. Позже, уже при императоре Николае I, игуменья Мария начала строить большой собор во имя иконы Владимирской Божьей Матери, день которой отмечается 8 сентября.

Поле памяти

Бородинское поле могла постигнуть печальная судьба. Кое-где уже начали срывать укрепления,

засыпать рвы, приспособлявая землю под обычные нужды.

На счастье, в дальнейшую судьбу этой земли вмешался император Николай I. За 150 тысяч рублей он выкупил у частных владельцев село Бородино и его земли.

В 1837 году на месте батареи Раевского состоялось торжественное открытие Бородинского монумента, главного памятника павшим воинам.

Неподалеку соорудили жилище для солдат-ветеранов. Им вменялось в обязанность ухаживать за монументом и могилами похороненных на поле, встречать посетителей и отвечать на их вопросы. Так в Бородине появился военный музей.

В том же году в день Петра и Павла у подножия монумента были захоронены останки князя Багратиона. А в августе 1837 года 25-летие со дня битвы при Бородине впервые отмечалось на государственном уровне с размахом, которому уже не суждено было повториться. В нем принимали участие вся романовская семья, министры, генералитет, духовенство, более двухсот участников Бородинской битвы, иностранные гости и колоссальное количество войска – 150 тысяч человек!

Среди особ, стоявших на самом почетном месте у подножия монумента, находилась и вдова генерала Тучкова.

Очевидец этих торжеств поэт В. А. Жуковский писал: «Утро Бородинского праздника было так же ясно, как утро Бородинского боя... Явился Государь, проскакал мимо колонны; грянуло повсеместное “ура”, и вдруг все утихло: тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движения, ни шороха, как будто бы мертвые вышли из праха и, став в строй с живыми, вселили в них свое неземное спокойствие».

Император скомандовал: «На молитву». 150-тысячное войско опустилось на колени...

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

Поздравляя читателей с новым временем благословений от Бога, постоянный автор «Русской мысли», настоятель Никольской церкви во французском городе Тулуза отец Августин Соколовски делится своими размышлениями о святых, чья память празднуется в начале осени

Первое сентября – начало учебного года. При этом даже среди людей церковных мало кто помнит, что в Церкви, причем не только в Православии, но и у римо-католиков, 1 сентября – это начало нового церковного года, который в православном богослужении называется Летом Господним.

Мученик Андрей Стратилат

В 1591 году на окраинах Москвы русское войско успешно отразило последнее в истории нашествие крымского ханства на столицу. Войска находились друг против друга, а центр сражения проходил на месте, где вскоре в благодарность был воздвигнут монастырь в честь святого Андрея Стратилата на Воробьевых горах. Победа была одержана в день его памяти. В настоящее время в Андреевском монастыре расположены важные синодальные отделы Русской Церкви, Синодальная библиотека, а также главная православная радиостанция «Радио Вера».

В первый день осени Православная Церковь празднует память мученика Андрея Стратилата. Точное время жизни Андрея Стратилата неизвестно. Предполагается, что он пострадал за веру во времена римского императора Максимиана (284–305). Греческое слово «стратилат» переводится как «командующий армией». Житие говорит,

что Андрей был язычником, но, как это нередко было в римском войске, чрезвычайно доверял Иисусу. В момент опасности, когда ему и находившемуся у него в подчинении отряду было поручено преследовать неких «персов», чтобы вступить с ними в бой, он призвал солдат надеяться на Христа. Победа была одержана. Но вместе с почестями на военных донесли, что они исповедовали Распятого.

И тогда Андрей развернул свою маленькую армию в сторону Тарса Киликийского, родины апостола Павла. Этот регион был уже христианизирован, и Андрей надеялся удостоиться там крещения. После крещения Андрей и его отряд сложили оружие, чтобы не вступать в бой со своими братьями, которые были присланы языческим командованием для расправы. Если Андрей действительно жил при Максимиане, то он был современником святого мученика Маврикия, пострадавшего за отказ сражаться против своих братьев в Гельвеции (будущей Швейцарии).

Ранняя Церковь прославляла своих святых не за героизм, но за святость. О различии между этими двумя характеристиками пишет в своем труде «О Граде Божьем» святой Августин. Так, по Отцу Церкви, древние римляне были героями, но были они и весьма порочны. Андрей Стратилат прославлен Церковью не за воинскую доблесть, а за благовестие Евангелия среди сослуживцев и готовность

пострадать за веру. Так исполнилась евангельская заповедь: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн 15:13).

Святой Андрей Стратилат был небесным покровителем русского писателя Андрея Платонова (1899–1951), стихам и прозе которого об осени свойственна особая меланхолия. «Много в жизни сумрачной тревоги, // Много бед несут с собою дни. // Под дождем осенние дороги, // Тяжело ходить по ним», – писал он в своем стихотворении «Иван да Марья».

Как и все русские люди до революции 1917 года, Платонов был крещен. Но еще в юности он «уверовал» в большевизм, а в своих произведениях утверждал, что большевиком был Сам Иисус и ни в коем случае нельзя отдавать Его «церковникам». Лишь в конце своей недолгой, но полной скорби жизни писатель стал возвращаться в Церковь и просил близких за него молиться. Писатель ухаживал за своим сыном, больным туберкулезом, заразился сам и умер. В пересчете на современный календарь он родился 28 августа, то есть на Успение, а скончался 5 января перед Рождественским Сочельником, как если бы для поэтов история спасения жила в обратной последовательности.

«Но в глухую, гибнущую осень // Скорбно и навеки можно полюбить: // Зеленеют ведь зимою сосны – // Круглый год необходимо

жить», – писал в том же стихотворении Платонов.

Память святого мученика Андрея – это и долг вознести молитву о вечной памяти писателя.

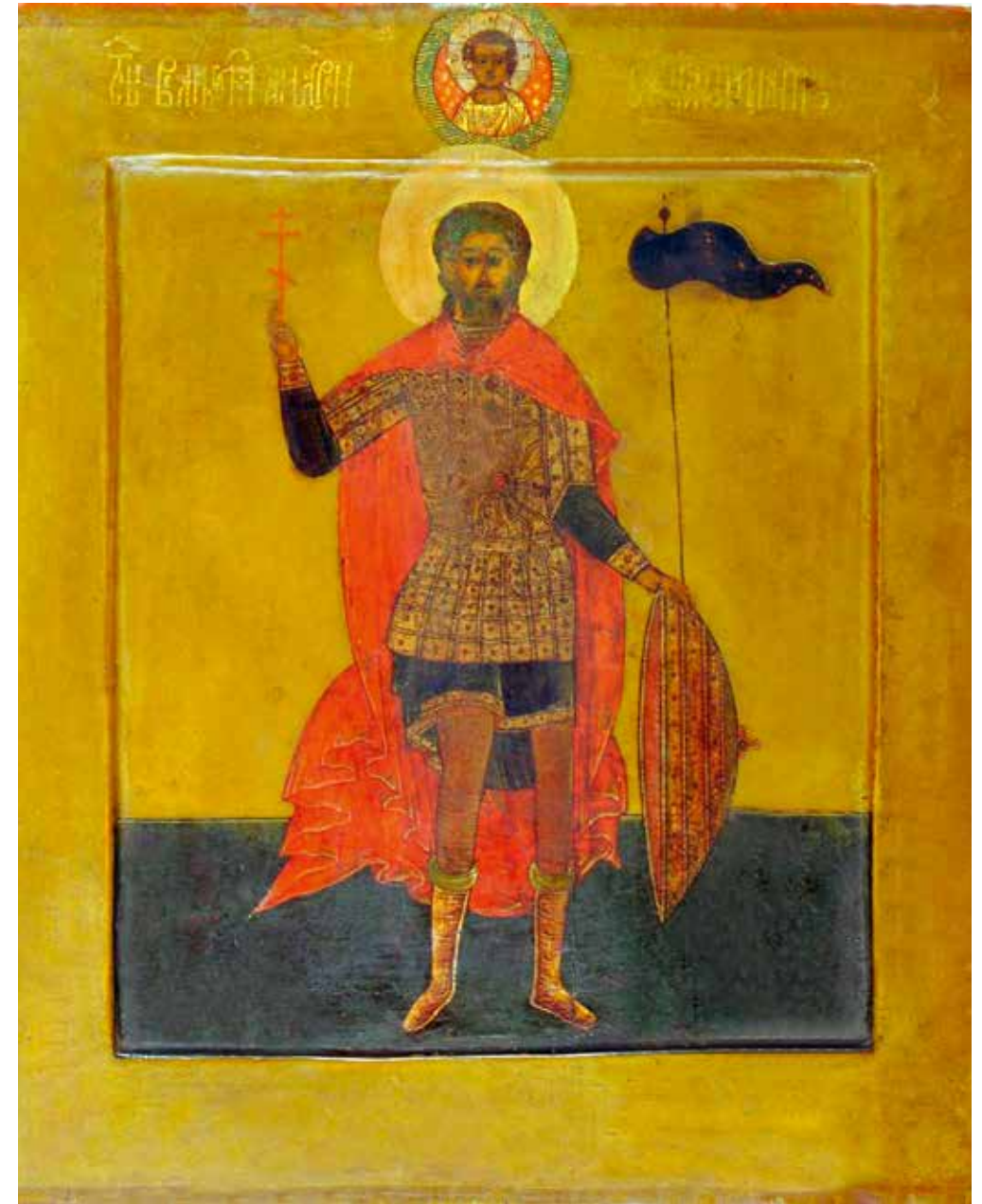
Святость третьего сентября

3 сентября церковь празднует память святой Вассы Эдесской. Святая Васса пострадала за Христа в правление в правление римского императора Галерия на рубеже III и IV веков..

Греческий город Эдессу, из которого происходила Васса, следует отличать от знаменитой сирийской митрополии, древней столицы Нерукотворного Образа Спасителя. Примечательно: в тот же самый день, что и память святой Вассы, Церковь празднует память Апостола от 70-ти Фаддея, с именем которого древняя традиция связывает историю Нерукотворного Образа и проповедь Евангелия в сирийской Эдессе. Возможно, что это не совпадение, а следствие того факта,

что составители древних месясловов ошибочно отождествили две разные Эдессы и приурочили память Апостола к памяти Вассы Эдесской, как если бы они были все из одного города. Об этом косвенно свидетельствует и служба Апостолу и Мученице, которая в богослужбной минее является совместной.

Вместе со святой Вассой пострадали ее сыновья Феогний, Агапий,

Мученик Андрей Стратилат. Икона XVII века

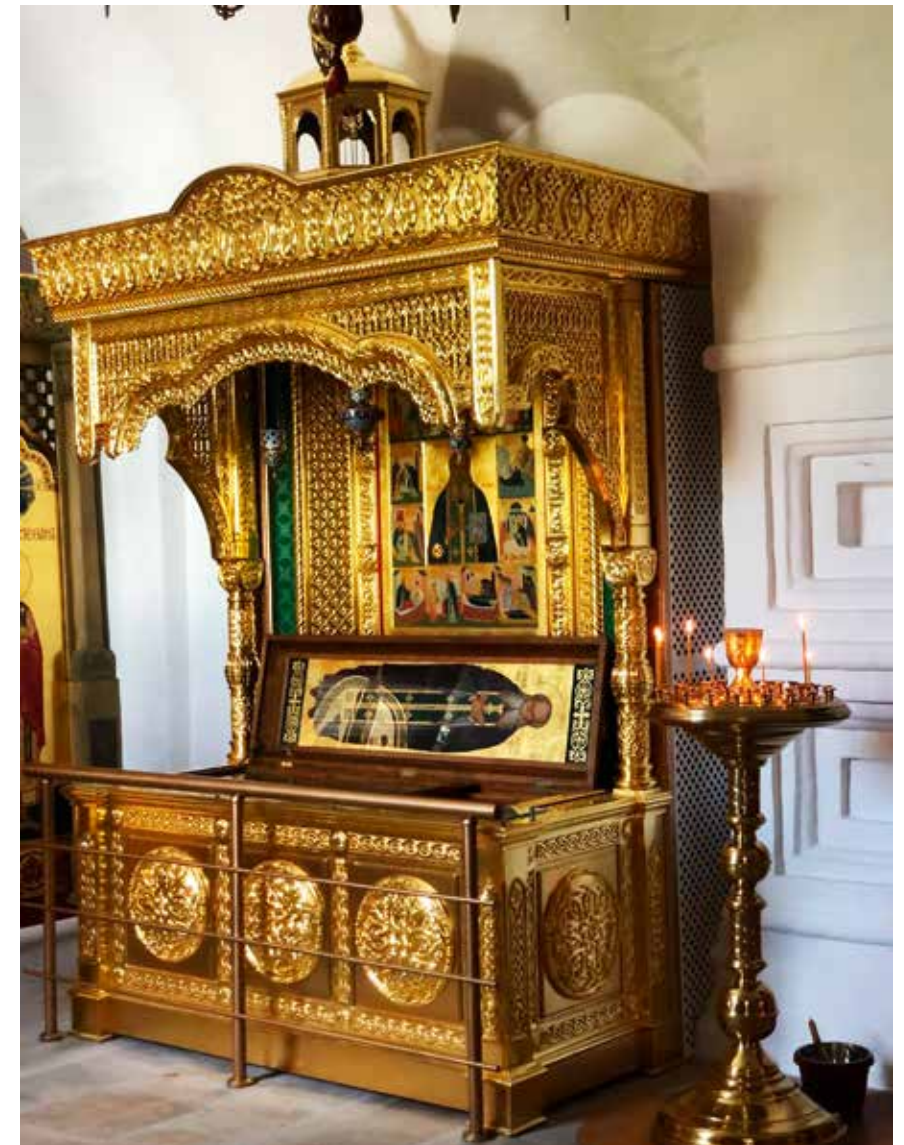
и Пист. Память святых мучеников, матери и ее сыновей – пример ранней христианской семейной святости, а также, что прискорбно, пример человеческого предательства. Васса была женой языческого жреца по имени Валерий, который выдал ее и своих собственных сыновей язычникам.

Святые были арестованы, подвергнуты уговорам, пыткам и мучениям.

В надежде, что Васса уступит при виде страданий собственных детей, язычники вначале расправились с сыновьями. Мучения их были тяжкие. В итоге всех троих обезглавили. Словно желая отомстить за каждого ребенка, воспитанного в христианской вере, язычники подвергли святую Вассу кровавой триаде мучений: ее жгли огнем, травили дикими животными, затем бросили в море.

Надвратная церковь Андрея Стратилата в московском Андреевском монастыре. 1675

Рака с мощами преподобного Аристоклия в храме великомученика Никиты Афонского подворья, Москва

тебя, Слава прославившему тебя, Слава дарующему тобой всем исцеления», – говорится в тропаре мученикам.

В русской современной минее есть служба святым мученикам, но, к сожалению, этого тропаря в ней нет, что является косвенным свидетельством скромности празднования. 30 сентября Церковь празднует память святых мучениц Веры, Надежды и Любви и их матери Софии. Святая София и три ее дочери гораздо более известны,

чем Васса и ее трое сыновей. Память мученицы Вассы и ее сыновей праздновалась на греческих островах Мраморного моря, где, по преданию, они пострадали. После Малоазийской катастрофы 1922 года и изгнания греческого населения с прежних византийских территорий в Азии там больше нет христианского присутствия. Как писал наш современник епископ Василий Кривошеин, цитируя греческую пословицу, «у бедного святого нет славословия».

Проходивший мимо корабль спас ее. Возможно, это было «обычное» человеческое спасение, возможно – сверхъестественное явление. Агиографы полагали, что спасшие святую были Ангелами, а Никодим Святогорец верил, что это были ее сыновья. В апофеозе своей небесной славы они явились своей матери в знак благодарности и для укрепления.

Еще во время допроса святая обрушила языческого идола Зевса, но настоящим апогеем мученического свидетельства стало ее возвращение из мертвых. Подобно Господу Иисусу в Евангелии, Который не пытался избежать Крестной муки, о чем провозгласил на Тайной Вечери в установлении Таинства Евхаристии как печати и знамения добровольности Своего страдания и нашего спасения, святая Васса вернулась к своим палачам. Спустя восемь дней, когда язычники окончательно посчитали ее погибшей в морской пучине, она вновь предстала перед судом. В божественном провидении это был шанс на покаяние, исправление и обращение. Но в отличие от Апостола Фомы, который на восьмой день уверовал во Христа через прикосновение к Его ранам, в будущее доказательство того, что Тело и Кровь Христовы в Евхаристии служат источником веры, греческие язычники посчитали святую Вассу призраком. Они долго били беззащитную женщину палками. Словно убедившись в своем языческом безумии, что Васса «не дух, но плоть», они ее обезглавили.

«Ты стала матерью прекрасных детей, о победоносная Васса. Плоды чрева твоего ты принесла Троице. Благодаря твоему слову Феогний, Агапий и Пист мужественно подвизались и стали участниками славы. Спасай тех, кто взывает к тебе: Слава Венчавшему

Святые Афанасий и Анфуса

«Я видел пределы всякого совершенства, но Твоя заповедь обширна безмерно», – говорится в самом продолжительном из псалмов (118:96). Отцы Церкви видели в этих словах указание на возможность удивительного разнообразия в правильном исполнении одной и той же заповеди. Святой Афанасий Тарсийский исполнил заповедь Христа о «жизни, отданной за друзей своих» (Иоанн 15:11) «мирным путем», через проповедь Евангелия. Вместе с Афанасием почитается святая Анфуса.

Имя Афанасий означает «бессмертный». Поэтому неудивительно, что оно было весьма популярно среди христиан, которые не только были убеждены в вечности души (в это верили и язычники), но и ожидали всеобщего «воскресения плоти», как об этом предельно реалистично говорится в Символе Веры Святых Апостолов.

Память мученика Афанасия Тарсийского, названного в таком уповании на бессмертие, празднуется Церковью 4 сентября. Святой был епископом древнего города Тарса и пострадал за Христа при императоре Аврелиане (270–275). Причиной убиения святого Афанасия послужило крещение им Анфусы, юной девы весьма богатого происхождения из города Селевкии.

Анфуса была язычницей, но в видении ей предстал некий человек Божий, с которым ей надлежало встретиться. Позже ее родители обсуждали между собой некоего христианского проповедника, который обращал ко Христу множество людей и, что самое важное, подкреплял свою проповедь множеством чудес и исцелений. Пораженная таким совпадением видения и слухов, сверхъестественного и повседневного, Анфуса отправилась на поиски благовестника. Найдя его, она

просила о наставлении в вере. Святой Афанасий крестил ее и сопровождалших ее телохранителей с именами Неофит и Харисим.

Краткое житие святого Афанасия (а помимо этого эпизода мы ничего о нем не знаем) – пример исполнения заповеди Иисуса в Евангелии «о том, что нет больше той любви, как если кто отдаст душу свою за друзей» (Иоанн 15:11). Он мог еще долго проповедовать среди простых людей. Языческие власти знали, что корпорация жрецов и невежество толпы рано или поздно сами расправляются с христианскими проповедниками, а потому часто просто не вмешивались в их деятельность. Но крещение благородной особы, каковой была Анфуса, означало для христианского епископа в данном случае неминуемую смерть. Ведь языческие власти тогда реагировали оперативно и агрессивно. В обращении в христианство знатных и знаменитых они видели огромный вызов. Свидетельство таких обращенных было очень велико. Именно поэтому Церковь именвала мучеников царского и весьма знатного происхождения «великомучениками». Так Афанасий сделал свой выбор.

Почти одновременно со святой Анфусой и, по-видимому, в том же регионе, пострадала за Христа другая святая Анфуса. Скрывая свое знатное происхождение, она одевалась в грубую и ветхую одежду, создавая тем самым один из прототипов будущего юродства во Христе, которое станет подвигом многих святых. Умученная вместе со своими двенадцатью слугами, она была помещена в колодец, где и скончалась. Богослужебные календари именуют ее Анфусой Младшей, или Новой, а память празднуется 9 сентября. Именно по отношению к ней святую Анфусу, крещеную Афанасием, называют Анфусой Старшей, или Анфусой Селевкийской. Греческое имя Анфуса (в современной

транскрипции – Анфиса), которое переводится как «цветущая», было весьма популярно в прошлом столетии.

Афанасий был подвергнут жесточайшим пыткам розгами и дыбой, а затем обезглавлен. Краткая история его долгих страданий сохранилась в составе жития святой Анфусы. Словно бы в благодарность за свое обращение и крещение, святая передала Афанасию, бессмертному по имени и его мученическому подвигу, «литературное» бессмертие агиографии и церковное почитание. При этом житие самой Анфусы настолько схоже с житием другой знаменитой святой того времени, мученицы Пелагии, что не ясно, какое из них могло послужить прототипом другому.

В честь святой Анфусы была названа мать великого Отца Церкви Иоанна Златоуста, которая в современном православном благочестии почитается во святых. Существует образ, изображающий мать Василия Кесарийского Эмилию, мать Григория Богослова Нонну, мать святого Августина Монику и мать Иоанна Златоуста Анфусу на одной иконе. Память святого Афанасия Тарсийского, Анфусы Селевкийской, мучеников Харисима и Неофита празднуется совместно. Таковы примеры Общения святых в жизни и смерти, в церковной памяти и за пределами истории.

Аристоклий Московский

Старец Аристоклий Московский родился в 1846 году в Оренбурге и отошел ко Господу в 1918. Он был семейным человеком, но овдовев, отправился спасаться в Грецию и провел большую часть своей подвижнической жизни на Афоне. Но именно Москва стала тем местом, где, по неисповедимому замыслу Божию, ему было суждено принести людям величайшее благо

в служении. Воспоминания современников свидетельствуют о даре духовного совета и старчества, которыми обладал святой, о силе его молитвы, которая однажды вернула зрение слепому. Старец словно разминутся во времени и пространстве с другими праведниками той эпохи. Амвросий Оптинский и Иоанн Кронштадтский были старше его, а Патриарх Тихон и даже Силуан Афонский – моложе.

Господь, очевидно, хранил святого Аристоклия на протяжении всей его жизни. В конце XIX века он был настоятелем Русского Афонского подворья в Москве, но затем был отозван. Таким образом, Первая русская революция 1905 года не коснулась его – он оставался на Афоне. Затем, буквально накануне споров о почитании имени Иисуса на Святой Горе, Аристоклий был возвращен в Москву. Так он избежал драматических событий, разразившихся на пороге Первой мировой войны, которые привели к массовому изгнанию русских монахов с Афона.

Вскоре после захвата власти в России большевиками, Господь призвал Аристоклия к Себе. Накануне разорения Афонского подворья в 1923 году верующие пророчески настояли на перезахоронении старца на Даниловском кладбище. Так, промыслительно, мощи его сохранялись для будущего прославления. 6 сентября 2004 года состоялась его канонизация. Господь удивительным и бережным образом хранил Своего угодника, чтобы тот мог хранить и оберегать других. Святой Аристоклий – икона благодетельного дара духовного совета и делания добра в смиренной тишине вопреки всяческим переменам своего времени.

Собор Московских Святых

В воскресенье перед 11 сентября Русская Церковь празднует Собор

Икона «Собор Московских Святых», начало XX века

Московских Святых. Этот праздник часто совпадает с Днем Города. Первым по времени канонизированным московским святым считается митрополит Русской Церкви Петр. Он родился в 1260 году и в 1308-м был избран митрополитом. В 1325 году, по удивительному совпадению, спустя ровно тысячу лет после Первого Вселенского Собора в Никее, он избрал местом своего пребывания Москву. Будущая столица тогда была единственным большим городом на Руси, где не было своего епископа. По канонам Древней Церкви двух епископов в одном городе быть не должно. Это было совершенно пророческое

решение, которое, без преувеличения, не только обусловило возвышение Москвы, но и предопределило ход последующей русской истории. Спустя всего год Петр отошел ко Господу и был погребен в стене первоначального Успенского собора. 6 августа празднуется перенесение мощей святого Петра во вновь построенный Успенский собор, которое состоялось в 1479 году.

Спустя многие столетия именно в этот осенний день памяти святого Петра старец Аристоклий отошел ко Господу. Если Петр стал первым по времени московским святым, то Аристоклий – одним из последних.

В НАЧАЛЕ БЫЛ CHANSON...

«Русская мысль» начинает публикацию очерков об истории французской песни

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Французская песня – особый род искусства. Какой? Однозначного ответа не существует. Это и очаровывающая вас мелодия, и настоящая поэзия, и поистине неповторимый шарм исполнителя или исполнительницы... Иными словами: шансон всегда шансон! Ведь не зря утверждал Пьер-Огюстен Карон де Бомарше, что все в жизни кончается песней.

Искусство, открытое всем, или Эссе о шансоне на все времена

Для начала несколько смысловых уточнений, дабы избежать в дальнейшем двусмыслицы и недоразумений. Так уж произошло (и не будем искать ответственных), что, как и в известном романе Джорджа Оруэлла «1984», многие понятия о песне приобрели в России совсем иные, если не противоположные, значения. Как и почему это получилось – отдельный разговор. Меня же больше интересует, что надо сделать, дабы в этом эссе, как говорят французы, «кошка называлась кошкой». Другими словами: чтобы вещи носили собственные, а не чужие имена.

Итак, начнем с понятия «шансон», приобретшего на российских просторах – будем искренними – откровенно блатной характер. Непроста один из блогов любителей французской песни стыдливо окрещен: «Шансон в лучшем смысле слова». И все потому, что другой блог, надо признаться, более популярный, называется «Шансон для братвы». В музыкальных словарях

толкование понятия «шансон» дается весьма конкретно. Это слово, применяемое к самым различным историческим и жанровым видам французской песни. Как точно напишет гамбургский «Штерн»: «Французы подчас не делают разницы между политическими новостями и шансоном. Шансон был и остается во Франции политическим и социальным явлением первой величины. Этот жанр – самое верное отражение настроений народа». Добавлю только: доступность песни для восприятия вовсе не снимает серьезности ее разговора со слушателями.

Определимся и с понятием «бард». У древних кельтов, заселявших две тысячи лет назад и далее в глубь времен огромные пространства Европы (от Шотландии до Карпат), существовала особая каста жрецов. Барды – жрецы-сказители, хранившие и устно, в песне, передававшие из поколения в поколение кельтский фольклор и рассказывавшие о «делах давно минувших дней». Это была замкнутая, весьма почетная каста священнослужителей, а заодно и летописцев... То есть вовсе не авторы-исполнители в джинсах и с гитарой, как сейчас представляют бардов на российских просторах. Да простит меня любимый мной когда-то автор-исполнитель Юрий Визбор (кажется, с его легкой руки было запущено понятие «бард» после появления в СССР в 60-е годы радиопередачи о «бардах и менестрелях»). Барды – это священнослужители из касты друидов. Называть же увеселительное

заведение «бард-кафе», как это широко практикуется в наших городах, – мягко говоря, некорректно. Это все равно что устраивать дискотеку в синагоге.

И еще о неправильном употреблении на российских пространствах термина «шансонье». Даже в солидных словарях в лучшем случае пишут: «шансонье – французский певец, исполнитель жанровых песен в “монмартрском” стиле, часто автор их слов и музыки». Во-первых, кто объяснит простым смертным, что такое «монмартрский стиль»? Почему не монпарнасский или не сен-жерменский, не говоря уже о Латинском квартале? Исторических кварталов с кабаре, кафе-театрами и прочими заведениями, где по вечерам не только пьют, но еще и поют, в Париже не счесть. Причем в самых разных «арондисманах», по-нашему – округах...

Во-вторых, далеко не каждый французский певец во Франции, даже если он и автор-композитор-исполнитель (термин громоздкий, зато точный), является шансонье. Обратите внимание: я четко определил только «нежной Францией» географические границы явления. Ибо во французской Канаде и Америке – в Квебеке и Луизиане, Манитобе и Акадии – термин «шансонье» употребляется по отношению к любому певцу. Но мы-то с вами говорим сейчас прежде всего о Франции. Кстати, «шансонье» во Франции еще называют средневековые манускрипты, объединяющие профанские песни. То есть сочинения на нерелигиозные темы, пусть и имеющие авторов, но ставшие народными. Самый известный

из фолиантов «шансонье» – так называемый «Королевский манускрипт». В нем собраны шесть сотен песен конца XII и начала XIII века. Создание этого монументального песенника приписывается Карлу Анжуйскому, королю Сицилии и брату французского монарха Людовика IX.

Но вернемся к поющим шансонье. Во Франции «шансонье» называют артистов, исполняющих политические манифесты (кстати, таких сегодня очень мало), или артистов, выступающих в юмористическом и сатирическом стилях. Синонимом обычно идет слово «юморист». Для их спектаклей существуют специальные кабаре, кафе-театры и «поющие кафе» – «кафешантаны», которые и носят соответствующие жанру названия. Скажем, «Два осла» в районе площади Клиши, где смехачи и куплетисты специализируются на политических куплетах и пародиях, чем-то напоминающих стародавние «мазаринады». Или «Мадам Артюр», что у подножия Монмартра, где под началом сладкоголосого толстяка Мишу, несколько лет назад покинувшего земную юдоль, выступали в ярком макияже и в женских нарядах весьма своеобразные представители некогда сильного пола... Серьезных же певцов во Франции называют «шантёр» – «певец». Звучит гордо!

«Никак не пойму, почему в России меня называют “шансонье”, – удивлялся как-то в разговоре со мной Шарль Азнавур, помнящий с детства русский язык в той степени, чтобы чуть понимать его. – Я никогда в жизни поводов для этого не давал. Напротив – всегда старался писать настоящие песни».

«Настоящие» песни – это песни смысловые, не обязательно серьезные, но непременно с содержанием. Как говорят во Франции, «песни с текстом». А как же

Портрет Карла I Анжуйского работы Анри Декена. 1844

по-другому? Ведь вся история шансона тесно связана с историей языка потомков галло-римлян и иже с ними, с историей их поэзии, театра и мысли... Возникнув из симбиоза кельтских песнопений и куплетов, привезенных в обозах римских армий, французская песня объединила в себе церковный и городской – светский, застольный

и любовный – репертуары. Мелодии бардов и друидов подхватили и обогатили ремесленники-строители и пилигримы-странники. Центрами культурного обмена становились не только аббатства и замки феодалов, но и «комендантства» – охраняемые рыцарями-крестоносцами постоялые дворы паломников, идущих в Рим,

Церковь Святого Марциала во французском городе Ангулем, католический храм XIX века, возведенный на фундаменте раннесредневековой романской церкви

в Святую землю или в Галисию, к Сантьяго-де-Компостела. А также строительные площадки зодчих, возводящих по всей Франции величественные храмы: во славу Бога и во славу Человека, порой не имеющего дома собственно-го, однако познавшего «королевское искусство» ваяния из камня дома Божьего.

Когда квебекец Брюно Пельтье, преобразившись в поэта Гренгуара (такой персонаж существовал на самом деле), поет с подачи Люка Пламодона и Ришара Кочианте арию «Время храмов», с которой начинается культовая рок-опера

«Собор Парижской Богоматери» по бессмертному роману Виктора Гюго, он, и правда, отдает дань великой эпохе. На рубеже двух первых тысячелетий нашей эры Европа, вновь открывшая для себя Восток, получила гигантский духовный импульс: зодчие, возводившие вдоль торговых и паломнических дорог «божьи дома», объединили всю западную часть континента цементом единой культуры. В том числе и песенной, самой доступной. Ибо в рабочих общинах, возникавших во Франции, как и в других государствах, появившихся на месте империи Карла

Великого, рождался свой характерный музыкальный эпос – песенный фольклор трудовых корпораций. Песни обогащались канцонами путешественников-пилигримов, «городскими» частушками и куплетами, рождавшимися на ярмарках и рынках, на площадях городов. Прежде всего, во время католических праздников, в дни святых Михаила и Мартина...

Невероятно любопытно слышать эти незамысловатые мелодии сегодня. Дело в том, что музыкальная нотация появилась во Франции уже в IX веке. Благодаря невмам – специальным значкам, прообразам нот,

ставшим частью литургического, церковного унифицирования пения, мы можем судить о культовых службах французов в прошлом. И вот что любопытно: народные песни, пополнившие церковный обиход, становились еще более популярными. Да это и понятно: песня – это искусство, открытое для всех и доступное всем. Из храмов, поднятых к небу земными мастерами, познавшими тайну архитектурного «золотого сечения», мелодии и положенные на них стихи возвращались на площади, постоялые дворы и в харчевни еще более яркими и искусными.

Колыбелью народной песни, ее творческой лабораторией в годы раннего Средневековья стал монастырь Святого Марциала Лиможского. Этому способствовало удачное расположение аббатства, стоявшего практически на середине пути от Экс-ля-Шапель (нынешнего немецкого Ахена), считавшегося столицей империи Карла Великого, к арагонской Сарагосе в Испании. В монастыре была создана база «бродячих клириков» (*clerici vagantes*), или «вагантов», – поющих на вульгарной латыни писцов. Они были организованы в братства, контролировавшие огромные территории от Дуная до Тежу, от Вены до Лиссабона. Французских «вагантов» еще называли «голиарами», то есть «порочными». Да это и понятно: ваганты, несмотря на свою вроде бы принадлежность к монашеству, воспевали по-латыни земные радости. И, заметим, не только чревоугодие...

При исследовании корней песенных традиций Франции и России выстраиваются некоторые любопытные параллели. Идя «Дорогой Звезд» (так паломники называли путь к мощам Святого Иакова в Галисии), странники и бродячие клирики встречали ватаги циркачей...

Обратите внимание: ваганты, молодые монахи, это же наши

бурсаки – гоголевский Хома Брут со товарищи! А «жонглеры» (так французы называли бродячих циркачей) – это российские скоморохи-забавники. Петрушка – душа скоморошья!..

Огромный, разъятый расстояниями, церковными раздорами и разноязычием континент жил одним могучим общим дыханием. Как и наши скоморохи, жонглеры не только показывали чудеса акробатики и укрощали косолапых, но и исполняли куплеты-частушки. Со временем репертуар бродячих циркачей стал шире, его дополнили баллады о любви, героические сказания... Правда, в России в пору царствования Алексея Михайловича началась повсеместная травля скоморохов. В 1648 и 1657 годах архиепископ Никон добился указа о решительном запрете скоморошества. По всей стране прокатилась волна показательных судов над скоморохами: их сажали в острог, у них отбирали инструменты, которые публично сжигали на кострах... Подобное во Франции было решительно невозможно, но и там бродячих артистов власти на некоторых этапах истории тоже воспринимали враждебно.

В пору религиозных постов деятельность французских уличных певцов затихала. Того требовали и церковь, и традиции. Вынужденные каникулы использовались музыкантами для профессионального общения, для учебы. Собираясь в специальных «школах», певцы обменивались песнями, обогащали свой репертуар. Так оттачивалось ремесло. Сочинительство песен – и слов, и музыки – уже стало профессией во Франции, и это в XIII веке!.. Неспроста по примеру других ремесленников – каменщиков и плотников, ткачей и кожевников – недавние бродяги-жонглеры, объединенные по территориальному принципу в цеха, основали в 1331 году свою

профессиональную корпорацию. Ее покровителем стал Святой Жюльен. А их, как бы сейчас сказали, штаб-квартирой сделался парижский храм Сен-Жюльен де Менетрие. Отсюда, по одной из версий, и пошло слово «менестрель». Есть и гипотеза, будто певцов-поэтов называли еще и менестрелями потому, что они являлись исполнителями – *ministers* – тайного богослужения.

Впрочем, существует и другая история, которая гласит, что при дворе короля франков Пипина Короткого, отца Карла Великого, Менестрелем, или Минстрелем звали главного музыканта. Этот творчески одаренный человек отличался тем, что умел своими песнями вдохновлять воинов на подвиги. Менестрель выходил перед строем бойцов и, перекрывая ветер, так вдохновенно и возвышенно исполнял гимны, что его соплеменники дружно бросались в атаку и разбивали недругов в пух и прах.

Менестрандией называлась корпорация музыкантов и певцов. Самый известный из них получал титул Короля Менетрие – короля менестрелей. Менестрандия открывала собственные музыкальные школы – прообразы наших консерваторий. Этот поющий ремесленнический суперцех был настолько мощным, что позволил себе основать в столице Франции госпиталь-приют для бедных и больных музыкантов. И это в начале XIV века, в 1331 году!..

24 апреля 1407 года менестрели, игравшие заметную роль в культурной жизни Парижа, решили отказаться от своего названия, которое ассоциировалось прежде всего с бродячими артистами. С этой просьбой они обратились к монарху, о чем свидетельствует специальный эдикт. Король Карл VI постановил, что отныне называться «менестрелями» будут во Франции лишь игроки на виоле, прообразе

Иллюстрация к рукописи «Романа о Розе» (ок. 1420–1430).
Австрийская национальная библиотека

скрипки. Их корпорация окажется ненамного более стойкой, чем церковь Святого Жюльена на парижской улице Сен-Мартен. Храм разрушат в первые дни революционных потрясений. Музыкальный цех переживет свою штаб-квартиру буквально на считанные дни: все структуры ремесленников прекратят существование в годы Французской революции 1789–1794 годов.

Не правда ли, впору запутаться во всех этих названиях, на самом деле обозначающих только одно понятие – певец? А ведь были еще во Франции и трубадуры, и труверы!.. Без них тоже непросто понять, куда уходят корни французской песни. Дело в том, что корпорация средневековых жонглеров строилась согласно строгой иерархии. Музыкальный цех объединял

и простолюдинов из толпы, распевавших примитивные частушки между буффонадами клоунов и трюками акробатов, и людей большей частью дворянского сословия, владевших мастерством сочинения сложных поэтических произведений: эпических сказаний и любовных баллад. Именно последних и станут называть «трубадурами» – «искателями» по-окситански, на языке юго-западной и южной Франции.

Трубадуры – это не просто странствующие певцы любви, как принято считать. Трубадуры – это своеобразная тайная религиозная организация на юге и юго-западе Франции, ареале провансальского, окситанского языка. И пусть любовь в их творчестве – синоним искусства и науки, главное

для них – возмущение идеологией и практикой Римской церкви. Не зря клир называл провансальский язык, на котором в основном творили трубадуры, «языком ереси». Такая характеристика неспроста: документально установлено, что трубадуры представляли собой остатки сарацинских – из арабской Испании – музыкантов и поэтов. В пламенных куртуазных стихах своих, которыми восторгались великие Данте и Петрарка, трубадуры воспевали Прекрасную Даму, чаще всего не называя ее по имени, а на самом деле, по одной из гипотез, в этих песнях были зашифрованы тайны их организации. Да-да, настоящей трубадурской церкви с ее иерархией!

У трубадуров было четыре степени посвящения. Но, если верить «Роману о Розе», самому знаменитому поэтическому произведению XIII века, этих степеней было семь (магическое число!). Каждой из них соответствовала символическая эмблема мистического значения. Того трубадура, который не знал символики своего градуса посвящения, коллеги наказывали, запрещая ему выступать в замках, сажая провинившегося таким образом на голодный паек. Трубадуры также имели собственные тайные знаки, по которым опознавали друг друга.

Есть мнение о том, что именно трубадуры – на севере страны их называли «труверами» – были авторами большинства песен, исполнявшихся жонглерами и менестрелями. Дескать, трубадуры, первыми из которых были такие высокие дворяне, как Гийом IX, граф Пуатье, герцог Аквитанский, отличались прекрасным образованием, знанием арабской и испанской поэзии, поэтому только они могли творить настоящие, большие произведения, которые затем подхватывали на площадях певцы из народа. Думаю, это лишь одна из версий. На самом деле, как мне

кажется, разница между трубадурами и менестрелями во французской песне, стремившейся на протяжении всей своей многовековой истории к стандартизации и классификации форм, состоит прежде всего в жанре исполняемых произведений и в языке, на котором звучала песня.

Трубадуры пели на окситанском, на так называемом *lengua romana*, которым владели жители не только Аквитании и Прованса, но и Каталонии, Оверни, Савойи, Пьемонта... Их одним из самых известных представителей был Арно де Марей, он оставил, как утверждают историки, шесть «самых древних песен Франции». Трубадуры, хотя и использовали в своем творчестве литургические стихи, были в первую очередь воинствующими лириками. Именно они открыли Любовь с большой буквы для мира европейской поэзии. Любопытно, что во французском языке слово «любовь» (*amour*) мужского рода, а в старопровансальском это слово женского рода – *amors*.

Каждый трубадур долго обучался правилам хорошего тона и обхождения с дамой, а также поэзии и музыке. От настоящего трубадура требовалось знание новостей, обладание хорошей памятью и осведомленностью о последних сплетнях королевского двора, умение экспромтом сочинить стихи для сеньора или дамы и играть по меньшей мере на двух музыкальных инструментах. Для многих из них поэтическое искусство являлось единственным способом заработать себе на жизнь. Например, сын скорняка Пейре Видаль, отличавшийся блистательным трубадурским талантом, так возвысился, что «держал великолепных коней, носил роскошное оружие» и имел слуг. Правда, он не только талантом прославился, но и своими сумасбродствами. Например, влюбившись в даму по имени Лоба, что означает по-провансальски «волчица», он в знак своего служения

ей бегал по горам в костюме Адама, набросив на себя волчью шкуру.

Трубадуры создали целую культуру, где господствовали законы любви – *leys d'amors*. По преданию, они были получены первым трубадуром от сокола, сидевшего на ветке золотого дуба. Эта птица, как символ любви, часто присутствует в трубадурских стихах.

Жанровых стихотворных форм было очень много. Это и кансоны – любовные песни, и сирвенты, в которых обсуждались вопросы морали, и альба – жалостливые песни о расставании влюбленных на заре, и пасторели, в которых рыцарь беседовал с любезной поселянкой, чаще всего с пастушкой...

Законы любви включали в себя тридцать одно предписание. Высшим из них было то, в котором определялось понятие «миннэ» – поэтической любви, включающей любовь плотскую. «Миннэ» воспринималась трубадурами как высокий союз душ и сердец, на брак же они смотрели как на союз телесный, а соответственно – греховный. Сочинивший самую красивую песню о «миннэ» становился вассалом своей дамы, которым она могла впредь распоряжаться как своим крепостным. Стоя на коленях, трубадур присягал госпоже на вечную верность. Дама вручала своему паладину

Средневековый французский трубадур Пейре Видаль

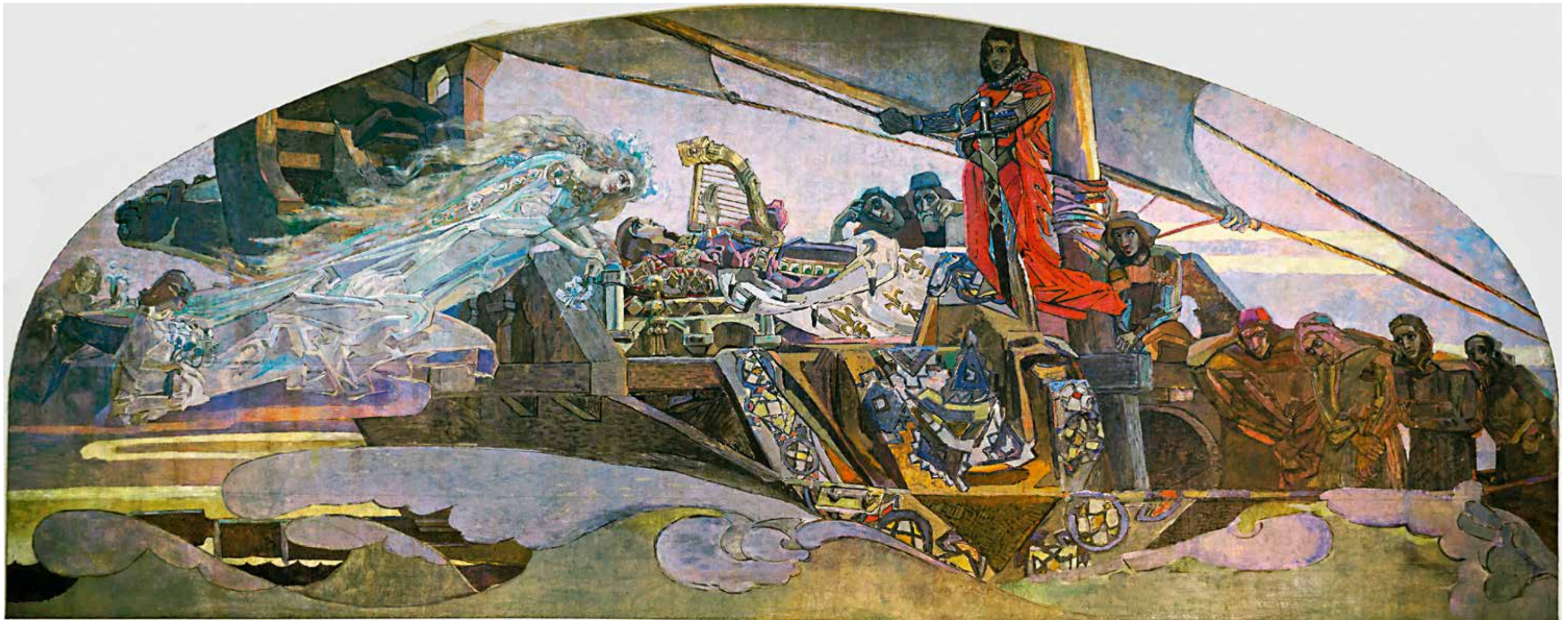
золотое кольцо – символ «миннэ», приглашала трубадура подняться с колен и целовала его в лоб. Этот целомудренный поцелуй был всегда первым и, как правило, последним, который дарила певцу прекрасная сеньора.

Прекрасная Дама для трубадуров – это полновластная и недоступная госпожа. Нередко жена сюзерена, безнадежно недоступная и бесконечно далекая. Вот как формулировал это кредо в XII веке Жофре (по-провансальски: Джауфре) Рюдель, сеньор де Блай и знаменитый трубадур:

Нет, Даму мне не усладить,
Любвых мне не ждать затей.
Увы, я мил не стану ей.
Та, что не в силах награждать
И нежной речью угождать,
Моих не осчастливит дней.

(Перевод Алексея Парина)

Жофре Рюдель своей жизнью (может, только мифом о ней?)

Михаил Врубель. Панно «Принцесса Греза». 1896

прекрасно проиллюстрировал трубадурство как явление. Известно, что Рюдель, участник Второго крестового похода, полюбил дочь короля Иерусалимского Балдуина II – графиню Триполитанскую прекрасную Годиерну только по описаниям ее прелестей и воспел ее в песне «Далекая любовь» (порой ее переводят как «Любовь издалека»). Чтобы увидеть Прекрасную Даму, он отправился в Землю Обетованную, но по пути неизлечимо заболел и не смог даже сойти на берег, когда корабль

приплыл в Палестину. И тогда, узнав о самоотверженности рыцаря, «Принцесса Греза» (так потом назовет Годиерну в своей пьесе Эдмон Ростан) сама взойдет на судно к ложу умирающего трубадура, и тот покинет Земное царство, целуя руку своей Прекрасной Дамы. Сбылась мечта поэта!.. Он, несчастный счастливчик, будет похоронен в усыпальнице тамплиеров, а она, прославленная на века, скорбно и покорно уйдет в монастырь... Легенда, конечно. Но какая красивая, не правда ли?

К слову, сказание о любви рыцаря-певца к прекрасной Годиерне вдохновит Михаила Врубеля на создание по заказу Сергея Витте декоративного панно для павильона на Всероссийской выставке 1896 года в Нижнем Новгороде. Позднее тот же самый сюжет был повторен великим художником в керамике для отделки фасада гостиницы «Метрополь» в Москве по заказу Саввы Мамонтова. Так что воздушная муза трубадуров вот уже не первое столетие взирает с высоты на суету

огромного города, раскинувшегося у ее ног...

«Любовь вместе с весельем, празднествами и удовольствиями царила в замках счастливого Прованса», – писал Стендаль. Воспевание куртуазной любви к Прекрасной Даме превратилось со временем в главную, можно сказать, единственную тему трубадуров. Неслучайно их музой-покровительницей была провозглашена Элеонора Аквитанская – одна из самых блестящих женщин во французской истории, внучка герцога Аквитанского и графа Пуатье

Гийома IX (подданные прозвали его Трубадуром), ставшая женой короля французского Людовика VII, а затем, после развода с французом, короля английского Генриха II Плантагенета. Однако эти династические браки, творимые вовсе не на небесах, нас должны мало интересовать. Главное – другое. Элеонора Аквитанская, установившая для трубадуров каноны воспевания любви, была возлюбленной великого трубадура Бернара де Вантадура.

Совсем иные жанры – «шансон де жест» и компленты. Их

мастерами были жонглеры. Именно жонглеры-странники, как некогда греческие певцы-аэды, сделали творцами и хранителями героического эпоса. Великолепная «Песнь о Роланде» – творение народное. Как и многие другие «шансон де жест» – песни о деяниях – повествуют о битвах с язычниками-сарацинами, об испытаниях участников Крестовых походов к гробу Господню, о восстаниях баронов...

Продолжение следует

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В САРАТОВ – ЭТО ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ»

28 сентября в Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева прошла презентация сборника Марии Копьевой о Саратове и его выдающихся жителях

МАРИЯ ЮРИНА

Юбилей Марии Копьевой, писательницы и основательницы фонда поддержки искусств «Арт-линия», отметили презентацией сборника, озаглавленного известной цитатой из «Горя от ума» Александра Грибоедова. Неслучайно книгу представили в первом общедоступном художественном музее Российской империи, в основу которого легла коллекция русского художника-мариниста Алексея Боголюбова, внука писателя-просветителя Александра Радищева.

Сборник открывается статьей о предках Марии Михайловны – купцах Степашкиных и дворянах Малышевых, сыгравших видную роль в истории Саратова, – и продолжается рассказами о великих саратовцах (от Федора Шехтеля и Михаила Врубеля до Олега Табакова и Евгения Миронова) и стихами молодых поэтов родом из города на Волге.

В Петровском зале Радищевского музея собрались друзья, поклонники и воспитанники Марии Копьевой. Для нее эта книга, задуманная

год назад, была особенной. Мария Михайловна посетила Саратов лишь однажды, в 1980-х, и только спустя годы всерьез занялась исследованием истории предков и смогла собрать уникальный материал, во многом благодаря исследованиям Алины Ивановой, чья статья открывает сборник.

Прадед Марии Копьевой Семен Иванович Степашкин приехал в Саратов подростком, выбился в купцы, занялся мукомольным делом, торговал вином и рыбой и получил награды на международных выставках в Париже, Брюсселе и Антверпене. Его мукомольный завод кормил полстраны. Кстати, фабрика работает до сих пор, а сохранившийся фасад здания относится к объектам культурного наследия.

Прапрадед Марии Михайловны Борис Андреевич Малышев служил при саратовском губернаторе Петре Столыпину, что не мешало ему играть в театре под псевдонимом Андреев.

«Несколько поколений семьи были равнодушны к искусству, особенно к театру, – писала Копьева. – Эта любовь, кажется, передавалась и мне – я уверена, не случайно судьба ведет меня именно сюда. Бабушка с дедушкой переехали из Саратова в Москву в 1925 году и вырастили меня. Я росла в арбатском

переулке, но в душе всегда жила память о корнях. Мое возвращение в Саратов – это возвращение к себе, к тем, кто был до меня, кто передал мне любовь – к жизни, к культуре, к слову. Саратов – город, к которому меня давно тянуло».

Встречи членов литературного клуба «Читальня на Арбате», основанного Марией Копьевой в 2021 году, традиционно проходят в Романовом переулке в Москве. Не раз бывали и выездные заседания. Проходили они, к примеру, в Русском музее в Санкт-Петербурге.

Читательский клуб, впервые организованный в Саратове, стал восемнадцатым по счету заседанием «Читальни на Арбате». Его ведущие – заместитель главного редактора «Литературной газеты» Леонид Колпаков и писательница и журналист Наталья Черкесова – напомнили историю читален и передали слово писателю Василию Зубакину. Он удивительно тонко проследил эволюцию литературной преемственности от Радищева и Чернышевского до издательства «Волга», которое на излете советской эпохи первым выпустило многие книги, долго лежавшие на полке. Среди них – романы Владимира Набокова и Александра Солженицына.

В сборник вошли истории о таких известных саратовцах, как Олег Янковский и Олег Табаков, живших на одной улице, а также о Вацлаве Дворжецком и Нине Алисовой, выступавших некоторое время на сцене Саратовского драматического театра. Одно из финальных эссе посвящено ведущей актрисе «Мастерской Петра Фоменко» Галине Тюниной, окончившей Саратовское театральное училище. Из-за премьеры в Москве она не смогла присоединиться к выездной читальне, но Леонид Колпаков живо передал недавний разговор с актрисой, во время которого она сказала лаконично и точно: «Саратов – это пароль, который открывает двери».

Фото: Сергей Кармеев

Главный редактор «Литературной газеты», писатель Максим Замшев исполнил за роялем песню Анны Герман «Эхо любви».

Григорий Служитель, актер и писатель, автор романа «Дни Савелия», подметил особенность Саратова: «Здесь есть определенная ветреность, которая тебя освежает. И в то же время здесь соединяется несовместимое – так же, как в книге. Это русский город с тюркским названием («желтая гора»), это город парадоксов, которые и формируют культуру».

Молодые поэты, чьи стихи вошли в сборник, подтвердили эту мысль, прочитав свои новые произведения. Перед собравшимися выступили Александра Жадан, Анастасия Ястребкова и Леонид Негматов. Последний зычным, почти шалашинским голосом прочитал

стихотворение, посвященное сложной истории центрального парка «Липки», где в советское время на месте снесенного собора Александра Невского построили стадион «Динамо»: «Зажег диоды капель свет витринный, // ты, посерьезнев, подошла ко мне, // смешно потерлась носом о щетину, // и замер мир. И в этой тишине // боль разошлась, как сахар в чашке чая. // Я без тебя не замечал в упор: // на месте стадиона проступает // подорванный в тридцатые собор».

История еще не примирилась сама с собой. Но ее знание, видение всех ее контрастов, образующих культурный слой, дают понимание того, кто мы такие и куда идем. Тем и хорош сборник, которым отметили юбилей Марии Михайловны Копьевой в городе удивительных парадоксов.

ТОЛЬКО У НАС

ПРИВЕТ, ИСИН!

Новый рассказ Владимира Малышева,
любезно предоставившего «Русской мысли» право первой публикации

Солнце прямо с утра решило нагреть воздух до такой степени, что проходим на улицах совсем расхотелось спешить в свои офисы. На небе не было ни одного облачка, способного хотя бы слегка навести тень на ярко-зеленый весенний покров земли.

– Ну-ка притормози, Алексей, – попросил Петр Андреевич Вересов водителя, проезжая мимо городского парка.

– Ты здесь постои полчаса, а я пойду съем чего-нибудь, а то не позавтракал сегодня.

Он заглянул в кафе, купил пару хот-догов, бутылку холодного заграничного пива, прошелся по аллее и устроился на лавочке. Отведав несколько кусочков теплой сосиски вперемежку с мягким белым хлебом и запив их холодным щекочущим горло напитком, Вересов откинулся на спинку скамейки, подставил лицо утреннему солнцу и замер.

Тепло лучей не обжигало, а лишь мягко поглаживало, создавая ощущение будто к лицу прикасаются нежные ладони далекой гейши.

– Эй, братан, оставь глоток, – вдруг сквозь дрему услышал Петр Андреевич хриплый голос и, с досадой открыв глаза, увидел сидящего рядом мужчину.

Собственно, назвать это обросшее, в грязных лохмотьях существо мужчиной было бы большим преувеличением. С первого взгляда определить возраст и мужские признаки этого внезапно появившегося человека не представлялось возможным.

– А вы, батенька, кем будете? – после некоторой паузы спросил Вересов – И с какой стати я должен

с вами делиться едой, да и просто общаться?

– Я бомж. Не видишь что ли? – последовал ответ. – Паспорт давно потерял, а кличут меня в моих кругах, не знаю, почему Фогелем. – Так ты дашь пивка глотнуть или допрашивать будешь?

– Да нет, не требуется, просто есть такое волшебное слово «пожалуйста», ты, видать, забыл про него, – усмехнулся Петр Андреевич. – Ну уж бери, угощайся, раз такое дело. И сосиску отведай, – добавил он, все больше удивляясь сложившейся ситуации.

Бомж не стал медлить, схватил бутылку и в момент осушил ее крупными булькающими глотками. С такой же быстротой он расправился с хот-догом, после чего расслабился и, похоже, задремал. Вересов с некоторой досадой посмотрел на голубое небо, янтарную листву деревьев и засобиравшись уходить.

– Послушай, братан, – открыл глаза бомж, – ты, я вижу, добрый человек и при деньгах, займи рублей сто, с тебя не убудет, а я сигарет хоть прикуплю.

– А ты, господин Фогель, случаем ничего не попутал, я не из бюро добрых услуг, – возмутился Петр Андреевич. – И деньги с неба золотым дождем не падают! Ты вот весь день будешь здесь на солнышке нежиться, а мне до вечера пахать в своей конторе придется. Тебе-то кто мешал делом заняться, а не в помойках ковыряться?

– Ишь ты какой умник нашелся, – в свою очередь возмутился бомж. – С мое бы хлебнул, не так бы запел! А вот если бы в один месяц мать у тебя скончалась, на допросы бы тебя по подложной жалобе

потаскали, да еще и жену с любовником в собственном доме застучал, посмотрел бы я на тебя, что бы ты делал?! Я вот в петлю сначала хотел, да грех не решился на душу брать, а потом плюнул на все, дверью хлопнул и пошел куда глаза глядят. Еще два года назад я вот так же, как ты: при галстукке, да в дорогом костюмчике фирмой руководил. Секретарша кофе с круассаном в кабинет приносила, мол, не изволите ли, дорогой Кондрат Макарович, кофию испить! И на собраниях, как что, пожалуйста, уважаемый коллега Никонов, в президиум! Но только в одночасье все и оборвалось! Как говорится, мы предполагаем, а Бог располагает! А ты иди, братан, спасибо за угощение, живи да оглядывайся, чтобы тебя где-нибудь беда не прихватила.

Немного растерявшись от такого откровенного рассказа, Петр Андреевич пошел к машине, но вдруг остановился и зашагал назад.

– Послушайте, как вас там, Фогель, я в жизни знал только одного Кондрата Макаровича, отличника из триста пятьдесят седьмой школы, мы с ним в одном классе учились, и он все олимпиады по физике выигрывал, уж не вы ли это?

– Похоже, я, – после некоторой паузы ответил Никонов, – да только что это меняет? Мне тоже с самого начала почудилось в твоей персоне что-то знакомое, как-никак, столько лет в одном классе учились, да только неудобно было спросить, ведь четверть века прошло, – ответил Кондрат. – Вот не думал, не гадал, что так встретимся. По-моему, Петром вас величают?

– Точно так, товарищ Никонов! Вот ведь как повстречались!

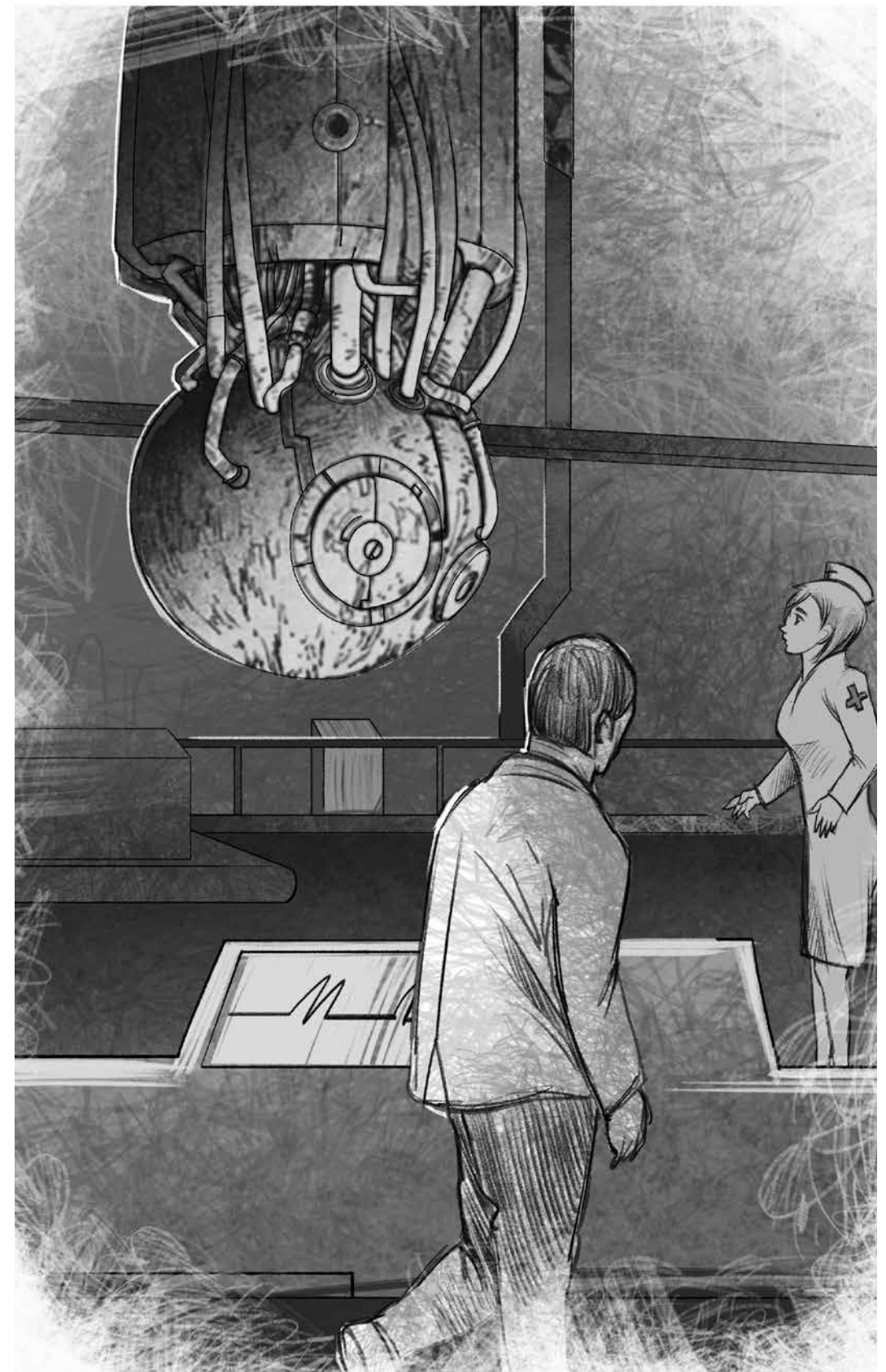
Ну уж коли Господь нас свел здесь, значит неспроста. Пойдем-ка, зайдем в кафешку, посидим и обсудим, чем помочь тебе можно, – предложил Вересов.

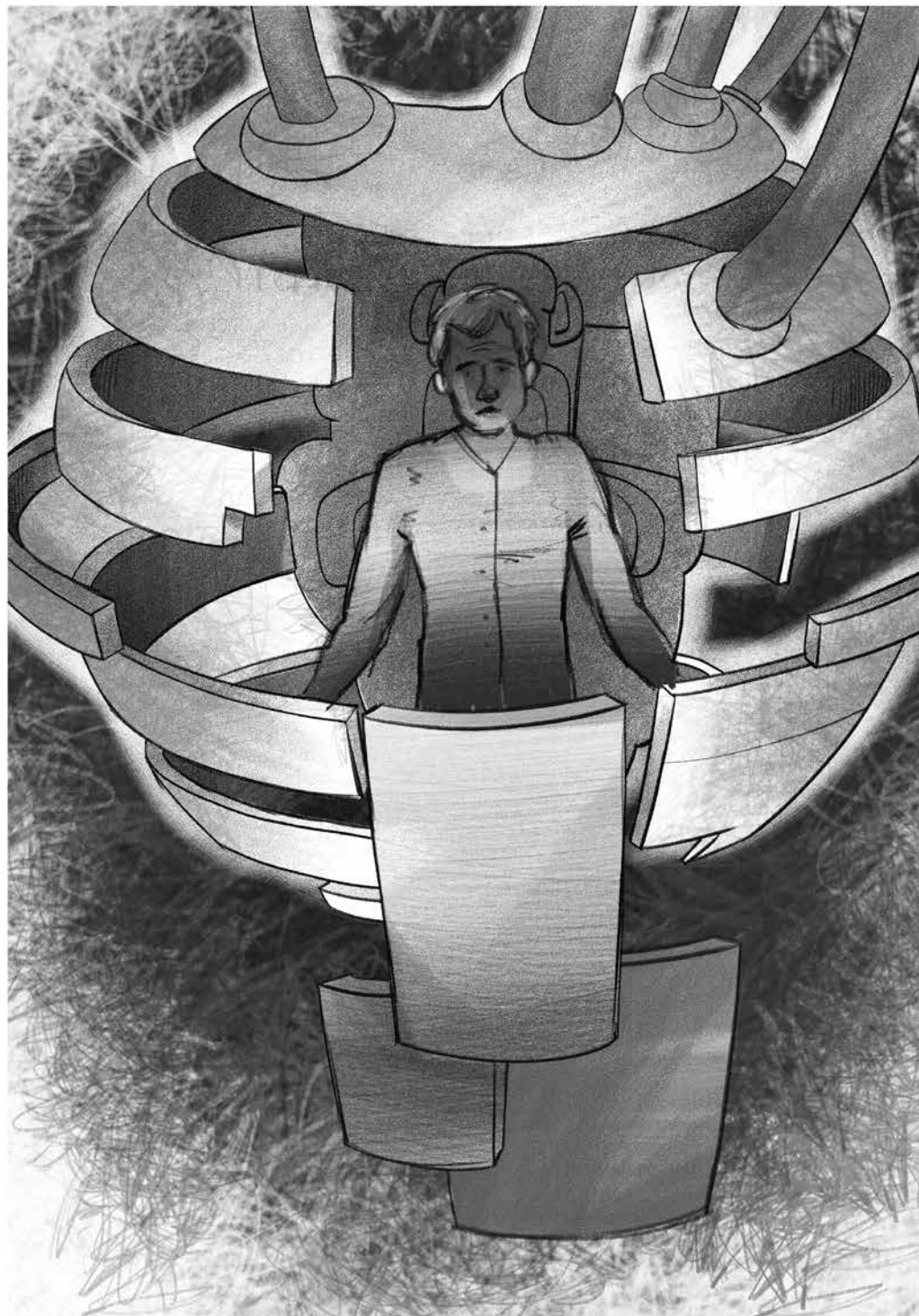
Час прошел в воспоминаниях о школьных годах, разговорах о дальнейшем житье-бытье и, наконец, они перешли к главному – что делать дальше. О возвращении домой или устройстве на работу Кондрат даже слышать не хотел.

– Понимаешь, Петр, опостылило мне все, столько подлости пережил, лжи, равнодушия, что жить не хочется. Оно, конечно, если отсидеться там, где доставать не будут, может и потянет в цивилизацию, а сейчас не смогу, боюсь руки на себя наложу, – откровенно признался Никонов.

Помолчали. После чего Вересов предложил:

– Послушай, Кондрат, есть у меня один знакомый психиатр сильно авторитетный в научных кругах, он большой специалист по твоей проблеме и какие-то новые методы исцеления от депрессуки

разрабатывает. Давай-ка к нему обратимся, хуже точно не будет, а вдруг поможет.

– Оно, конечно, попробовать можно, но ведь, поди, денег на такое лечение много требуется,

да и видок у меня тот еще, – засомневался Никонов.

– Ну, за этим дело не станет, – ответил Петр, – Сейчас заедем ко мне, помоешься, переоденешься, денег я тебе займу, пойдешь работать – отдашь.

Через два часа одноклассники уже заходили на прием к главному врачу поликлиники – Борису Абрамовичу Натансону, который, внимательно выслушав их, предложил Кондрату испытать новый метод лечения:

– Понимаете, голубчик, – сказал он, – случай у вас сложный и к тому же запущенный, с полной потерей интереса к жизни, да еще и неверие в то, что она может стать лучше. Обычные рецепты исцеления вряд ли помогут. Так что решайтесь на эксперимент.

– А что тут думать, – махнул рукой Никонов, – мне терять нечего.

– Ну вот и договорились, вот и славно! – отчего-то радостно посмеиваясь, подвел итог профессор. – Машенька, дорогая, – обратился он к медсестре, – проводи пациента в палату.

Через несколько дней была назначена процедура, перед началом которой Натансон объяснил Кондрату Макаровичу, как она будет проходить:

– Видите ли, голубчик, скажу откровенно, у вас полное отсутствие желания

жить дальше. Я уже встречал таких больных, все они в конце концов плохо заканчивали. В вашем положении может помочь только полное отключение памяти и чувств, чтобы стереть все воспоминания

и начать с чистого листа. Но это, повторяю, научный эксперимент, который может печально закончиться. Решать, конечно, вам. С другой стороны, если удастся овладеть процессом отключения на время всех органов чувств, произвести так называемую «сенсорную депривацию», а потом, очистив мозг от всех прошлых восприятий, вернуть эти чувства в девственном виде, то, может быть, мы научимся лечить людей от сумасшествия и депрессий и всяких прочих гадостей. Если вы согласны, давайте оформим это документиком при свидетелях, так сказать, на случай печального исхода.

– А что здесь думать, я все равно не вижу для себя выхода жить дальше, – ответил Кондрат, – тут хоть науке послужу. Давайте подпишу ваши бумаги. Только у меня тоже условие: дайте твердое слово не возвращать меня в этот поганый мир со всеми его гадостями, подлостью и ложью, – твердо заявил Никонов.

– Ну, это вам решать, дорогой мой, как говорится, «хозяин – барин». Значит, завтра и начнем-с, – завершил разговор Натансон. – Машенька, скажите моему ассистенту пусть готовит операцию. Будем отключать от мозга рецепторы зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса. Оставим пациенту только возможность говорить, на случай если ему потребуется что-то сообщить, – обратился он к медсестре. – Да, вот что еще, забыл вам сказать, уважаемый Кондрат Макарович, вас подключат к аппарату с искусственным интеллектом, мы его между собой ИсИном называем. Он будет поддерживать питание организма и записывать ваши речи. До завтра, уважаемый! Доброго вам пути в вечность, а чтобы вы лучше сегодня спали, Машенька даст хорошенького снотворного.

Операция прошла успешно. После нее Никонова поместили в специальный, не пропускающий звук,

свет и запах аппарат, называемый учеными «флоатинг-капсулой».

Каждый день с утра в палату заходила Машенька и снимала показания ИсИна. В первые дни аппарат транслировал бессвязные звуки – воспоминания из прожитой Кондратом жизни, но потом вдруг на несколько суток замолк.

Затем пошла запись разговоров пациента с усопшими родственниками и знакомыми, которые были настолько реальными и бытовыми, что казалось, будто бы они вовсе не расставались. А далее опять провал. Наконец искусственный интеллект зафиксировал общение Никонова с кем-то на неведомом языке, после чего Кондрат произнес только одну фразу: «Я разговаривал с Богом!»

Каково же было удивление врачей, когда ИсИн предоставил им перевод разговора, который, оказывается, велся на древнеарамейском языке. На нем когда-то излагал свои проповеди Иисус Христос. В следующие дни пациент не произнес больше ни одного слова. А через неделю ИсИн сообщил, что Никонов увядает и жить ему осталось скорее всего несколько суток.

Расстроенная медсестра Мария стала упрашивать Натансона прекратить бесчеловечный эксперимент, но тот и слышать не хотел.

– Ну что вы, Машенька, такая сердобольная?! Поймите, спасая одного пьяницу, который все равно помрет под забором, мы лишим надежды на выздоровление многих людей во всем мире!

На следующее утро Борис Абрамович решил все-таки успокоить медсестру и, купив пышный букет сирени, зашел в палату.

– Уж вы простите меня, Машенька, но, как говорится, «наука требует жертв». Ведь мы в полушаге от открытия!

– Конечно доктор, я все понимаю, хотя всю ночь

не спала, – ответила медсестра. – Вы старший, вам и решать.

– Вот и славно! – воскликнул довольный Натансон и пошел к двери.

– Ах как прекрасно пахнет сиренью! – вдруг послышался за спиной мужской голос.

Обернувшись, он понял, что фраза была произнесена Кондратом, который поднял крышку капсулы и обвел всех веселым взглядом.

– Как же так, Мария, вы же мне обещали ничего не делать с экспонатом?! – возмутился Натансон.

– Да клянусь вам, Борис Абрамович, я тут ни при чем! И ночью здесь никого не было.

– Ну тогда кто же?! Не ИсИн же? Хотя... – врач подошел к аппарату и стал считывать его программу. После некоторой паузы Натансон молча в растерянности вышел из палаты.

Через две недели Никонов выпи-сался из клиники и устроился на работу к Вересову, а еще через полгода Кондрат Макарович женился на медсестре Машеньке. Живут они счастливо, только иногда она слышит, как муж ночью с кем-то разговаривает во сне на непонятном ей языке. И еще замечается за ним некоторая странность: когда Кондрат подвыпьет лишнего, то начинает доказывать друзьям будто бы окружающего материального мира вовсе нет, а все ощущения выдает из себя серая субстанция – человеческий мозг. Если отключить от него органы чувств, то не будет ни света, ни звука, ни вкуса, а все земное пропадает. Как только Никонов приступает к изложению своей теории, собутыльники, многократно ее слышавшие, понимают, что им пора уходить.

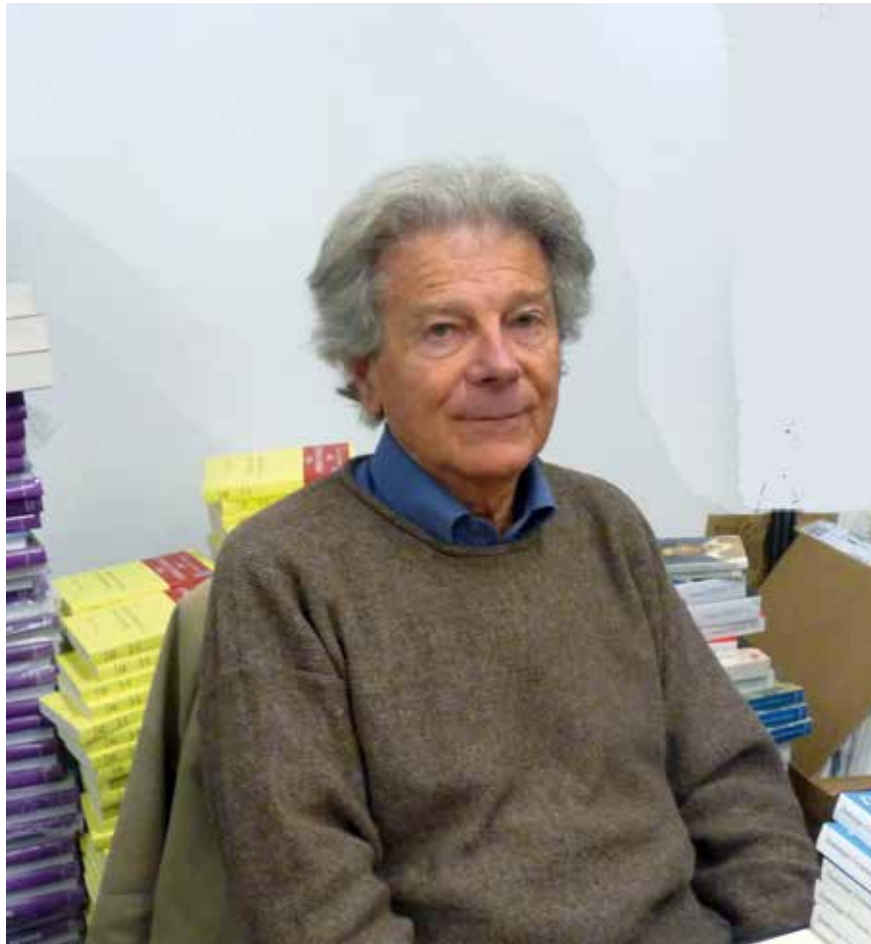
А Натансон все еще безуспешно пытается докопаться до причины нарушения заданной программы и принятия ИсИном самостоятельного решения.

Иллюстрации Андрея Агина

«РУССКИЕ ДЕРЖАТ ДВЕРИ ОТКРЫТЫМИ»

Писатель Доминик Фернандес о Сергее Прокофьеве, Льве Толстом и российской границе с Богом

ЮРИЙ КОВАЛЕНКО,
собкор «Литературной газеты», Париж

Доминик Фернандес, французский писатель, член Французской академии, лауреат премии Медичи, лауреат Гонкуровской премии, офицер ордена Почетного легиона

Известный французский писатель Доминик Фернандес опубликовал новую книгу «Невозможный выбор» о великом композиторе Сергее Прокофьеве. 95-летний академик-дуайен открыл для себя Россию 15-летним

подростком, когда впервые прочитал роман «Война и мир», который считает величайшей книгой в истории человечества. Блестящий знаток не только русской и советской литературы, но и музыки, оперы, балета, кино и живописи, Доминик

Фернандес написал десяток книг о России. Своими произведениями, по его словам, он борется с негативным имиджем России, который создают французские СМИ. В гостях у академика побывал парижский корреспондент «Литературной газеты».

– Почему вы посвятили свою последнюю книгу «Невозможный выбор» Сергею Прокофьеву?

– Прежде всего потому, что обожаю его музыку, особенно фортепианную. Для меня он настоящий новатор – в гораздо большей степени, чем Шостакович и даже Стравинский. Кроме того, в его судьбе есть загадка: он единственный из великих русских, кто эмигрировал в 1918 году, прославился и разбогател вначале в Соединенных Штатах, потом во Франции, а в 1936 году, в самый разгар чисток, вернулся в СССР.

– Что же побудило Прокофьева совершить этот шаг? Его называют единственным композитором, который сделал карьеру и на Западе, и в Советском Союзе.

– Тому было несколько причин. Прежде всего – сильная ностальгия по родной земле, но не только это. Сергей Сергеевич был авангардистом в музыке и видел, что во Франции авангард интересовал лишь узкий круг снобов. Он же мечтал привлечь самую широкую

аудиторию – тех, кто не имел никакой музыкальной культуры. В этом отношении Прокофьев был очень «советским», считал, что в СССР культура стала действительно массовой. В Советском Союзе он сочинил такие доступные всем шедевры, как опера «Война и мир», музыка к фильмам «Александр Невский» и «Иван Грозный», балет «Ромео и Джульетта».

– Святослав Рихтер вспоминал, что Прокофьев не слишком заморачивался принципами: «Ему ничего не стоило сочинить кантату “Здравица” к 60-летию Сталина».

– Действительно, время от времени он шел на уступки власти. Так делал, кстати, и Шостакович. Иначе грозили репрессии. Я объясняю в своей книге, что Шостакович взял на вооружение собственный метод: когда он писал пропагандистские вещи, его музыка была нарочито плохой. Тем самым он как бы дезавуировал свое сочинение.

– Разве между Прокофьевым и Шостаковичем не было соперничества?

– Между ними не было дружбы, но относились они друг к другу с уважением. Однако в отличие от Прокофьева, Шостакович никогда не уезжал из СССР, не считая поездок в Соединенные Штаты.

– Прокофьев не жалел о возвращении на родину, несмотря на весь свой успех, рекордные шесть Сталинских премий и прочие награды?

– Это неизвестно. Не думаю, что жалел. С одной стороны, Сталину удалось заполучить в СССР великую звезду, с другой – Прокофьев, как и Шостакович, Ахматова и другие, стал жертвой Жданова.

– Вы открыли для себя Россию, прочитав в 15 лет за три дня и три ночи «Войну и мир». С тех пор Толстой, которому вы посвятили биографическое эссе, стал вашим кумиром?

– Роман «Война и мир», который я неоднократно перечитывал, сыграл в моей судьбе колоссальную роль. Для меня это величайшая книга в истории человечества – летопись жизни, любви, измен, смерти, войны. С «Войной и миром» могут сравниться только гомеровские «Илиада» и «Одиссея». Гениальны и другие его произведения, в том числе повести «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Хозяин и работник».

– Ни в одной стране мира, подчеркиваете вы, литературу, музыку, оперу, балет не любят так, как в России.

– Русские любят то, что люблю и я... Ваша великая литература появилась относительно недавно. Начало ей положил Пушкин, потом пришел Гоголь, из «Шинели» которого, по словам Достоевского, вышли многие писатели...

В России также замечательная опера с такими гигантами, как Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, опять-таки Прокофьев. Моя любимая опера – «Евгений Онегин». Разумеется, вы гордитесь балетом.

Может быть, из всех искусств осталась в тени русская живопись, хотя есть замечательные художники. Я, в частности, написал статью о современном живописце Эдуарде Штейнберге (1937–2012) для посвященной ему монографии.

– Чем интересна для нас «Война и мир» сегодня?

– Для моих русских друзей «Война и мир» – больше чем книга,

это надежный друг, спутник, советчик, духовный наставник.

– Вы живете в Париже на улице Дуэ по соседству с домом, где останавливался Тургенев, о чем гласит мемориальная доска. Этот дом, как писал его биограф Анри Труайя, «стал центром притяжения для всех русских, живших в Париже. Тургенев был для них “послом русской интеллигенции во Франции”».

– Да, он поселился в доме у знаменитой певицы Полины Виардо... Я очень люблю Тургенева – признаюсь, больше даже Чехова. Мне кажется, что автор «Отцов и детей» во Франции немного недооценен. Может быть, он не столь велик, как Толстой, но он исповедовал те же творческие принципы.

– В XIX столетии русская и французская литературы оказывали взаимное влияние, а писателей связывали узы дружбы.

– Толстой высоко ценил описание войны в «Пармской обители» Стендаля. («Я больше, чем кто-либо другой, многим обязан Стендалю. Он научил меня понимать войну. Кто до него описал войну такую, какова она есть на самом деле?» – воздавал Толстой должное Стендалю, который служил в наполеоновской армии и участвовал в походе в Россию. – Ю.К.) Вспомним также дружбу Тургенева и Мери́ме, который переводил его романы, прозу Пушкина и Гоголя.

– Кто из наших классиков наиболее созвучен нынешним временам? Кого надо читать, чтобы понять сегодняшний мир?

Думаю, что самый современный из всех – Достоевский, который больше всех близок нашей жестокой эпохе. Назову также роман

«Доктор Живаго». Для меня го-голевская «Шинель» остается аллегорией того, что сегодня не все так на нашей планете. Восхищаюсь и пушкинской прозой – особенно «Капитанской дочкой». Из русских поэтов, которых, к сожалению, вынужден читать в переводе, больше всего ценю Ахматову и Мандельштама.

– **Вы автор десятка произведений, посвященных России. «Все мои книги, – подчеркиваете вы, – имеют целью бороться с негативным имиджем России, который создают у нас масс-медиа. Они никогда не пишут о том, что есть замечательного в России».**

– Еще в сталинские времена советская культурная политика заслуживала внимания. Широкие массы, которые были в основном неграмотными, ходили в театры и на концерты. Этого никогда не удавалось добиться во Франции, где культура остается элитарной.

– **Вы автор «Словаря влюбленного в Россию», в котором не скрываете своих чувств: «Я русский в душе: у них самая прекрасная в мире культура. Обожаю русский размах... Французы умны, находчивы, итальянцы тоже, но только русские имеют душу. Именно своей душой они отличаются от других наций. Россия влечет, интригует, очаровывает».**

– Не считая Толстого и Достоевского, на меня повлияло и то, что в 20-летнем возрасте, когда по многим причинам я плохо чувствовал себя в собственном доме, меня, по сути, усыновила в Париже аристократическая семья Игоря Демидова, которая эмигрировала из России в 1918 году. Моим другом был их сын, которого также звали Игорь. Они жили бедно, но в их

парижской квартире за обеденным столом с водкой и огурчиками собиралась родня, друзья, знакомые, приживалы. Это было замечательно – потому что французы живут закрыто. Ко мне отнеслись как к сыну. Именно тогда я понял, что такое русское радушие, открытость, доброта, благожелательность. Впоследствии я часто ездил в Россию – особенно между 1990 и 2010 годами. Мой друг переводчик пригласил меня в Санкт-Петербурге остановиться у него. Он с женой и дочкой жил в двухкомнатной квартирке и с радостью отдал мне одну комнату. Я снова убедился, что русские держат свои двери открытыми. В буржуазной Франции они большей частью на замке.

– **В 2010 году вместе с большой группой французских и российских писателей, журналистов, фотографов вы совершили путешествие по Транссибирской магистрали, проехав за три недели около 10 тысяч километров. Какковы ваши воспоминания об этой поездке, которую вы описали в одной из книг?**

– Это самое прекрасное путешествие в моей жизни, которое я мечтал бы повторить. Нас везли в двух вагонах. Два года спустя нас пригласили совершить круиз по Енисею от Красноярска до Норильска. Лет десять назад я ездил в Крым, побывал в Ялте. Потрясающе! Екатерина II отвоевала Крым у турок, а потом Хрущев отдал Крым Украине, но в советские времена это не имело никакого значения.

– **Вас особо притягивает наша северная столица, о которой вы рассказали в книге «Белая магия Санкт-Петербурга».**

– В 1993 году мне позвонила мадам де Фарси, которая занималась выпуском серии «Открытия»

в издательстве «Галлимар». Она знала о моей любви к России и спросила, не хочу ли я написать книгу о Санкт-Петербурге. Я хорошо знал этот великолепный город в основном по книгам Пушкина, Гоголя и Достоевского. Я признался, что не специалист, да и русского не знаю. Но соблазн был слишком велик, и я согласился... Для меня Санкт-Петербург – самый красивый в мире город, созданный для созерцания, размышлений, пеших прогулок. Он был не только политической столицей империи, но и столицей литературы и искусств.

– **«Советский роман: неоткрытый континент» – одна из ваших последних книг. Как вы обнаружили этот континент? Чем он вас удивил?**

– В моей библиотеке собрана коллекция советских книг, которую публиковали в переводах коммунистических издательства, а также Луи Арагон в «Галлимаре». Первые рецензии я написал о романах Ильи Эренбурга, Веры Пановой, Константина Симонова, Виктора Некрасова. Я обнаружил хорошие книги, которые были изданы после войны, например «Сорок первый» Лавренева. Тогда во Франции все советское воспринимали как пропаганду.

– **Вы цитируете слова поэта Рильке: «Все страны граничат друг с другом, а Россия граничит только с Богом».**

– А как же иначе?! Какие могут быть границы, когда страна занимает шестую часть земного шара?! Едва выходишь из самолета, еще ничего не увидев, сразу ощущаешь ее просторы. Напротив, когда из России возвращаешься в Европу, все сразу кажется маленьким: короткие расстояния, строго расчерченные пейзажи, закрытые горизонты...

В МИРЕ КИНО

СЛУЖИТЬ ИСКУССТВУ БЕЗ ОСТАТКА

К 100-летию со дня рождения выдающегося актера Кирилла Лаврова

ЕКАТЕРИНА ГРИГ

Кирилл Лавров – фигура особенная в истории советского театра и кино. Его судьба словно вобрала в себя драматизм XX века: война, эвакуация, армейская служба, тяжелый труд на заводе – все это стало частью его жизненного опыта еще до того, как он вышел на сцену. Не имея аттестата зрелости и шансов поступить в театральное училище, он все же оказался в профессии, сначала в Киеве, а потом – в Ленинграде, в Большом драматическом театре. Там и раскрылся его редкий

дар – сдержанная, но глубокая эмоциональность, умение превращать классические образы в живых и близких зрителю людей.

На сцене БДТ он сыграл целую галерею ролей, которые стали золотым фондом театра: Молчалин, Астров, Городничий... Сотрудничество с Георгием Товстоноговым оказалось весьма плодотворным.

После смерти великого режиссера именно Лавров стал художественным руководителем театра. В его интерпретации сцена всегда

оставалась местом подлинного духовного разговора со зрителем, а не просто площадкой для эффектного спектакля.

Кино открыло Лаврова всей стране. Его Синцов в «Живых и мертвых» стал воплощением честности и мужества, а Понтий Пилат в «Мастере и Маргарите» – символом внутренней трагедии человека, обреченного на вечный выбор.

Лавров был актером, которому верили безоговорочно. Каждое его появление на экране становилось событием – будь то историческая драма или лирическая повесть.

Он никогда не гнался за славой, но слава сама находила его. Государственные награды, почетные звания – все это было признанием не только таланта, но и личных качеств и умения служить искусству без остатка. Его семья тоже жила театром: жена Валентина Николаева и дочь Мария связали жизнь с БДТ.

27 апреля 2007 года актера не стало, но Лавров остался в памяти тех, кто видел его на сцене и экране. Он был человеком редкой внутренней чистоты и именно этим покорял – без громких жестов, без пафоса, но с удивительной силой правды.

Кирилл Лавров – пример того, как личная судьба и история искусства переплетаются в единый узор. Его жизнь была дорогой служения – театру, зрителю, своему времени. И потому имя Лаврова звучит сегодня не только как память, но и как символ того, каким должен быть настоящий артист.

ЧЕЛОВЕК ИСТОРИИ

Памяти члена редакционного совета журнала «Русская мысль» князя Александра Трубецкого

«Родина для меня – Франция, а Отчизна – Россия, я чувствую себя больше русским, чем французом», – говорил в одном из своих интервью князь Александр Александрович Трубецкой. За этими словами вся его жизнь. Мир

земной он покинул в результате тяжелой болезни легких, вызванной затянувшейся пневмонией. Болел долго, слабел на глазах, но всегда сохранял силу духа. «Таков характер моих предков, – утверждал Трубецкой. – Мы никогда не сдаемся, идем

до конца: чем поначалу труднее, тем выше мы потом поднимаемся».

Что и говорить, с пращурами Александру Александровичу повезло. Родившийся в Париже в 1947 году, он был потомком знаменитого дворянского рода Трубецких-Голицыных, ведущего начало от литовских князей. Из этого корня выросло огромное раскидистое генеалогическое древо Трубецких, воинов и ученых, политиков и деятелей искусства.

Выдающийся музыковед Николай Трубецкой, прадед Александра Александровича, вместе с Николаем Рубинштейном основал Московскую консерваторию. Дед Александра Александровича Евгений Трубецкой был выдающимся христианским философом Серебряного века. Его брат Сергей Трубецкой, также философ, стал первым избранным ректором Московского университета. Мать Александра Михайловна приходилась внучкой военному генерал-губернатору Москвы Дмитрию Голицыну, участнику Отечественной войны 1812 года. Отец же Александр Евгеньевич прошел Первую мировую, а потом воевал в Добровольческой армии.

Родители Александра Александровича познакомились в эмиграции во Франции. «Жили более чем скромно – ни горячей воды, ни ванны, – вспоминал о своей юности Александр Александрович. – Отец и таксистом был, и кондуктором трамвая. Во время оккупации немцы предложили папе служить у них, пойти за них воевать... Но отец решительно отказался, он всегда оставался патриотом России».

После службы во французской армии князь Трубецкой устроился переводчиком на верфь в Нанте.

Шли семидесятые: Советский Союз заключил с Францией контракт на поставку рыболовецких судов. Живой ум, умение завязывать знакомства и знание русского языка позволили Александру Александровичу стать участником поставок в СССР французского сварочного оборудования. В восьмидесятые годы он начал работать в концерне «Томсон», специализировавшемся на разработке и производстве средств массовой коммуникации, а в девяностые Трубецкой обслуживал контракты в энергетической сфере. В 2011 году получил российское гражданство, возглавил совет директоров телекоммуникационного холдинга «Связьинвест».

Однако по природной сути своей он всегда оставался гуманитарием, точнее – историком, ведь таково было его изначальное образование. Трубецкой собирал архивные документы, помогал музеям и даже сыграл важную роль в сближении РПЦ и Русской православной церкви за границей. Главной его страстью была история дворянской России. Его дом в парижском пригороде Жуи-ан-Жоза превратился в настоящий центр русской культуры. Трубецкой собирал редкие книги, фамильные реликвии... Писал интересные статьи для нашего журнала. Являлся соавтором монографий о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и об Итальянском походе Александра Суворова.

Его знания о генеалогии и геральдике были энциклопедическими: мог часами рассказывать, как в старину Трубецкие строили храмы и как Голицыны поддерживали отечественное искусство. Мечтой князя было открытие фамильного музея Трубецких-Голицыных. Для этого он реставрировал родовую усадьбу под Рыбинском. Писал книгу о своей семье. Но, к сожалению, мечту осуществить не успел...

Трубецкой был почетным профессором Московского

Герб князей Трубецких

государственного университета, председателем Объединения памяти императорской гвардии, возглавлял ассоциацию «Франко-русский альянс», активно участвовал в работе Координационного совета (КС) российских соотечественников. Говорил: «Главная цель для меня, как и для всего КС, – всегда напоминать соотечественникам, что мы принадлежим Русскому миру. Это и честь, и патриотическая обязанность... Мы являемся посланниками России...»

За последние годы Москва стала родным домом для Александра Трубецкого и его семьи. Здесь он и остался навсегда. Отпевание

князя состоялось в Большом соборе Донской иконы Божией Матери в Донском монастыре. Александр Александрович первым из Трубецких после революции выбрал местом упокоения фамильную усыпальницу княжеских родов Голицыных, Щербатовых и Трубецких в церкви Архангела Михаила Донского монастыря. Он любил повторять: «Мы – не просто имена в учебниках, мы – живая история». Он и сам вошел в Историю.

Мир его праху!

Редакционный совет
и редакция журнала
«Русская мысль»

В ЭТИ ОСЕННИЕ ДНИ

ПОКРОВ ДЕНЬ

Покров день стали праздновать на Руси в память о явлении Пресвятой Богородицы молящимся во Влахернском храме в осажденном врагами Константинополе. Богородица распростерла над христианами свой омофор (покрывало для головы) и тем самым спасла столицу Византии от гибели.

Покров день в церковном календаре приходится на 1 (14) октября. На Руси праздник Покрова издавна связывали с началом зимы, с первым снегом, который покрывает землю, знаменуя приближение зимних холодов. К этому времени крестьяне завершали все полевые и огородные работы, переставали

выгонять скот на пастбища и начинали топить в избах.

С Покрова дня начинались вечерние девичьи посиделки и открывался осенний свадебный сезон.

Церкви в честь Покрова Божией Матери стали появляться на Руси уже с XII века. Старейшая из них – церковь Покрова на Нерли во Владимирской области, близ поселка Боголюбovo. Этот уникальный белокаменный храм был построен около 1165 года великим князем Андреем Боголюбским. Считается, что именно благодаря ему праздник Покрова Богородицы получил свое распространение на Руси.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на Нерли. 1165

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ АРХИТЕКТУРЫ

8 сентября 1946 года на проходившем в Лондоне международном совещании архитекторов, в числе которых были и представители СССР, было принято решение о создании Международного союза архитекторов (МСА). В настоящее время членами МСА являются более миллиона архитекторов со всего мира.

В 1996 году в Барселоне, на двадцатой ассамблее МСА, было принято решение проводить Всемирный день архитектуры в первый понедельник октября.

В этот день во многих странах проходят архитектурные конференции и симпозиумы, на которых обсуждаются вопросы, связанные со строительством новых зданий, реставрацией и охраной исторических памятников архитектуры, организовываются различные выставки.

Катерина Глизицова / Unsplash

Каждый год Всемирный день архитектуры имеет свою тематику. Так, в прошлом году была выбрана тема «Мобилизация молодых талантов для преобразования городов», подчеркивающая важность привлечения молодых специалистов в условиях ускоренной урбанизации.

В этом году МСА будет праздновать Всемирный день архитектуры 6 октября под лозунгом «Проектирование для прочности».

ПЛАСТИК: ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА

Ни для кого не секрет, что пластик представляет собой серьезную угрозу для окружающей среды и здоровья человека. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на Земле в настоящее время производится около 400 миллионов тонн пластика в год, большая часть которого не перерабатывается. Около 79% произведенного пластика попадает на свалки или в природную среду, где разлагается сотни лет.

Пластик, особенно одноразовые пластиковые изделия (бутылки,

пакеты, трубочки и т.д.), являются основным источником загрязнения океанов. По данным ООН, ежегодно в океаны попадает около восьми миллионов тонн пластика, что угрожает экосистемам морской флоры и фауны. Множество морских животных часто поедают пластиковые частицы и гибнут.

Продукты распада пластика являются опасными химическими веществами, которые, попадая в организм человека, могут вызывать гормональные нарушения, проблемы с репродуктивной системой, а также повышать риск развития различных заболеваний, в том числе

и таких, как рак, диабет, заболевания сердца и сосудов.

Особое беспокойство вызывает присутствие микропластика в пищевых продуктах. Исследования показали, что микрочастицы пластика могут проникать в организм человека через рыбу, морепродукты, воду и даже продукты, которые продаются в пластиковых упаковках.

К сожалению, на практике переработка пластика сталкивается со множеством трудностей, так как не все его виды поддаются вторичной переработке.

В последние годы учеными активно разрабатываются альтернативы пластику, которые могут стать более экологичными. Биопластики, изготовленные из растительных материалов, таких как кукуруза или картофель, постепенно становятся все более популярными. Главное преимущество этих материалов в том, что они могут разлагаться в природе, не нанося такого ущерба экосистемам, как традиционный пластик.

Сегодня многие страны предпринимают серьезные шаги для ограничения производства и использования одноразового пластика, представляющего собой огромную угрозу для природы и здоровья человека.

Фото: Сильвия Бартижель / Unsplash